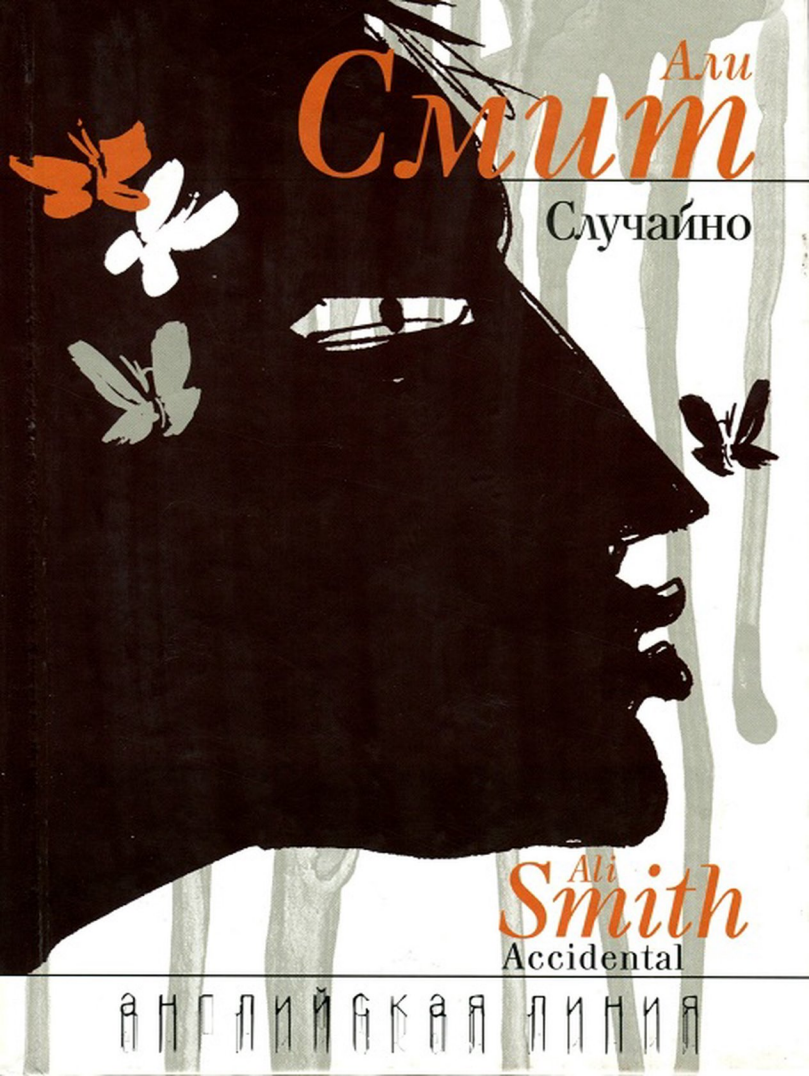
Али
Смит
Случайно
Ali
Smith
Accidental
АНГЛИЙСКАЯ ЛИНИЯ

Случайно
Али Смит

Аннотация
Али Смит. Случайно
БЛАГОДАРНОСТИ
ПРЕДИСЛОВИЕ
НАЧАЛО
ПОСРЕДИ
КОНЕЦ

Аннотация

Случайные — или почти случайные встречи, запрограммированные судьбой и ведущие нас к банальным житейским драмам или к великим личностным переменам — вот острейшая загадка, которую в романе «Случайно» занимает внимание Али Смит. Чтобы попытаться разрешить эту загадку, автор использует различные литературные «ключики» в зависимости от характера персонажа — где поток сознания, где поэтическое творчество, где почти детективную интригу. Внешне благополучная, но раздираемая внутренними противоречиями семья случайно принимает в свое лоно то ли путешественницу, то ли авантюристку, которая превращает их жизнь в неожиданное, опасное и упоительное приключение.

Али Смит
Случайно

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо Карле Уэйкфилд за открытие случайности.

Спасибо вам, Чарли, Бриджет, Кейт, Вудроу, Ксандра, Беки, Доналд, Дафна и Стивен.

Спасибо вам, Эндрю и Майкл, и вам, Саймон и Джульетт. Спасибо тебе, Казия. Спасибо тебе, Сара.

Посвящается Филиппе Рид, с огромной надеждой Инук Хофф Хансен, ты далеко, но совсем рядом Саре Вуд, нашей волшебнице

ПРЕДИСЛОВИЕ

Между реальной жизнью сейчас и здесь, на нашей планете, и теми словами и образами, с помощью которых общество пытается придать ей смысл, существует гигантский разрыв, пропасть.

Джон Бергер.*[1] *«Форма кармана» (пер. А. Осокина)

Стремление к пустому единообразию — не случайность, но следствие того, что марксисты оптимистично называют «поздним капитализмом».

***Ник Коэн*[2]**

---

[1] Примечания: 1
Джон (Питер) Бергер, британский арткритик, художник и писатель.

[2] Примечания: 2
Британский журналист левых взглядов, обозреватель газеты Observer.

...Скоро это событие утратило свою примечательность для всех, кроме Эммы и ее племянников, — в ее воображении оно по-прежнему занимало важное место, а Генри и Джон по-прежнему требовали каждый день, чтобы им рассказали историю про Гарриет и цыган, и с тем же упорством поправляли тетку, если она позволяла себе хоть чуточку отступить в каком-нибудь месте от первоначального варианта.

Джейн Остен. «Эмма» (пер. М. Кан)

Учит многому опыт. Никто из людей
Не надейся пророком без опыта стать.
Непостижны грядущие судьбы.

Софокл. «Аякс» (пер. С. В. Шервинского)

Мое искусство немного аскетично.

Чарльз Чаплин

Мать зачала меня на закате дня 1968 года прямо на столе в кафе при единственном городском кинотеатре. На крохотном лестничном пролете, отделенном от балкона потрепанной шторкой алого бархата, опираясь на локоть и вертя в руках свой фонарик, сидела-зевала билетерша; равнодушная к шепоткам и возне в заднем ряду, она

потихоньку отделяла щепки от деревянной перегородки и бросала их в темный зал, на головы ни в чем не повинных сограждан. На экране шла «Бедная корова» с Теренсом Стампом,[3] до того вычурно-слащавым, что моя мать — гибкая лоза, юная модница, вся — порыв, — не выдержав, поднялась и, хлопнув сиденьем, стремительно двинулась по ряду, задевая на ходу чьи — то ноги, скорее в обшарпанный вестибюль, к выходу, только раздвинуть штору и — на свет.

В кафе никого не было, молоденький официант уже переворачивал стулья на столики. Мы закрываемся, сказал он. Тщетно: моя мать, с непривычки щурясь от света, спустилась вниз по дорожке алого бархата. Она выхватила у него из рук стул и опустила его на пол, прямо так, верх ножками. Сбросила туфли. Расстегнула пальто.

За кассовым аппаратом в большой соковыжималке полузатонувшие половинки апельсинов как заведенные крутились на своих шажках; осадок вздымался со дна и опускался, вздымался и опускался вновь. Стулья на столах задрали ноги кверху; россыпи хлебных крошек на полу лениво ждали пылесосьей атаки. А на ступенях парадной

---

[3] Примечания: 3

«Бедная корова» (Poor Cow, 1967) — фильм реж. Кен Лоуча с использованием техники импровизации.

лестницы (на которых моя мать вскоре появится, спрятав теплый комочек колготок в карман и помахивая туфельками, прихватив их за полосатые задники) Джулия Эндрюс и Кристофер Пламмер улыбались с плакатов в рамках точь-в-точь как наяву — поблекшие, но пленительные, десять лет как вне игры, под ярким светом ламп, обратившимся во мрак пять лет спустя, когда помощник киномеханика (вопреки надеждам, его надули с работой: начальство кинотеатра после смерти старого киномеханика решило взять на его место человека из столицы) спалил строение при помощи жестянки с креозотом и незатушенного окурка.

Дорогие места на балконе, где было запрещено дымить, что с ними? Лишь дым остался. А партер, с его глубокими, пахнущими кожей креслами? Были да все вышли. А бархатные портьеры и люстра с огромным стеклянным плафоном? Развеянный пепел, мельчайшие ломкие блики света на полотне местной истории. Все газеты дружно постановили: несчастный случай. Владелец кинотеатра получил страховку и продал пожарище сети супермаркетов-складов, которая носила бесхитростное название «Супермаркет-склад Макиз».

Но в тот вечер 1968 года в не успевшем закрыться кафе за стеной еще раздавался бубнеж голосов современных киношных любовничков. По-прежнему словно ниоткуда сочилась музыка. И как раз перед эпизодом, когда с Теренсом Стампом решают разобраться по-серьезному, моя мать сцепила пятки за спиной моего ошалевшего отца, который со стоном вошел в нее, подарив ей в буквальном смысле миллион шансов, из которых она и выбрала единственно верный.

Ну, давайте знакомиться.

Я — Альгамбра.[4] Меня назвали в честь места моего зачатия. Верьте мне: все уже дано.

От матери: некричащая грация; тяга к мистике; умение получать желаемое. От отца: умение исчезать, не существовать вовсе.

[4] Примечания: 4

Альгамбра — знаменитый дворец в пригороде г. Гранада в Испании. Считается уникальным образчиком эклектической архитектуры эпохи арабского завоевания, выдающимся по мастерству и богатству архитектурных украшений.

НАЧАЛО

…всего — а когда конкретно? Она, Астрид Смарт, хотела бы знать. (Астрид Смарт. Астрид Беренски. Астрид Смарт. Астрид Беренски.) На часах отстойного радио 5.04 утра. И почему говорят, что новый день начинается как раз в это время? На самом деле день начинается глубокой ночью, сразу, как только пробьет полночь. Но считается, что день начинается на рассвете, потому что тьма — это еще как бы ночь предыдущего дня, а утро нового приходит вместе с первыми лучами солнца, хотя вообще-то оно наступает в первую же секунду после полуночи — это как в том парадоксе, ей Магнус рассказывал, когда делишь расстояние на все более мелкие отрезки, например расстояние между землей и отскочившим мячиком, чтобы доказать, что мячик никогда не коснется земли. И ведь это нелепица, потому что мячик конечно должен упасть на землю, иначе он не смог бы подпрыгнуть, ему было бы не от чего отскакивать — но научным способом можно доказать, что все наоборот.

Астрид снимает рассветы. Больше здесь делать

нечего. Деревня — дыра. Почта, разгромленный индийский ресторан, забегаловка, маленький торговый центр, вечно закрытый, специальный переход через дорогу для уток. Подумать только, специальный дорожный знак для уток! В магазине есть диван с табличкой: «Очень хороший диван». Тоска. Еще есть церковь. Около нее тоже специальный знак. Ничегошеньки, церковь да утки, а уж этот дом — всем дырам дыра. Полный отстой. И ничегошеньки не случится за все отстойное лето.

У нее уже есть десять рассветов, снятых друг за другом на маленькую цифровую «Сони». Четверг, 10 июля 2003 года, пятница, 11 июля 2003 года, суббота, 12 июля, воскресенье, 13 июля, понедельник, 14-е, вторник, 15-е, среда, 16-е, четверг, 17-е, пятница, 18-е. Но невозможно уловить, в какой конкретно момент наступает рассвет. Когда смотришь запись на экранчике камеры, заметно только, что окружающее становится более различимым. Означает ли это, что начало как-то связано с обретением зрения? Что день начинается в момент, когда ты просыпаешься и открываешь глаза? И когда Магнус наконец просыпается в районе полудня и все слышат, как он слоняется в своей комнате, на втором этаже

их отстойного дома, означает ли это, что день все продолжает наступать? Что день начинается для каждого по-разному? Или что его начало просто растягивается на целый день? Нет, скорее, напротив, оно отодвигается все дальше. Ведь всякий раз, открывая глаза, понятно, что был момент, когда мы их закрыли, а перед этим — когда мы их открыли, и так далее, считая все наши просыпания и засыпания, да и просто моргание, вплоть до самого первого раза, когда мы открыли глаза — то есть, собственно, до момента рождения.

Астрид сбрасывает кеды на пол. Ложится поперек отстойной кровати. Возможно, начало было еще раньше, когда мы находились во чреве матери или как его там. Возможно, истинное начало — это когда ты формируешься как личность и нежная ткань, которая станет твоими глазами, только что создана, сформирована внутри твердой оболочки, твоего будущего черепа.

Она проводит пальцами по своей надбровной дуге. Глаза вписываются в них идеально, ведь они, глаза и глазная впадина, были созданы друг для друга. Как в той пьесе, где одному мужчине вырвали глаза, — другие актеры посадили его спиной к залу, чтобы зрители не видели, что они делают, а когда стул развернули обратно, он

сидел, накрыв глаза ладонями, а потом отнял их, и его руки были сплошь в какой-то красной гадости, и глаза тоже. Просто бред. Это был джем, что — то такое. И сотворили это с ним собственные дочери, или сыновья. Трагедию написал Майкл. Вообще-то это очень хорошая пьеса. Ну да, точно — ведь в театре поднимают занавес, и ты понимаешь, вот оно, начало, раз занавес уже подняли. Но когда гаснет свет, публика утихает и начинают поднимать занавес, то — если сидишь близко к сцене — к воздуху примешивается посторонний запах, в котором словно движутся частицы пыли и чего-то еще. Как в той пьесе, тоже трагедии, на которую ее потащили мать с Майклом, полная клиника, про женщину, которая сходит с ума и убивает своих детей, двух мальчиков, но сначала посылает их — совсем несмышленышей — в зал, они спускаются со сцены и проходят мимо зрителей; мать дала им отравленную одежду, подарок для царевны, на которой собрался жениться их отец, бросив ее, и они идут в этот дом, или дворец, в общем, покидают зал, и на сцене ничего не происходит, да, собственно, вообще нигде не происходит, кроме как в этой истории да в вашей голове, и хотя прекрасно это понимаешь, хотя знаешь, что это просто пьеса, но все-таки где-то

за стеной неподалеку бедная царевна примеряет отравленную одежду и умирает в страшных муках. Ее глаза горят в глазницах, и она мечется в ужасе, как люди в метро, где террористы что-то там распылили. У нее горят легкие…

Астрид зевает. Есть хочется.

Если честно — она умирает с голоду.

Время запредельное, до завтрака еще сто лет, даже если бы она и захотела перекусить в этой антисанитарной обстановке.

Можно бы лечь поспать. Но, как назло, даже обидно — она сейчас как огурчик. На улице уже совсем светло. Видимость — почти до горизонта. Одно «но»: смотреть тут не на что; деревья, луга и т. д. и т. п.

На часах отстойного радио 5.16 утра.

Спать не хочется.

Можно встать и пойти поснимать место погрома. Она обязательно сегодня это сделает. Пойдет попозже в ресторан и спросит у индийца разрешения. А может, просто снимет без спросу, а то вдруг откажет. Зато, если она пойдет сейчас, там точно никого не будет, полная свобода. А если кто и окажется на месте в такую рань (конечно, там не будет ни души, она одна не спит во всей округе, но мало ли что, — допустим, кто-то будет),

то скажет: глядите, какая-то девчушка балуется с видеокамерой! Может, этот кто-то заметит, что это одна из последних моделей, — если, конечно, он что-то в этом понимает. Если ее спросят, то она расскажет, что приехала на лето (это правда) снимать пейзажи (тоже правда) или материал для школьного проекта (правдоподобно) о различных зданиях и их использовании (неплохо придумано!). А потом, когда она вернется домой, окажется, что на ее камере запечатлено ключевое свидетельство, и на каком-то этапе расследования погрома кто-то из властей вспомнит: стойте, там же ходила девочка лет двенадцати с камерой, — может, она случайно сняла что-то дико важное для следствия, и они придут к ним, в этот дом; но что, если они не останутся на все лето, а будут уже дома, ведь некоторые расследования тянутся бог знает сколько; ну тогда власти узнают их адрес по компьютеру, набрав имя Майкла или расспросив владельцев этого отстойного дома, и тогда благодаря ей всё наконец встанет на свои места и полиция выяснит, кто же устроил погром в «Дворце карри».

Уникальное место. Мама постоянно твердит об этом, каждый вечер. Однако, несмотря на его уникальность, других приезжих здесь, похоже,

не много; может, потому что сейчас вообще-то неотпускное время. Местные так и глазеют, даже когда Астрид ничего особенного не делает, просто гуляет. Даже когда она ничего не снимает. Но погода класс. И здорово, что ей не надо ходить в школу. Солнце появляется почти на всех записях рассветов. Это и называется — отличное лето. Давно, еще до ее рождения, климат был лучше, судя по рассказам, прекрасная погода стояла с мая по октябрь. Давно — это в прошлом веке. Пожалуй, из всех живущих сейчас в этом доме — мамы, Магнуса, ее самой и Майкла — ей удастся прожить в новом веке дольше всех. Все, кроме нее, принадлежат скорее прошлому веку. Но и большая часть ее жизни — пока — прошла в том столетии; в процентом соотношении она прожила в новом 25 % своей жизни (если считать с 2001 года до середины этого года, как раз пошел июль). Итак, она на 25 % новая, на 75 % старая. Магнус прожил в новом веке три года из своих семнадцати, что равняется… Астрид считает. Магнус на 17 % новый, на 83 % старый.

Мама и Майкл соответственно в гораздо меньшей степени принадлежат новому столетию и в гораздо большей — старому. Точнее она подсчитает потом. Сейчас ей не до того.

Она ворочается в своей отстойной кровати. Кровать немилосердно скрипит. Но вот скрип прекращается, и она отчетливо слышит, как тихо во всем доме. Никто не знает, что она не спит. Все такие доверчивые простаки. Простак — звучит как персонаж из Средневековья. В 1003 году до Р.Х. (рок-хитов) Астрид идет в лес к отшельнику, Простаку, который на самом деле благородных кровей, он король, но по каким-то причинам решил стать отшельником и вести жизнь аскета, и вот он живет в хижине, нет — в пещере, и отвечает на вопросы людей, которые приходят к нему со своим бедами издалека (кстати — Простак мог быть только мужчиной, ведь у женщины в то время было два пути: либо в монастырь, либо на костер). Люди, пришедшие, чтобы услышать ответы на свои вопросы, должны постучать в дверь пещеры, ну, то есть в камень у входа, и Астрид подбирает камень и стучит по большому камню, так Простак узнаёт, что его кто-то ожидает. Я принесла подношение, громко произносит Астрид в темноту пещеры. Это круассаны! Наверное, тут в лесу вряд ли есть свежие круассаны, как, впрочем, и в их деревне. И мать и Майкл хором жалуются на отсутствие круассанов с первого дня, как они поселились в этой дыре, это просто

смешно, ведь именно им пришло в голову свалить сюда и ее с Магнусом притащить, и теперь она выглядит еще более «странной» и «не такой, как все», но будем надеяться, что к началу нового учебного года Лорна Роуз, Зельда Хауи и Ребекка Каллоу забудут о том, что ее забрали из школы на два месяца раньше, чем остальных.

Астрид усилием воли вытесняет их лица из сознания. Она сидит у входа в пещеру. Она принесла круассаны. Простак очень обрадовался. И кивком приглашает Астрид войти.

Глазеет на нее из темного угла; он стар и мудр. Отеческое выражение лица. Дай ответ на мой вопрос, о мудрейший старец и пророк, начинает Астрид.

Но больше она не может выдавить из себя ни слова, ибо у нее нет вопроса. Она не знает, что ей спросить у Простака и зачем. Она не способна придумать вопрос да еще ясно сформулировать его даже для самой себя, не то что задать его вслух незнакомому человеку, пусть он и плод ее фантазии.

(Астрид Смарт. Астрид Беренски.)

Она садится в кровати. Берет камеру и поворачивает объективом к себе. Выключает изображение, вынимает кассету с записью, вставляет

ее в специальное отделение и устанавливает камеру на столе. Сразу вставляет в камеру чистую кассету. Немного полежав на спине, Астрид переворачивается на живот. К концу этой поездки у нее в коллекции будет аж шестьдесят один рассвет — правда, смотря когда они уедут, в пятницу, субботу или воскресенье. Шестьдесят один минус девять. Т. е. все равно впереди еще пятьдесят две штуки. Астрид вздыхает. Вздох какой-то неожиданно громкий. Да, здесь ведь не слышно шума машин. Может, именно из-за такой непривычной тишины она никак не может заснуть. Совершенно не хочется спать. Вот сейчас встанет и пойдет снимать погром в ресторане. Она закрыла глаза. Она словно внутри ореховой скорлупки; ей там так удобно, словно она с рождения в ней находится. Голова у нее теперь будто в шлеме; колени идеально лежат в изгибе. Полная герметичность. Комната-мечта. Она в абсолютной безопасности. Никто не сумеет сюда проникнуть. Вдруг Астрид подумала, а как же дышать, если в скорлупке нет щелей. Интересно, а сейчас-то она дышит? Непонятно. Конечно, здесь, внутри, совсем ограниченный запас воздуха — если он вообще там есть. И тут она заволновалась — если Лорна Роуз, Зельда Хауи и Ребекка когда-нибудь случайно

узнают, что ей в голову пришла эта мысль про то, как она оказалась внутри ореха, они будут ржать над ней, как над идиоткой… Лорна Роуз и Зельда Хауи играют на корте в парке в большой теннис. Астрид с Ребеккой идут мимо. Они еще как бы подруги. Лорна Роуз бежит через корт к ограде и говорит, пусть, мол, сыграют партию на соседнем корте, рядом с ними, а потом победительницы сразятся между собой, и так они выяснят, кто из них четверых — лучший игрок. Астрид смотрит на площадку, где должны играть они с Ребеккой: вся площадка засыпана битым стеклом. Она хочет сказать «нет», но Ребекка уже согласилась. Глянь, там же стекло, говорит Астрид, это бред какой-то. Ага, слабо, говорит Зельда Хауи. Мы знали, что ты не сможешь. Они нарочно насыпали туда стекла — это проверка. Только последняя дура будет играть среди осколков, обращается Астрид к Ребекке. Но та заходит на корт и с хрустом идет по битому стеклу. Тут к ограде подходит мужчина. Он отец одной из девочек. Астрид хочет рассказать ему про стекло на площадке, но не успевает: он громко зовет всех, кроме нее; он уже разделил на четыре равные части «Фрут энд нате». И раздает девчонкам по ломтику. Астрид силится рассмотреть, ест ли он четвертый сам,

но с такого расстояния не может различить его лица, далеко. Она чувствует, что держит что-то в руке. Это камера. Можно снять все на видео, и тогда все узнают, что тут произошло. Но она не может поднять камеру. Какая тяжесть. Рука отказывается подчиняться. Где-то в страшной дали раздается звонок в дверь. Это дома. А дома, кроме нее, никого нет. Прихожая огромна и пустынна. Астрид бежит через нее к двери. Кажется, бежать сто лет. Когда она все же добегает, то сгибается пополам — дыхание сперло, и она жутко боится, что человек, звонивший в дверь, из-за ее медлительности уже ушел. Она открывает дверь. На пороге мужчина. У него нет лица. Ни носа, ни глаз — ничего, сплошная бледная кожа. Астрид бросает в пот. Мама будет в ярости! Это ты виновата, что он пришел. Сюда нельзя, уходите, хочет сказать она — но не может выдавить из себя ни слова. Нас нет дома, сипит она. Мы уехали! Уходите. Астрид пытается закрыть дверь. Тут на «лице» возникает рот, и оттуда вырывается оглушительный рев, словно она подошла слишком близко к самолету. Дверь от этого открывается настежь. Глаза Астрид распахнулись, и она скатилась с постели, сразу встав на ноги.

Они на каникулах, в Норфолке. Часы на отстой-

ном радио показывают 10:27 утра. А страшный шум — это звук пылесоса, которым Катрина-Чистюля рьяно проходится в коридоре по плинтусам и под комнатными дверями.

Рука затекла. Она так и просунута в ремешок камеры. Астрид высвобождает руку и трясет ею, чтобы восстановить приток крови.

Потом становится ступнями на свои кеды и елозит по вытертому ковру. Подумать страшно, сколько старых, давным-давно умерших людей ступало по нему голыми ногами.

В зеркале она видит у себя на скуле отпечаток собственного большого пальца, это от того, что она спала с пальцами под щекой! Теперь она точь-в-точь как одна из тех керамических штуковин ручной работы, — мама не покупает фабричные изделия, только те, что лепили люди, кустари, они всегда оставляют на изделиях свои отпечатки рук, вместо подписи, — значит, она поставила автограф на самой себе!

Она прикладывает большой палец к отпечатку на скуле. Идеальное совпадение.

Астрид плещет водой налицо и вытирается рукавом своей футболки — все лучше, чем этим отстойным полотенцем. Надевает и завязывает кеды. Берет камеру в руку и открывает дверную

задвижку.

Есть два способа смотреть на то, что снимаешь: по маленькому экранчику или в видоискатель. Настоящие режиссеры всегда пользуются вторым способом, хотя это явно менее удобно. Она приникает глазом к видоискателю и снимает, как ее рука сначала поднимает задвижку, потом опускает. Может, лет через сто таких задвижек давно не будет, и эти кадры станут доказательством их существования для людей, которым тогда, в будущем, понадобится узнать, как они действовали.

На экранчике замигал значок батарейки. Уже садится. Но еще можно заснять, как Чистюля елозит раструбом пылесоса по каждой ступеньке. Катрина досталась им вместе с домом. «Входит в пакет услуг». Мама с Майклом сочинили стишок и вечно повторяют его шепотом, даже когда Катрина далеко и не может услышать, даже когда ее вообще нет дома и можно хоть обораться: «Катрина-Чистюля на своей кастрюле». Ее «форд-кортина» — годов 70-х, для лохов; хотя Астрид не понимает, в чем соль: у Катрины вроде вообще нет машины, она всегда приносит сумку со средствами для уборки из своего дома, что в деревне, а потом, после работы, уносит обратно. А они ведут себя как подростки, которые делают что-то

ужасно неприличное, типа, матерятся. Лично Астрид выше таких вещей. Просто люди разные, вот что она думает. Это же очевидно. Одни люди от природы не способны вести определенный образ жизни, поэтому зарабатывают меньше денег и ведут другую жизнь, не такую обеспеченную.

На лестнице маловато света. Должен получиться интересный эффект. Астрид видит в видоискатель макушку Катрины и снимает, как та пылесосит ступеньку. Потом — как она спускается и пылесосит следующую.

Чистюля отступает в сторону, пропуская Астрид, но глаз не поднимает.

— Простите, Катрина, — Астрид пытается перекричать шум. — Можно у вас спросить?

Катрина отступает на шаг и выключает пылесос. Но глаз так и не поднимает.

— Я бы хотела узнать, сколько вам лет, — говорит Астрид. Это мне для школьного проекта. (Отличная отмазка. Она мысленно запоминает фразу, чтобы вставить в разговор с индийцем в сгоревшем ресторане).

Катрина что-то бормочет, глядя в пол. Тридцать один, что ли. Да, выглядит она потрепанно. Катрина снова включает пылесос. Тридцать один — это прикольно. Астрид считает: на 10 % новая,

на 90 % — старая. Она продолжает снимать пол, обходя Катрину, потом снимает свои ноги, спускаясь по лестнице.

Эти кадры идут сразу после мертвого зверька, которого она увидела на дороге, возвращаясь из деревни вчера вечером. Немного похож на кролика — но не кролик. Покрупнее. С маленькими ушками и короткими задними лапками. По нему проехалось много машин. Шерсть выпачкана грязью и кровью. Штук пять ворон поднялось с трупика, когда Астрид подошла поближе; они отщипывали от него ошметки. Она подобрала палку и ткнула в трупик. А потом сняла его на камеру.

Как-нибудь она специально оставит камеру на столе в их отстойной гостиной, перемотав ровно на это место, ведь Майкл точно возьмет ее и посмотрит, что она наснимала, сто пудов посмотрит, а он такой маменькин сынок, сразу пойдут охи-ахи, он всегда распускает сопли, когда видит подобные штуки в реальной жизни, а не в театре или где еще.

Астрид встала как вкопанная посреди прихожей. Тот зверек. А вдруг он был еще жив, просто лежал без сознания, и, когда она изо всех сил ткнула его палкой, он все прекрасно чувствовал

и просто казался мертвым, потому что находился в коме?

Ну, может, все не так страшно, ведь, если зверек был в коме, он не мог чувствовать боль, как здоровый. По дороге сюда мама с Майклом, как всегда, играли в «Напугай овечку» — рядом с каждой овцой, мимо которой проносился их джип, Майкл гудел в клаксон, а всякий раз, как завидят сбитое машиной животное, они одновременно поднимали вверх сжатые кулаки. Как бы чтя дух мертвого существа. «В юношеском задоре». Раньше, когда Астрид сильно расстраивалась из-за зверюшек, она тоже так делала. Но ей уже двенадцать, и она знает, что, в конце концов, это просто трупы.

Нет, вряд ли зверек почувствовал, как она его ткнула.

Придумала! Она сделала это для школьного проекта.

Астрид снова приникает глазом к видоискателю. Очень важно рассматривать вещи внимательно, особенно всякие непонятные. Мама всегда так говорит. Минуя темную прихожую, Астрид входит в комнату. Тут видоискатель вспыхивает ярким светом, так что она на миг слепнет. Астрид резко убирает камеру от глаз.

Она моргает. Так ярко, чуть глаза не лопнули.

На диване у окна кто-то сидит, она видит силуэт. Но из-за дневного света и из-за вспышки, от которой у нее в глазах все мелькают черные и красные точки, вместо лица — неясное пятно. Астрид опускает глаза вниз и смотрит на ковер, пока зрение не приходит в норму. Она видит чьи-то босые ноги.

Наверное, кто-то из деревни, опять насчет дома. Или кто-то из учеников Майкла. Астрид опять моргает и отворачивается, как бы игнорирую ту часть комнаты. Она с особой осторожностью выключает камеру, потом достает из-за стопки старомодных идиотских детективов в мягкой обложке зарядное устройство и новую батарейку. И уносит все хозяйство в кухню.

Майкл чистит грушу. На тарелку, с которой ело черт знает сколько людей, бывавших в этом доме. Чистит он грушу ножом с деревянной ручкой. В которую впиталась грязная мыльная вода черт знает за сколько лет, пока его раз за разом мыли все те давным-давно умершие люди, что жили здесь или проводили отпуск.

В тостере тоже полно крошек, оставшихся от непонятных умерших людей. Астрид кладет свои вещи на пол рядом со стулом, берет кусок фольги,

потом отламывает кусок от неначатого конца батона. Она накрывает фольгой отстойный мини-гриль, кладет внутрь кусок хлеба и включает аппарат. И садится на стул возле двери и болтает ногами.

— Кто это там в гостиной? — спрашивает она Майкла. Сейчас тот режет очищенную грушу на аккуратные бледные дольки.

— Это к маме, — говорит он. — У нее машина сломалась.

Он берет тарелку с тонко нарезанной грушей и идет к входной двери, что-то напевая. Это песня Бейонсе. Он очень собой доволен и выглядит дико пафосно.

Астрид шлепает ладонью по стулу сбоку — интересно, больно будет или нет. Больно, но не очень. Она шлепает сильнее. Сейчас больнее. Конечно, если рассуждать научно, можно доказать, что ее ладонь никогда не ударит по стулу, «разложив» расстояние между ними на бесконечное количество отрезков. Она шлепает еще. У-я!

Астрид ждет, чтобы хлеб подгорел.

Слышно, как Майкл что-то громко говорит в гостиной. Астрид подходит к мусорному ведру, поднимает крышку. Очистки груши лежат сверху, на остатках вчерашнего ужина. Изнутри

шкурки белые-белые. Астрид достала их. Майкл почистил грушу не отнимая ножа. Она складывает очистки в ладошке, так чтобы они снова приняли форму целого плода. Даже верхушка с черенком ложится сверху словно шапочка. Настоящая груша-пустышка!

Она снова опускает пружину очистков в ведро, крышка падает сама. Потом моет руки в раковине. Возвращается Майкл. Она видит, как стремительно тухнет его улыбка, предназначенная тому человеку в гостиной.

— Что-то горит, Астрид! — говорит он.

— Знаю, — отвечает Астрид. Майкл вынимает из гриля поднос с хлебом, открывает ведро и выбрасывает тост горелой стороной вверх прямо на очистки груши.

— Ты бы отрезала ровный кусок, — говорит он. — Тогда бы он не подгорел.

— А я люблю горелый!

Он отрезает два ровных куска от батона и закладывает их в тостер.

— Спасибо, я не буду, — говорит Астрид.

Майкл не реагирует. Вот дурак несчастный. Между прочим, она вынуждена носить его фамилию, она все время произносит ее вместе со своим именем, а права голоса, видите ли, не имеет. Она

берет в охапку свои вещи и идет обратно в прихожую. Но Астрид понятия не имеет, где именно в этом отстойном доме находятся розетки. Что-то ни одной не видно. Она пока знает только, где розетки в гостиной — самой первой комнате. Можно было, конечно, пойти наверх, в свою комнату, но, как назло, она слышит, что Катрина сейчас как раз пылесосит в ее комнате. Правда, пылесос не делает погоды в смысле дезинфекции — это лишь уборка по поверхности. А ведь все эти мертвецы лизали мебель своими мерзкими языками, а частицы кожи со старческих пальцев втерлись в поверхность перил.

Астрид вошла в гостиную. Все розетки около телевизора уже заняты. Если она что-нибудь отключит, ей наверняка здорово влетит.

Пылесос резко замолк. Окна в сад раскрыты. Дом наполнен звуками сада, ну, голосами птиц и так далее. Астрид проходит в другой конец гостиной, выключает из розетки лампу, ставит заряжать аккумуляторы, встает.

В квадрате солнечного света, который падает из окна над входной дверью, кто-то лежит вытянувшись на диване. Это женщина. Она забралась на диван с голыми ногами, словно у себя дома. Глаза ее закрыты. Да она спит.

Астрид подходит вплотную.

Да, это женщина, но как бы девушка. Вроде бы блондинка, но Астрид видит темные проросшие корни, там где волосы распадаются на пряди. Ее ноги покоятся на диванных подушках. Ноги с очень грязными ступнями.

С близкого расстояния она выглядит младше мамы и даже младше Катрины, но все-таки слишком взрослой для «девушки». Она совсем без макияжа. Странно.

И подмышки у нее небритые. Волосы у нее там очень густые. Ее ноги, и голени, и ляжки, — тоже небритые. Просто невероятно. Они прямо заросли шелковистыми, не сбритыми волосами! Будто миллиарды коротких ниточек растут прямо из кожи.

В каких-то тридцати сантиметрах от лица Астрид глаз незнакомки — девушки, женщины, неважно, — распахивается и глядит прямо на нее.

Астрид отпрыгивает назад. Она видит на полу у дивана тарелку и поднимает ее, ну, будто Майкл послал ее за этим. И с тарелкой в руках идет через комнату, выходит через открытые окна в сад и заворачивает за угол.

Зная, что из дома ее теперь не видно, Астрид

останавливается. Пытается отдышаться — дыхание сбитое, прерывистое. Ужасно неприлично так разглядывать человека. Еще ужаснее, когда он разглядывает тебя. А уж если за этим застукают — это вообще.

Тарелка какая-то липкая. Астрид облизнула палец. Сладко. Она опускает тарелку на траву рядом с декоративным садиком и тут же полощет пальцы в лейке, чтобы избавиться от липкости. Интересно, а что сейчас в этой лейке? А вдруг яд от насекомых или сорняков! Астрид подносит пальцы к носу, но ничем химическим не пахнет. Тогда она их облизывает. Вообще никакого вкуса.

Астрид идет по траве к так называемому летнему домику. По крайней мере, так он был обозначен в объявлении о сдаче, а вообще-то это обычный сарай; мама и Майкл ноют по этому поводу с первого дня приезда, потому что главной причиной их приезда в эту дыру была идея, что мама лето напролет будет работать в «летнем домике» — как какой-то там великий писатель из прошлого века. Как мама работает, слышно даже на таком расстоянии снаружи. Ужасно громко, хотя у нее всего лишь ноутбук. Мама изучает жизнь людей — опять же, из прошлого века. Она

печатает двумя пальцами и ужасно лупит по клавишам, как будто зла на весь свет, хотя она вовсе не злая, просто так кажется со стороны.

Астрид стоит под дверью, в нее запрещено стучать, кроме как в крайнем случае. Итак, она стоит под дверью в саду среди старых деревьев и кустов, ну как бы среди «полей и лесов, окружающих дом со всех сторон». Стоит тихонько, никому не мешая. Сравнительно с этими могучими деревьями она напоминает чахлые деревца, которые зачем-то сажают посреди лужаек на парковках супермаркетов.

Стук клавиш прекратился.

— Что тебе? — крикнула мама из-за двери.

Астрид отходит на два шага.

— Я тебя слышала, — снова кричит мама. — Что?

— Ничего, — отвечает Астрид. — Я просто стою.

Мама вздыхает. Слышно, как она отодвинула стул.

Дверь распахивается. Мама выходит на солнце. Она щурится, отступает назад, на порог, закуривает.

— Ну, — произносит она, выдыхая дым. — Привет. Что тебе?

— Да ничего, — говорит Астрид. — Я просто

так.

Мама снова вздыхает. Где-то над ними запела птица.

— Ты ходила смотреть, что осталось от индийского ресторана? — спрашивает Астрид.

Мама покачала головой.

— Астрид, я сейчас не могу об этом думать.

Она без конца думает о людях, умерших лет шестьдесят назад. Когда она пишет свои эссе, они занимают все ее мысли. Лично Астрид считает, что куда продуктивнее было бы изучать то, что происходит здесь и сейчас, чем копаться в жизни людей, которые умерли полвека тому назад.

— Когда я проснулась, то увидела, что у меня на щеке отпечатался след от большого пальца, — говорит Астрид. — Обалденно.

— Угу, — мычит мама, не глядя на Астрид, которая приложила большой палец к щеке, туда, где был отпечаток.

— Как на синих горшках у нас дома. Ну, на которых мастер оставил отпечаток большого пальца.

Мама не отвечает. А птица все заливается, повторяя одну и ту же трель из трех нот.

— Сегодня прекрасная погода, правда? — говорит Астрид.

— Угу, — произносит мама.

— Как раньше, ну, еще до моего рождения?

— Угу.

— Ну, когда погода всегда была хорошая, когда лето длилось прямо с мая по октябрь, то есть как бы длилось вечно? — спрашивает Астрид.

Мама не слышит. Никакой реакции. Она даже не говорит Астрид, как обычно, хватит болтать. Просто стоит в дверях и спокойно курит. Астрид чувствует, что краснеет. Сигареты — это гадость. Они ужасно вредные. И воняют. Ребенку известно, что они вызывают разные болезни, причем не только у самих курящих.

Астрид махнула ногой по высокой траве у стены домика. Уж она знает, что про вред курения лучше помалкивать. Об этом позволено говорить лишь в особых случаях. Она меняет тему.

— Кто это там?

— Где?

— Дома.

— Понятия не имею, — говорит мама. — А Майкл еще там?

— Угу, — отвечает Астрид.

— А Магнус встал?

— Кажется нет.

— Да, если пойдешь днем гулять, обязательно возьми мобильный, — говорит мама.

— Угу, — говорит Астрид.

Ее мобильник — отключенный — покоится на дне мусорного ведра в школе, по крайней мере, именно туда она отправила его три недели назад. Если бы мама и Майкл узнали, они бы просто описались, ну правда; они ведь до сих пор платят по кредиту. Мама считает, что пока телефон при ней, при Астрид, то она в безопасности — ясное дело, потому что она всегда может позвонить, но еще и потому, что полиция теперь умеет определять местонахождение пропавшего человека по его мобильнику. ДУМАЕШЬ ТЫ УМНЕЕ ВСЕХ АСТРИД. ТЫ ДУРА. НА САМОМ ДЕЛЕ ТЫ ТУПИЦА. РОЖА КАК ЖОПА. А ЕЩЕ ТЫ ЛЕСБИЯНКА И МУДАЧКА. Доводить кого-то опасно. В прошлой четверти у Магнуса в классе одна девушка из-за этого погибла. Из школы им домой пришло письмо. По идее, ты должен рассказать кому-то, что тебя доводят. Но то было в школе Магнуса. Астрид скажет маме, что мобильный у нее украли.

— Ты что-нибудь ела? — произносит мать.

— Да, тост, — говорит Астрид.

— Прекрати, — говорит мать.

Астрид не понимает, что она такого сделала.

— Что? — спрашивает она.

— Стучать ногой, — отвечает мать.

Астрид прекращает. Она стоит руки по швам. Лично она никогда не будет носить 14-й размер. Она не будет толстухой. Мать легонько постукивает кончиком недокуренной сигареты по косяку двери. Когда та потухает, она растирает носком ноги упавший пепел, сует сигарету обратно в пачку, возвращается в домик и закрывает за собой дверь.

Астрид ждет, когда застучат клавиши. Секунду-другую стоит тишина. Ага, застучали.

Она смотрит, как солнце пробивается сквозь листву у нее над головой, этот как миф про Икара, который полетел на крыльях, сделанных его отцом, и воск расплавился, когда он подлетел слишком близко к солнцу. Астрид подумала, если бы он смастерил крылья для дочери, она наверняка знала бы, как с ними обращаться. Правда, тут важно, сколько лет было (бы) девочке; например, если бы столько, сколько Астрид, — то все в порядке. Для девочки помладше это слишком опасное дело, просто не по плечу; а взрослая девушка волновалась бы, что люди будут заглядывать ей под юбку, а макияж от жары потечет.

Еще Астрид откуда-то знала — наверное, от Магнуса узнала, — что человеку достаточно неотрывно глядеть на солнце двадцать восемь

секунд, чтобы ослепнуть. Интересно, каково это, быть слепой? Уже не пойдешь в театр или в кино. Какой смысл. Телевизор будет все равно что радио. Она закрывает глаза. Интересно, как слепые понимают, что настало утро, если они не могут увидеть, что на улице рассвело? Если они не различают свет и тьму, из смены которых и состоит день?

Она думает, интересно, что случится, если она вот сейчас встанет и будет смотреть прямо на солнце двадцать восемь секунд.

Ее глаза расплавятся.

Понаедут врачи, скорая помощь и т. п.

Астрид шагает в пятно ослепительного света между двумя деревьями. Открывает глаза и смотрит прямо в небо. Раз, считает она. Даже одна секунда — ужасно много. Она крепко зажмуривается. Под веками мельтешат молнии. Она открывает глаза — и не видит ничего, кроме солнца, большого ярко-оранжевого диска. Она снова зажмуривается. Внешний мир отображается у нее под веками, как снимок «изнутри». Который потом наклыдывается на реальный мир — стоит ей открыть глаза. Вот было бы офигенно снимать фотографии собственными глазами! А если бы она так умела, да еще имела бы крылья, ну как в

мифе про Икара, она бы занялась аэрофотосъемкой. Она бы парила надо всеми как в вертолете. Окончательно убедилась бы в убожестве этой деревушки. И эти могучие деревья превратились бы в жалкие травинки. Их отстойный дом легко уместился бы на ее ладони. Она промчалась бы над школой во мгновение ока. Все, кто сейчас сидит в классе и зубрит французский, спортплощадка, улицы вокруг школы — все стало бы таким игрушечным, меньше ее ладони, и становилось все меньше и меньше, по мере того как она поднималась бы ввысь.

В саду дико жарко. Астрид идет обратно к дому. Вон там ее комната. Вот бы влететь в нее через окно! Тогда бы ей больше не пришлось ступать по мерзкому ковру. Тогда она постоянно держалась бы чуть над землей. Сейчас она подлетела бы к окну Магнуса и заглянула за штору. (Магнус Смарт. Магнус Беренски. Ему до лампочки. Почему мне должно быть не все равно, если ему на меня насрать, как-то сказал он. Но Магнус *его* помнит. Он посадил меня на плечи, и мы гуляли по берегу. Он разрешал мне класть сахар ему в чай.) Шторы у Магнуса всегда задернуты. Он совсем перестал мыться. Как правило, встает не раньше двух и спускается вниз лишь затем, чтобы принести на

кухню грязные тарелки, вечером взять тарелку с ужином и снова подняться и запереться в комнате. Мама и Майкл уже теряют терпение. Но, хотя они и бесятся из-за этого, ему все сходит с рук. С другой стороны — как назло, просто беда, — когда Астрид захотела унести ужин к себе в комнату, они закатили ей дикий скандал.

Джипа уже нет перед домом. На подъездной дорожке только видавшая виды белая машина. На кухне никого. Телевизор в гостиной работает вхолостую. В новостях сообщили, что пропал человек; и что полиция обнаружила тело. Астрид стелет на кресло сегодняшние газеты и садится, зажав руки между коленями, стараясь не касаться подлокотников. Дикторы и всякие люди, у которых берут интервью, продолжают талдычить про пропавшего мужчину и найденное тело, но никто не говорит, что тело и личность пропавшего как-то связаны, хотя именно это они все и имеют в виду. Еше все говорят про войну. Появляется премьер-министр в окружении восторженных американцев, жмет руки каким-то мужчинам в костюмах. После новостей какая-то тетка в телестудии целую вечность рассказывает о метаморфозах ее стула с тех пор, как она стала принимать пищу в новых комбинациях.

Какашки всем на загляденье, говорит ведущая. Зал смеется. Вот он, юношеский задор. Потом в студию позвонил мужчина и сообщил, что пьет свою мочу. Гости студии обсуждают, улучшится ли здоровье, если пить собственную мочу. Астрид думает, хорошо, что Майкл не смотрит, его бы наверняка захватила эта идея, и он заставил бы их попробовать.

Тут у них всего тридцать каналов, и большинство — отстой. Типичный отстой. На другом канале крутят музыку 80-х. Что ж, можно посмотреть — слава богу, сейчас их нет, и не надо слушать пургу про «время, когда музыка была неотделима от политики», или наблюдать дебильные танцы. На экране идет клип про девушку, которая сидит в кафе с чашкой кофе и читает комикс, и тот вдруг оживает, и она как бы становится его участницей. Парень из картинки подмигивает ей и протягивает руку прямо из комикса в реальный мир, она тоже протягивает ему руку и попадает внутрь, становясь нарисованной, как и он, а в реальном мире хозяйка кафе не может понять, куда подевалась девушка, злится, что та не расплатилась за кофе, и с досады мнет журнал и бросает в мусорную корзину, а в мире комикса это означает катастрофу, откуда ни возьмись

появляются бандиты с битами и начинают все крушить. Тогда парень разрывает свой мир (он ведь сделан из бумаги), чтобы девушка могла вырваться через дыру в свой, всамделишный мир. Хозяйка кафе обнаруживает девушку — снова реальную — на мусорной корзине позади прилавка. Та хватает журнал, который лежал смятый в корзине, выбегает из кафе, пулей несется домой и пытается у себя в комнате разгладить страницы. В конце клипа парень из комикса (он же — солист самой группы) пытается прорваться к ней в реальный мир, чтобы тоже стать реальным, а не нарисованным.[5]

Астрид идет на кухню и ломает батон хлеба пополам, не желая прикасаться ни к какому ножу, ни за что. Она вынимает мякиш прямо пальцами и жадно жует. Возвращаясь в гостиную, она натягивает ворот футболки на рот и дышит на ткань, потом нюхает то место, куда подышала. Запах ужасно приятный. Она думает, наверное, таким был бы ее вкус, таким сладко-теплым, если бы она сама или кто-то другой мог ее попробовать. А вдруг она отвратительная на вкус? Она думает об этом, пока идут еще два клипа, потом выключает

---

[5] Примечания: 5
Речь идет об известном клипе шведской группы A-ha «Take on me».

телевизор.

Она вставляет в камеру батарейку и проверяет, как она работает. Засовывает зарядное устройство со второй батарейкой обратно за жуткую коллекцию мистических детективов на самой низкой полке книжного шкафа. Она прислушивается, но Магнуса нет, в коридоре ни звука. Она выходит из дома через парадную дверь. Мама с Майклом любят повторять, как восхитительно жить в деревне, где людям можно доверять, можно не закрывать машину и дверь в дом и даже оставлять ее нараспашку. Астрид проверяет, как следует ли она закрыла дверь. Если кто-то захочет ограбить дом, пусть заходят через французские окна, тогда виновата будет мама. А зарядное устройство воры найдут только в том случае, если придут специально, чтобы спереть все собрание сочинений Агаты Кристи, вот был бы воистину «ироничный детектив».

Она идет по дорожке, что идет к дороге, идущей к деревне. Ну и жара. Она представляет, будто их дом, забитый всяким старым барахлом, плюс все их летние вещи, самые разные, разложенные по полочкам в образцовом порядке, колышутся в раскаленном воздухе. Вот он, последний миг перед тем, как через сад к ним проникнут грабители

и возьмут, что плохо лежит. Но, поскольку этот миг еще длится, в комнатах на первом этаже еще никого нет, только вещи, словно комнаты затаили дыхание этим душным летним днем. Магнус как-то сказал, чем отличается кино от реальной жизни. В кино у каждого кадра есть смысл. Если показана пустая комната, то не просто так, за этим что-то стоит. Он взял ручку и уронил ее. А потом сказал, если ты уронишь ручку в обычной жизни, то на этом и конец: ручка просто выскользнула из пальцев на пол. Но если в кино кто-то роняет ручку, и зрителю показывают эту ручку, то эта самая ручка приобретает большую значимость, чем обычная ручка. Астрид знает, что это правда, но почему-то вдруг засомневалась. Когда Магнус снова начнет разговаривать, она обязательно его расспросит. А еще она спросит, как объяснить, что она ткнула палкой мертвого зверька, даже не задумавшись. Магнус-то точно знает, что ее на это толкнуло. Было бы клево, если бы у нее была видеозапись зверька за мгновение до смерти, еще живехонького, перед тем, как он попал под колеса — буквально за секунду. Когда он еще сидел на той стороне дороги — даже неважно, кто он был, кролик, кошка — но живой, глазки, лапки, все такое.

Но каково было бы смотреть на него, зная, что случилось потом! Офигенно. Ты знаешь, а он нет. Знать об этом и при этом иметь такую запись — это все равно что смотреть на комнату за секунду до ограбления. Ты знаешь, а комната как бы нет. Конечно, комната не может ничего знать, это же не живое существо, не человек. А если представить, что комната ожила, мебель передвигается сама по себе, а стены говорят друг с другом через комнату. Комната-зомби, ха-ха. Представьте, что вы попали в некую комнату, и мысли не допуская, что она живая, только решили сесть в кресло, а оно говорит: пошел вон! Не смей на мне сидеть! Или просто вильнуло в сторону, чтобы вы не смогли сесть. Или что у стен есть глаза, и они умеют говорить, так что вы можете прийти и спросить у комнаты, что тут происходило, пока вы находились в другом месте, и она расскажет все без утайки…

— Привет, — произнес голос.

Это та девушка, которая утром спала на диване в гостиной.

Теперь она идет рядом с Астрид. У нее в руке два яблока. Она прикидывает их вес, осматривает, выбирает, какое оставить себе.

— Держи, — говорит она.

Яблоко летит к Астрид и ударяет ее прямо в грудь, довольно сильно. Она ловит его, прижимая к себе рукой с камерой, сгибом локтя.

— Астрид, — говорит девушка. — Астры, астральный… Как тебе с таким звездным имечком?

И она стала рассуждать о звездах. Говорила, что из — за яркого городского освещения и света придорожных фонарей сейчас почти нигде не увидишь настоящего ночного неба и что на Западе ночное небо уже не бывает абсолютно темным. На большей части Европы и в Америке — почти во всем мире люди уже не имеют возможности наблюдать звезды, как это было в прошлом.

У незнакомки легкий акцент, ирландский, что ли, а может, американский. И хотя Астрид ни словом не обмолвилась о своей вылазке к «Дворцу карри», она вдруг заговорила о нем. Спросила, ходила ли туда Астрид, и сказала, что это — явный вызов со стороны местной преступности. Зачем еще было швырять черную краску в двери и окна единственного восточного ресторана в деревне? И вообще единственного во всей округе?

Астрид поднимает камеру выше и прижимает к глазу, хотя она выключена, даже объектив не открыт. Она хочет, чтобы незнакомка заметила ее и проявила интерес. Но та замолчала и зашагала

быстрее, немного обогнав Астрид. Астрид опускает камеру. Откусывает яблоко. Только сейчас она поняла, что ужасно голодна.

— Как вы узнали? — спрашивает она. — Ну, про ресторан?

Астрид прибавляет шаг.

— Как узнала? — отвечает женщина. — А какие варианты? Как об этом можно было не узнать?

— Вы тут по поводу дома? — спрашивает Астрид.

Незнакомка вдруг остановилась посреди дороги.

Она уставилась себе под ноги. И вдруг села на корточки. Астрид замечает на асфальте пчелу, большую такую, мохнатую. Девушка достает что-то из заднего кармана шортов. Какой-то маленький пакетик. Она надрывает уголок и высыпает содержимое на ладонь. Потом заворачивает уголки пакетика и убирает обратно в карман. И плюет себе в ладонь. Фу, вот гадость. Потом большим пальцем растирает слюну в ладони. И размазывает свою слюну рядом с пчелой, которая замерла, потому что заметила рядом с собой нечто куда больше самой себя.

Девушка поднимается и идет дальше, облизав ладонь и вытерев ее о шорты.

Астрид думает, сколько же ей лет. Она глядит на ноги незнакомки, волосатые. Это просто непристойно. Она никогда такого не видела. Глядит на ее босые ноги, шлеп-шлеп по асфальту.

— А больно ходить так, босиком? — спрашивает она.

— Не-а, — отвечает женщина.

— У вас машина сломалась?

Они идут по дороге, незнакомой Астрид.

— Машины — дрянная штука, мир и без того загибается.

— Это вы сдаете нам дом? — спрашивает Астрид.

— Какой дом?

— Который мы снимаем.

Женщина доела яблоко и забросила огрызок высоко через ограду.

— Органика.

— А что вы делали, там, с пчелой? — спрашивает Астрид.

— Оказывала скорую помощь.

Женщина вынимает из кармана шортов свернутый пакетик, проверяет, плотно ли он завернут, и кидает Астрид. Похоже на пакетики сахара, какие обычно лежат в вазочках в кафе, на них еще печатают самые разные сведения — даты

жизни классических музыкантов или писателей, названия марок машин или клички лошадей, выигравших очередной забег. На пакетике написано: БЕЛЫЙ САХАР. А на другой стороне — рисунок истребителя, надорванный посередине, и текст: ЗА ВРЕМЯ II МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1939–1945 ПОГИБЛО ОКОЛО 55 МИЛЛИОНОВ ЧЕЛОВЕК.

— Оставь себе, — говорит женщина.

Астрид удерживает в одной руке яблоко и камеру и засовывает пакетик в задний карман джинсов. Они идут по незнакомой дороге, и женщина рассказывает, что в конце лета рабочие пчелы выбрасывают из улья трутней, потому что иначе зимних съестных припасов не хватит на всех, кроме того, трутни больше не нужны в их сообществе, потому что королева оплодотворена, жизнь улья с приходом осени изменилась, в общем, рабочие пчелы просто откусывают трутням крылышки и выталкивают из улья.

— И что с ними происходит дальше? — говорит Астрид.

— Наверное, птицам достаются, — отвечает женщина. — Думаю, трутни изо всех сил цепляются за пчел, стараются ухватиться лапками за стенки улья, пока им откусывают крылья. Ну, ничего, пока им ничего не угрожает, — продолжает

она. — Лето только началось.

Надо же, прямо знатный пчеловод. А теперь эта чудачка засвистела. Засунула руки в карманы и чешет себе по дороге чуть впереди Астрид, насвистывая как мальчишка. Получается, Астрид идет по незнакомой дороге с незнакомым человеком, ее мобильник погребен в мусорном ведре, и значит, ее местопребывание установить невозможно.

— Откуда вы узнали, что я Астрид? — выкрикивает она вслед незнакомке, прямо в затылок.

— Ну, это просто, — отвечала та. — Мне сказал тот мужчина.

— Какой мужчина? — спрашивает Астрид.

— Ну тот. В вашем доме, — отвечает женщина. — Который тебе не отец. У меня тоже нет отца. Я его вообще никогда не видела.

Астрид уронила обкусанное яблоко, и оно откатилось к самому краю дороги. Она чуть не выпустила из рук камеру, но в последний момент прижала к себе и не дала упасть. Она остановилась. Встала посреди дороги как вкопанная.

— Машина! — говорит незнакомка — и правда, им навстречу из-за поворота выезжает машина. Астрид отпрыгивает в сторону. Она пытается сообразить, что она успела до сих пор сказать вслух.

Да ничего! Она даже не заикалась про отца, или не-отца. Мимо проносится машина, Астрид чувствует мощный порыв ветра. Она еще некоторое время слышит рев мотора, он стоит в ушах и в глазах, хотя и ветра-то никакого нет, и шум уже стих, а на дворе все тот же спокойный солнечный обыкновенный июньский день.

А девушка идет дальше.

— Догоняй, если не передумала, — кричит она не оборачиваясь.

Она ушла вперед довольно далеко. Астрид побежала. Она почти догнала незнакомку, и тут ее осенило. Весь смысл просыпания раньше всех на рассвете — это что вокруг нет ни души, только одна Астрид, зевающая, полусонная, можно высунуться из окна, положив локти на подоконник и заснять занимающийся рассвет. А вокруг лишь воспрявшие птахи, да деревья чуть колышутся на ветру, поводя кронами, ни единой машины на дорогах, сколько хватает глаз, ни лающих собак, ни-че-го. Но однажды утром Астрид, глядя в видоискатель камеры, между прочим, на максимальном увеличении, видела ее.

Ее.

Да, это была она.

Там, далеко, на крыше машины — белой ма-

шины, сидела женщина, Астрид уверена, что машина была белая, припаркованная у самой кромки леса. У нее вроде был бинокль, или такой прибор, что используют люди, наблюдающие за птицами или вообще за природой. Забавно — она смотрела на единственного человека, который не спал в этот момент, а тот, как ни смешно, просто невероятно, смотрел на нее, и теперь, когда Астрид нагнала незнакомку, та продолжает как бы недавно прерванный разговор, и Астрид как бы само собой понимает, о чем речь.

— И вот что. Если ты кому-нибудь скажешь, я тебя прибью, — говорит женщина. — Я серьезно, не думай.

Тут она оборачивается и глядит на Астрид. И начинает хохотать, словно что-то привело ее в дикий восторг, что-то настолько смешное, что она не может сдержаться. Она дурашливо вытаращила глаза, и Астрид понимает, что незнакомка передразнивает ее, что это у нее, у Астрид, такой обалдевший вид. А она действительно вытаращила глаза, да так, что, кажется, они сейчас выскочат из орбит.

Незнакомка, все еще смеясь, протягивает руку, уверенно кладет ее Астрид на макушку и дважды крепко похлопывает.

— Эй, дома есть кто? — говорит она.

Пройдет много времени, а Астрид по-прежнему будет ощущать это местечко. Это ощущение на макушке будет совершенно иным, чем в других частях тела, словно рука незнакомки по-прежнему там.

Это типа явное начало…

…и оно означает конец всего. Он тоже сложил эту мозаику. Они взяли чью-то голову. Приставили к другому телу. Потом разослали всем по электронке. Потом она покончила с собой.

За окном какой-то шум — птицы. Это стрижи. По вечерам они всегда шумят. Птицы, фигня какая. И вечер тоже фигня. Взяли ее голову. Приставили к другому телу. Разослали всем из адресной книги. А она покончила с собой.

Был вторник. Просто вторник. Магнус знает, что у него больше не будет «просто вторников». А ведь раньше это были просто дни недели, и все было как всегда. Сейчас невозможно представить, как это — «как всегда». Они шли по коридору, потом спускались по главной лестнице и снова шли по коридору как в самый обычный вторник. На нем была одежда, которую он надел утром. Какая-то одежда. Одежда и есть одежда, ничего больше — так было раньше. Он был в этих нос-

ках? Ну уж точно в этих самых брюках. И в этих ботинках. Ведь это школьные брюки и школьные ботинки… Это была просто шутка! Они все ржали, представляя, как будет прикольно. И он ржал. Онто и открыл, так сказать, перед ними «дверь». Он до сих пор помнит мощный толчок двери класса, когда та пошла обратно. Они воспользовались новым сканером. Впрочем, это сумел бы и ребенок, даже на старой технике. Но те двое ни хрена не разбирались. У них бы ничего не вышло, если бы он не показал. Сначала они сканировали ее фотку. Потом ту вторую фотку. Потом перетащили ее голову к той картинке. И разослали jpeg по всем адресам. А потом пошла обычная жизнь — с ее заботами о шмотках, ботинках, со школьными коридорами, домом, днями недели, день за днем, неделя за неделей. И в один прекрасный день она покончила с собой.

Свет, что ли? Магнус моргает, глядя на плотно задернутую штору. Да, можно ее задернуть, но все остается там, прямо за шторой. Когда в комнате свет, ему кажется, что он под кайфом. Ноги не желают шевелиться. Руки будто в бетонных перчатках. Ну, раз свет, значит, скоро стемнеет. Взяли ее голову. Приставили к другому телу. Она покончила с собой.

Он садится, прижимает руки к животу. Бросает взгляд в сторону свет/тьмы. Далеко-далеко, словно глядя в широкий конец телескопа, он видит мальчика. Мальчик-с-пальчик. Он светится, словно отполированный. Мальчик в его школьном костюме. Руки у него длиннющие, как у паука. Говорит он писклявым голосом. Слова: ух ты, круто, грамотно, в натуре продвинуто. Взахлеб говорит о разных вещах. Словно это не фигня. Об интегралах, о том, как растут растения, как размножаются насекомые, как выглядит в разрезе глаз лягушки. Говорит о фильмах, компьютерах, двоичных файлах. О том, как делаются голограммы. Он и сам голограмма. Он создан с помощью лазера, линз, оптических штативов и специального стола, устойчивого к вибрации. Он — творение когерентного света. Вот и теперь он трещит об этом. Он говорит, что когерентный свет — это круто. Это стильно. Что в нем, в Мальчике, содержится вся информация о его форме, размере, степени яркости. Он болезненно самодоволен. Он в натуре суперпродвинут. Это только кажется, что он трехмерен. Он — лишь трехмерная проекция того, что на самом деле находится не здесь. А его самого здесь тоже нет. Гляньте, какой везунчик: во-первых, на самом деле он не суще-

ствует. Повезло! Во-вторых, он такой маленький. Он может проскользнуть под дверью. Слинять через малюсенькую трещину в полу. В-третьих, он остался там, в прошлом. А настоящий Магнус — вот он, рослый, вполне заметный. Настоящий Магнус уж слишком здоровенный. Человек-гора, огромный, как кит на берегу, неуклюжий, как пьяный великан. Он смотрит на себя-«того»: писклявого, излучающего свет, карабкающегося по его собственной гигантской ноге, словно перед ним — горный пик, сулящий интересный опыт, приключение. Голограммный Мальчик понятия не имеет, кому принадлежит эта ножища. Он и представить себе не может таких чудовищных пропорций. Сначала они… Потом они… Потом… А потом она…

Магнус лежит на полу, лицом вниз. Будь он китом, даже выброшенным на берег, он все равно мог бы. Будь он просто рыбой, неважно, в воде или на суше, он бы все равно мог дышать. Или же он бы почувствовал облегчение или тревогу, панику; и вдруг не смог бы дышать. Будь он всего лишь водой, которая проходит сквозь жабры рыбины. Или собакой, просто собакой, неважно, на поводке или без. У него были бы лапы, и он носился бы по пляжу, оставляя на песке удлинен-

ные следы. Будь он собакой с собачьими мозгами. Он может отныне стать собакой, да. Послушным песиком.

Он будет целый день сидеть в доме, просто ждать чьего-нибудь возвращения. С удовольствием ждать. А есть будет из миски. И пить, прихлебывая. Будет просто выполнять команды. Например, делать идиотские трюки. Просто гениально. Да, хорошо бы стать каким-нибудь животным. Хоть барсуком. Жил бы в норе. Ел червяков. Копал землю лапами. И под когтями у него застревала бы земля. Он бы с радостью обернулся барсуком. Бар сук. В самом слове есть что-то занятное. А вот Магнус — он не занятный. Он дрянь. Всегда был дрянью, но не знал об этом. Он верил в свой «когерентный свет». Это была ошибка. Он — дрянь. Он дрянной насквозь. Словно гнилой плод, висящий на ветке. Стоит кому-то его сорвать и разрезать — и все увидят. Мир с его вторниками, голограммами, китами, рыбами, собаками, лягушками, принюхивающимися барсуками с блестящими глазами катится прочь от него все дальше. Катится сам по себе, словно Магнус смотрит в телескоп какой-то замшелый фильм о лисьей охоте в старой доброй Англии, веселые рожки звучат стихающим саундтреком,

и лисица исчезает вдали, а затем и крупы лошадей, и спины всадников тоже постепенно тают. Голограммный Мальчик улыбается озорной улыбкой и машет ему платочком, словно на прощанье, и все Рождества, Пасхи, зимние и летние каникулы — все уносится вихрем, пшик. Магнус стягивает пуховое одеяло с кровати, скручивает в узел. Опускает пухлый ком себе на голову, но все равно дышать можно, пусть и через эту тяжесть… *Ее едят черви!* Под его ногтями застряла земля. Позвонки, мышцы, которые поддерживали ее голову, переломились. Конец. И все из-за него. Это он показал им. И они все сделали. Приставили ее голову к другому телу. Разослали всем по электронке. А она покончила с собой.

От этой мысли Магнуса просто трясет. Самое поразительное, что ничего не происходит. Каждый раз он думает, а ничего не происходит. Значит, всем было по фигу? И теперь? Они взяли ее голову. Приставили к другому телу. Фотка была приколом, но стала правдой. Стала более реальной, чем сама девушка. В тот вторник он пришел домой и проверил почту. И сразу увидел, что пришло новое письмо. Он ведь тоже был в адресной книге. Он нажал на ссылку. И раз — вот она. Очень смешно. Он засмеялся. Только подумать

об этом сейчас. У него встал. И быстро твердеет. Всякий раз, когда он представляет, один, в свой комнате, как стоял там и смотрел на их фотку. Он вляпался по уши, с самого начала. И каждый раз у него встает. А-а! Какой он все-таки урод. Он не может справиться. Он старался. Ты давай, будь *тверже,* ха-ха. Но вышло — класс. Как точно голова подошла к шее. Груди были так расставлены… Многим и в голову бы не пришло. А ему пришло. Вот и сейчас он снова ржет, возбудился как свинья. Какая же он тварь. Изменив фотку, он изменил самого себя. Отсек собственную голову, даже не заметив. А та приросла к какому-то незнакомому телу. В зеркале он выглядит точно так, как раньше. Но он другой. Поразительно, как он похож на себя прежнего. Она тоже увидела себя — «другую». Она так и не узнала, кто это сделал. А это был он. Магнус Господь Всемогущий. На самом деле нет никакого бога. Есть только он, Магнус. Голограммный Мальчик считал, что Бог, наверное, существует. Он считал его высшим, сверхчеловеком, который парит среди существ низшего порядка, как приглашенная звезда в еженедельном «Маппет-шоу».[6]

---

[6] Примечания: 6

Популярное телешоу в Великобритании конца 70-х гг. с участием ростовых кукол и приглашенных знаменитостей.

Голограммный Мальчик был капитаном класса. Он произносил речь в Актовом зале в День поминовения солдат, погибших в разных войнах. В его обязанности входило возложить венок, проквакать молитвы, никогда не забудем та-та-та. Но наш Мальчик был сама забывчивость. Везет. Его мозг был чист как у младенца. А ему, Магнусу, никогда не забыть. Никогда, ни за что, вовеки веков не забыть. Воспоминания похожи на затемнение. Сейчас он все больше погружается во тьму. Это как грипп, когда кажется, что свет немного померк. Почти как когда он болел гриппом в декабре 1999-го — начале 2000-го. Тогда каждый вечер по ТВ показывали старый сериал про немцев на подлодке, все так переживали, выживут они там на глубине или нет. Впервые это случилось с ним через два дня после того, как он узнал про нее. Он стоял — просто стоял у автобусной остановки, под деревом. Одинокая ветка торчала вверх. И вот там, вокруг ветки, вдруг небо сделалось темнее. А ведь ничего не изменилось. Небо было голубое. Никаких облаков. Ни малейшего ветерка. Но это продолжалось, и небо темнело. Потом это повторилось, на следующей неделе в кафе. Потом снова ушло. А когда вернулось, то стало еще темнее. Накатывало без предупреждения. Словно в

кинотеатре, когда ждешь, когда же погасят свет. Где-то в глубине сознания ты знаешь, что свет начнет меркнуть в любой момент. И иногда тебе кажется, что начало темнеть, хотя на самом деле свет еще не гасят, и ничего не изменилось. С ним это бывает постоянно. По самым произвольным причинам. Но главная причина — он сам. Это он изменил порядок вещей в мире. Они так и эдак забавлялись с ее головой, пока не нашли то самое. И тогда приставили ее голову к шее. Потом разослали. Потом она покончила с собой.

Наверное, человек сорок в шестом старшем[7] видели фотку. И человек двадцать пять в шестом младшем. А сколько народу вообще могло видеть да и сейчас может, Магнус даже не мог подсчитать. Потом было целое собрание в Актовом зале. Милтон сказал, что те, кто это сделал, должны выйти вперед. Все тайное становится явным, сказал он. И когда это случится, им будет гораздо хуже, чем если они выйдут сейчас и признаются. Но это невозможно. Электронный адрес никак не мог вывести на них. Антон использовал при регистрации какой-то американский индекс.

---

[7] Примечания: 7

Шестой класс (sixth form college) — двухлетняя форма обучения в Великобритании, завершающая среднее образование перед поступлением с вузы. Делится на младший и старший уровни/классы.

Списал его с обложки журнала. Отправителем значился «Майкл Джексон». Именно это имя пришло Магнусу в голову, когда Магнус в тот день проверял свою почту. Он рассмеялся. Решил, что замутить такое дело — очень круто. Он находился в классе, когда Джейк Строзерс принес фотографию. Он украл ее в учительской. Его послали туда с какой-то запиской, но, когда он вошел, в комнате никого не было. А картотека была открыта. Он туда и заглянул. И увидел фотографию, прикрепленную к ее досье. Она училась в шестом младшем. Ее досье было в самом начале ящика ДЕВУШКИ. И вот Джейк Строзерс вошел в общий класс и показал снимок Антону. У того в ящике лежал журнал. Он взял снимок и приложил к картинке. Осторожно, мать твою, помнешь! Джейк Строзерс хотел с ней встречаться. Поэтому он и украл снимок. Он не хотел фотку «из — за угла». А вот такую, снятую нормально. Потом Джейк Строзерс увидел, что получилось у Антона. Оба стали ржать. Он спросил, чего вы смеетесь. Они не хотели говорить, тем более показывать. Они знали, что он еще ни разу. Сразу угадали, словно у него на лбу было написано. Антон сказал: я не могу предвидеть, как это подействует на гомиков. Магнус сказал, я не гомик. Да я тебе верю, правда,

сказал Антон. Но я не могу предсказать и то, как подействует на малыша зрелище, к которому он не готов. И Антон был прав. Голограммный Мальчик был невинен как сраный, блин, ангел. Он наблюдал собственную эрекцию как любопытное физиологическое явление. Тогда он еще оставался Голограммным Мальчиком. Тогда он еще находился во власти иллюзии, что он — Магнус Смарт. То был самый обычный вторник. Но Магнус Смарт умел то, чего не умели они. Да это раз плюнуть, ё-моё. Ни Антон, ни Джейк не секли в компьютерах. Тогда Магнус Смарт сказал, что он покажет им одну офигенную штуку. Уроки давно кончились. В школе почти никого не было. Они шли по коридору, где уборщицы мыли пол. Стали подниматься по главной лестнице. Школа была пустой, гулкой, словно гигантский кит. И они шагали вдоль его ребер. А сейчас Магнус еще больше, необъятнее, чем школа. Ведь он знает больше, чем вся школа. Они распахнули дверь. Что ты видишь, когда смотришь на чей-то снимок? Таков был заголовок в газете. Трагическая смерть Кэтрин Массон, ученицы школы Динз. Веселая добрая девушка, всеобщая любимица, умница, воспитанная, прекрасный друг, ее друзьям будет очень ее не хватать, активный член Ми-

нералогического общества. В газете поместили школьную фотографию. Ту же самую. Магнус знает больше, чем знала она. Больше, чем ее родные, даже сейчас. И больше всех тех людей, которые получили рассылку и читали газету, — больше всех. И Антон знает. И Джейк Строзерс знает. Никто не узнает, что Магнус с ними общается. Они — «дурная компания». А он — хороший мальчик. Они как бы случайно встречались у вторых ворот и просто шли по одной дороге домой. Он сказал, что никто не должен узнать, никто никому не скажет. Они согласились, покивали, не говоря ни слова, никто не узнает. Но Магнус-то знает. Скоро лопнет от этого знания как созревший гнойник.

Он сделал одно.

Они другое.

А потом она.

Покончила с собой.

Магнус мотает головой, закутанной в одеяло. Снова и снова повторяя про себя слова. Она. Покончила. С собой. Всё фигня. Слова — фигня. Они бессмысленны. От них ничего не зависит. Магнус сдирает кокон одеяла с головы. Он по-прежнему в своей комнате. Они уехали в Норфолк. Уже стемнело? Какая разница. Кэтрин Массон. Он снова и снова повторяет ее имя. Кэтрин Массон Кэтрин

Массон Кэтрин Массон. Фигня фигня фигня. Веселая добрая всеобщая любимица. Ее любили друзья. Он снова зарывается лицом в одеяло. Умница. Воспитанная. Член Минералогического общества. Они там полируют камни, чтобы потом делать из них всякую муру — украшения там, запонки. Она держала свои изделия на трюмо в своей комнате. Вот она — у компьютера, в своей комнате. Аккуратная девичья спальня. На стенах постеры с певцами, портреты телезвезд, вырезанные из журналов изображения лошадей, тигрят, белых медведей. И вот она открывает письмо «от Майкла Джексона». Нажимает ссылку. Глядит на экран… А-а. Неважно. Все фигня. Один раз он видел ее в коридоре. Вообще-то, он не уверен, что это была она. Просто девчонка. Стояла в компании хохочущих подруг. То еще зрелище. Они шли на французский.

Хрустели чипсами, толкались в дверях. Хохотали, потешаясь, как дебильно по-французски будет «шины». *Les pneus.* Это была она? Если да, значит, они находились в полуметре друг от друга, но не знали этого. Она не знала, кто он. Он тоже не знает, кто он. Ей-то хорошо. Она мертва. Она уже ничего не чувствует. Он тоже ничего не чувствует. Но он-то жив. После этого по школе

прошел слух. Девушка из Динз покончила с собой дома, в ванной. Ее обнаружила то ли мать, то ли брат. Он услышал об этом на уроке математике. Чарли хочет сделать пристройку площадью 18 квадратных метров к задней части дома. Он хочет использовать минимальное количество кирпичей, для чего ему нужно вычислить наименьший периметр постройки. Напишите уравнение площади, используя x и y. Суть расчета в нахождении пределов, причем с использованием производной. В свое время дело чуть не кончилось войной, когда выясняли, кто был первый, Лейбниц или Ньютон. Знак = придумал Лейбниц. Математика = нахождение простого в сложном, конечного в бесконечном. Он сидит на ковре, держась пальцами за ступни. Был вторник. Говорят, она себя повесила. Сара и ее брат Стивен ходят в школу каждый день. Они решили засечь время. Придя в школу, Стивен говорит: я дохожу до школы за 6 минут 8 секунд. А Сара говорит: я дохожу до школы за 6–7 минут. Чей ответ вам кажется более правдоподобным? Голограммный Мальчик, который собирается в университет, поправляет, что надо говорить «повесилась», а не «повесила себя». Поправка. Университета не будет. Университет — это нереально. Даже смешно. Вычисления

— просто лажа. Все стало лажей. Даже дни недели. Он узнал про это во вторник. Если бы в тот, первый вторник он остался после уроков в общем классе. Если бы он этого не знал. Если бы только. Если бы они только. Тогда бы они не. И она бы не. И сейчас она была бы…

Какой-то шум, кто-то стучится в дверь. Он поднимает голову от одеяла. Над его дверью есть выступ, часть стропильной балки. Скорее всего, стилизованная. Его джинсы лежат кучей на полу. Вся одежда, которую он сюда привез, лежит кучей под раковиной. Она проходит через дверь в ванную. Садится на край ванной. Задвигает занавеску. Интересно, чем пахло в ее ванной? Зубной пастой, мылом, чистыми вещами. На полу наверняка лежал коврик. Возможно, еще мокрый после того, кто принимал ванну или душ последним. А ей не откажешь в смекалке. В ванной, если честно, не так уж удобно. На первый взгляд странное место она выбрала для такого дела. Но, если подумать, ясно, что это — идеальное место. Ты идешь в ванную и скоро выходишь. Надолго там не задерживаются. Там из тебя выходит все дерьмо. Оттуда выходишь чистеньким. Она смотрит на него, сидя на краю ванной. Она воспитанная, умная девушка. На ней школьная

форма, как на том снимке. Она смотрит прямо на него. И кивает. Это последнее, что она ожидает. Она ждет. Нет, не ждет. Она мертва. Она на него не смотрит — ни на кого не смотрит. И все же вот она, сидит на краю ванной и глядит на него. Она держит душ так, словно это у нее стояк, а не у него. Вот она машет ему. И строит глазки.

Опять шум, снова кто-то стучит. Кто-то что-то кричит. Голос злой.

— Да! — говорит Магнус. — Хорошо.

У него странный голос. Кажется, он исходит из желудка. Ему ужасно странно, что связь между его мозгом и телом еще существует.

— Магнус! — раздается голос из-за двери. Давно он раздавался последний раз? Это голос его матери. Сами по себе слова обычные, но вот интонация — злая. Сейчас же спускайся вниз. Хорошо. Хорошо. Он повторяет это слово без конца. Упырь, лжец. Хорошо.

Магнус поднимается на ноги. От резкого движения кружится голова. Он направляется к двери. И вдруг замечает, что у него голые руки. И грудь тоже. Он смотрит ниже. На нем ничего нет. Он возвращается к кровати. Надевает рубашку. Берется пальцами за пуговицу и прижимает ее к петле с другой стороны. Но пуговица никак не

продевается в петлю. Не в силах он управлять пальцами, и все тут. Он натягивает джинсы. Заправляет рубашку. Берется за замочек молнии, указательный палец сверху, большой снизу. Тянет вверх. Молния застегнута.

Он отпирает дверь. Над замочной скважиной двери есть засов. Ну, как будто это самая настоящая старинная дверь. Скорее всего, в доме вообще не осталось ничего старинного. Может, вообще все так или иначе — подделка. Магнус открывает дверь. В коридоре слишком яркий свет. Такой, который постепенно гаснет. Чуть дальше по коридору дверь в ванную. На ней висит небольшая прямоугольная табличка с надписью «Ванная» витиеватыми буквами и изображением лейки. Из букв как бы растут цветы, прямо сквозь буквы, сквозь заглавную «В». Магнус зажмуривается. Его бросает в пот. Он идет вслепую, держась за стену, ногами нащупывая начало ступеней. Он открывает глаза в тот момент, когда уверен, что миновал дверь в ванную. И спускается вниз.

В прихожей он поворачивается к двери, ведущей в комнату, где каждый вечер проходит ужин. Он делает шаг, подходя к двери вплотную. Поднимает подбородок выше. Ну вот. И открывает дверь.

Вот его мать. Она ничегошеньки не знает. Она что-то ему говорит. Магнус кивает. Он берет тарелку, которая стоит перед стулом, на котором никто не сидит. Его сестра забирает у него тарелку. Она тоже ничего не знает. Она кладет ему что-то с блюда в центре стола. В комнате пахнет рыбой. Теперь заговорил Майкл. Он ничего не знает. Он на что-то указывает. Магнус кивает. Надеясь, что кивки всех устроят. Он кивает снова и снова, словно выражая уверенность в том, что имеет в виду. Да. Да, безусловно. Разумеется. Он берет нож и вилку, лежащие рядом с тарелкой. Сует их себе в задний карман, если таковой имеется. Видимо, они попали, куда надо. По крайней мере, он не слышит звона упавших предметов. Зато чувствует кожей холод металла. Потрясающее ощущение. Потрясающе то, что оно есть. Но это длится недолго.

— Если вы не против, я заберу еду к себе в комнату, — говорит Майкл. — Пожалуйста. Большое спасибо.

Он воспитанный. Прямо как *она.* Она была воспитанная. И умница. *Les pneus.* Мать что-то говорит. Кажется, с восклицательным знаком в конце. Сестра протягивает ему тарелку. Он берет ее обеими руками, чтобы не уронить. На тарелке

мертвая рыба. У нее нет головы.

Дверь за его спиной захлопывается. Перед ним лестничный марш, почти в полумраке. А на самом верху — дверь с надписью «Ванная».

Магнус подходит к входной двери. Ставит тарелку на ковер. Открывает дверь, берет тарелку с пола. Снаружи ослепительно светло. Невероятно светло. Он поеживается. Теперь каждую секунду может вдруг стемнеть. Из звуков лишь шум ветра да птичий гомон. Птицы — это просто кошмар. Они издают все те же звуки, снова и снова и снова. Шелестят-шипят листья. Птицы — это лажа. Они издают звуки ради воспроизводства, тем самым приближая свой генетический крах. Листья — тоже полная лажа. И деревья тоже. Они поддерживают жизнь насекомых, которые погибают чуть ли не сразу после появления на свет. Листья помогают производить кислород, которым дышат люди, которые потом перестают дышать. Насекомые опыляют треть растений, которыми питаются ужасные люди, «людоеды», и которые рано или поздно от этого подохнут. Голограммный *Мальчик: специально выведенная бабочка тутового шелкопряда способна в форме гусеницы производить из поедаемых ею листьев тутового дерева шелковую нить длиной*

до полумили, обладающую большей прочностью, чем стальная нить той же толщины. Не информация — бред. Чепуха. Настолько заумная, что смысл теряется. Вот еще один звук: шорох его босых ступней по гравийной дорожке. Ему почти не больно. Он смотрит на землю, что крутится под его ногами. Ему не больно потому, что он теперь идет по траве.

Он вышел на маленький мостик. Под ним бежит замусоренная речка. Он нагибается и сгребает рыбу с тарелки, прямо рукой. Большая часть плюхается в воду. Кусочек хвоста отлетает и исчезает в прибрежных кустах. Тарелка отправляется вслед за рыбой. Потом Магнус достает из заднего кармана нож и вилку. И тоже кидает в реку.

Кусты попались колючие. Он старается дотянуться до улетевшего кусочка рыбы. Достает, подходит к самому краю берега. Входит в реку и осторожно опускает руки в воду. Кусочки как бы сами выскользнули из ладоней. Сначала они поплыли, потом стали погружаться в воду, распадаясь на частицы и оседая к его ступням.

Магнус садится на берегу, среди мусора, водорослей. Джинсы теперь мокрые до самых бедер. В прошлом году к нему домой приходили две девчонки из класса. Была среда. Он был в Шах-

матном клубе. Ему потом Астрид рассказала. Она была в саду. Вдруг над оградой показались две девчоночьих головы. Здесь живет Магнус Смарт? Ты его сестра? Какие девчонки? — спросил он. Сначала он даже не поверил. Как они выглядели? Я-то откуда знаю, отвечала Астрид. Я с ними незнакома. Они же в сто раз старше. Как ты, лет шестнадцати, как минимум. А чего они хотели? — спросил Магнус. Ах, Голограммный Мальчик. Он просто сиял от восторга. Тебя хотели, — сказала Астрид. — Но тебя не было дома. Но зачем я им понадобился? (Голограммный Мальчик. Сияющий как медяк.) Бе-э, отвечала Астрид. Она бросала свой пауэрбол[8] о стену с египетскими эстампами — строго запрещенное занятие, если бы только Ева узнала, — ловит и бросает снова, ловит и бросает. Эстампы подрагивают всякий раз, как мячик ударяется о стену. Не, ну правда, зачем? — спрашивает он. Я сказала им, что ты живешь не здесь, сказала Астрид. Сказала, что у тебя повышенная потливость и ты вынужден ходить к врачу. Что сейчас ты проходишь курс какого-то препарата в специальной клинике. Что твое прозвище — Вонючка. Что ты педик.

[8] Примечания: 8

Мячик-тренажер для развития мышц кисти и запястий. Популярная игрушка среди подростков.

Они были такие уродины. У одной явно нарыв на пупке. А у второй во-от такой шрам на лице, сверху донизу. От них воняло тухлой рыбой.

Он перехватил мячик на лету. Понесся по лестнице на третий этаж, мимо разных дверей, она всю дорогу кричала отдай и пыталась ухватить его за руку, когда он полез по стремянке на чердак. Он выбросил мячик из окна в самую гущу кустарника, там его ни за что не найти. Она сказала, что пауэрбол ей на фиг не нужен, тогда он влетел в ее комнату и забрал ее старый «геймбой».[9] Игру он тоже выбросил в кустарник. Потом он не один день пытался вычислить, кто же к нему приходил. Он составил в уме целый список девочек с проколотыми пупками. По крайней мере, про чей пирсинг он знал. Офигенно, что девочка с пирсингом вдруг захотела прийти к нему домой. Он лежал в постели с носком на этом месте, представляя, что одна из этих девочек была Анна Лето. Но такая девочка, как она, ни за что не пришла бы к нему домой, верно? А у нее был проколот пупок. Знаменитый пупок Анны. Она бегала стометровку. Спортсменам, вообще-то, не полагается иметь пирсинг. Учителя

---

[9] Примечания: 9
Портативная электронная игра.

пытались на нее наехать, но она постоянно побеждала в разных межшкольных соревнованиях, и от нее отстали. Когда ввели войска в Ирак, Анна выступила против войны. Из-за нее многие выступили против. Голограммный Мальчик верил в уравнение «порядок против хаоса». Несомненно, некоторые страны знают, как правильно, лучше других. Но раз Анна Лето выступала против, значит, те, кто пошел за ней, вовсе не были поголовно лузерами, просто решившими забить на учебу. Даже Голограммный Мальчик чуть не пошел. Магнус помнит момент, когда Анна Лето вдруг встала посреди урока и стала агитировать их против войны.

Но он не смел вспоминать все в деталях. Не смел открыть дверцу в свою голову, потому что. Потому что все они, все девочки, стояли у ограды их дома. И ждали его. Все девочки, которых он когда-нибудь узнает. Все, на которых он когда-нибудь посмотрит. Все, которые когда-нибудь взглянут на него. И у каждой из них одно лицо, ее лицо, с той школьной фотографии.

Он глядит в небо, потом в пол. Свет, он же тьма. На своем первом докладе в первый учебный день Голограммный Мальчик читал лекцию о том, как сначала Земля была бесформенной и пустой. И

сказал Господь, да будет свет. И стал свет. Господь придумал свет, чтобы отделить день от ночи. У Антона была новая модель телефона. Со светящимся экраном. С полифонией. Он развлекался, снимая на него девчонок на входе в школу. Он наводил телефон на девчонку и просто жал на кнопку. Все чиксы в этом году — что надо, шепнул он Магнусу. И ему страшно польстило, что такой крутой парень, как Антон, выбрал именно его, чтобы сказать такую вещь. Гляди, сказал Антон. Они все как с порносайта. И он был прав. Когда насмотришься порнухи, кажется, что все девушки вокруг сошли с монитора. Даже в рекламе по ТВ почти все девицы такие. А уж певицы на музканалах все как одна порнозвезда, да, все до одной.

Когда вернется Ева, он может попросить у нее ноутбук, на время. Или у Майкла, если она будет работать или не захочет давать свой ноут. Короче, тогда он напишет письмо на ее школьный адрес — как у всех, это имя ученика потом sp (т. е. school pupil) точка deans точка co точка uk. Привет, Кэтрин Массон. Я. Надеюсь, ты не против, что я. Пожалуйста, не злись, что я тебе написал, но. Ты меня не знаешь, но. Ты не представляешь, как я. Я только хотел сказать, как мне. Мне так. Магнуса стошнило на траву, прямо рядом с рукой.

Впрочем, вышло немного. На какую-то секунду ему вдруг стало намного лучше. Потом это чувство исчезло. Она входит в свой класс, но никого не узнает. Не различает лиц. Раньше ее окружали друзья. Но теперь она в этом не уверена. Откуда ей знать. В принципе это мог сделать любой из них. Она идет по знакомой улице, заходит в магазин, в котором была миллион раз. Но все кажется ей странным, незнакомым. Вот она дома. Ее родные, сидящие в той же комнате, словно находятся в другом мире — где еще все по-прежнему. Она сидит на своей кровати. Кэтрин Массон. А, неважно. Вот оно затмение, снова накатило, трава вокруг резко посерела. Он мотает головой, закрывает, снова открывает глаза. Листва над его головой черна. Вода в реке черна. Она течет в гигантское чернильное пятно океана. Отныне неважно, что означают все на свете числа. Миллиарды электрических импульсов, миллиарды посланий, как по волшебству отправленные за пару наносекунд единым нажатием кнопки или клавиши через покрытые мраком мили, страны, континенты, через весь бескрайний мир: все это означает лишь одно. Он сделал. Они сделали. Она получила письмо. И покончила с собой.

Он поднимается. Его снова тошнит. Он прива-

ливается к стене старой постройки, с остатками побелки. Ему снова немного лучше. Ему хочется посидеть вот так немного, опустив голову, вжавшись плечами в стену, глядя на камни, на сорняки, что рвутся к небу оттуда, где стена врастает в землю. Но появляется какой-то мужчина. Он орет на Магнуса, заставляя подняться. Хорошо, говорит Магнус. Он кивает, беззвучно извиняясь через большое окно перед парой, сидящей за столом. Они глядят на него в изумлении. На столе между ними ваза с цветами. Магнус переходит дорогу. Идет мимо кафешки. Перед входом стоит компания мальчишек. Они кричат что-то ему вслед. Он думает, что, если они возьмут и изобьют его до смерти. Он пытается вспомнить слова молитвы, но единственные слова, что приходят в голову, это Я собираюсь отойти ко сну и Господи, я возношу молитву о тех, кто побежит за мной, собьет с ног и будет пинать, пока не забьет насмерть. Но этого не происходит, потому что никакого бога нет. Они кричат снова, но не бегут за ним.

А, ладно. Магнусу немного лучше. Он знает, что надо делать. Всю дорогу знал, на самом деле.

Он возвращается домой. Точно, этот тот самый дом, из которого он вышел, потому что дверь до

сих пор открыта. Он видит свою мать, Еву, она сидит у окна. У нее в руке бокал с вином. Он различает цвет вина в бокале. Оно винноцветное! Голограммный Мальчик пискнул. Магнуса это рассмешило. Желудок свело. Теперь он видит, что все сидящие в комнате этого чужого дома тоже смеются, он не знает почему. Он даже слышит смех своей сестры, Астрид. Она понятия не имеет. В конце концов, заявляет Голограммный Мальчик, зачем надеяться на шпану у магазина, когда никто не может справиться с задачей лучше, чем ты? Ну конечно, охотно соглашается Магнус. Конечно! Он повторяет это слово с каждым шагом, поднимается по лестнице. Ванная. Ее устроили для удобства людей, которые будут временно проживать в этом доме-на-лето. Он поравнялся с табличкой с изображением лейки. Теперь упирается в нее лбом. И, толкнув головой, открывает дверь внутрь.

В ванной все по-простому. Мило так, незатейливо. Белая ванна с ковриком из плотной резины в форме гигантской ступни с пальцами, укрепленным на дне, чтобы, влезая или вылезая из ванны, человек не поскользнулся. Современный душ. Розовый коврик, свернутый на бортике. Шкафчик для полотенец, запасные розовые брусочки

мыла. Раковина. Он приходил сюда, только когда у него не было выхода. Писал он в раковину в своей комнате. Когда было невтерпеж, он всегда входил сюда зажмурившись, входил, чтобы… Испражниться, услужливо подсказал Голограммный Мальчик.

Он посмотрел в зеркало. Он выглядит до жути как прежде. Это просто смешно. Полотенца так аккуратно свернуты на полках. На стенах еще всякие картинки — таблички с изображением садовых инструментов, цветов, картинки без слов. Дешевый способ приукрасить помещение, чтобы убедить вошедшего, что оно не имеет отношения к нечистотам. Голограммный Мальчик произносит «приукрасить» и «нечистоты» своим звонким голосом. Он ждет, наклонив голову вбок, когда Магнус ответит, конечно.

На хер пошел отсюда мать твою слышал, говорит вместо этого Майкл.

Голограммный Мальчик немного «фонит», словно от перенапряжения. И вдруг пшик — исчезает в одну секунду, словно кто-то щелкнул пультом.

Магнус тяжело дышит. Смотрит на потолок ванной, на фальшивую балку. Интересно, думает он, неужели во всех комнатах есть эти хреновины.

Он встает на край ванны. Проверяет прочность балки, схватившись обеими руками и повиснув. Ничего, крепкая, выдержит. Он снимает рубашку, привязывает один рукав к балке скользящим узлом. Тянет за другой рукав, затягивая узел.

У девушки в журнале груди были расставлены так, словно вот-вот вылезут из фотки прямо тебе в лицо. От них не было спасу. Словно глядишь в два огромных идиотских глаза. Да, они были огромные, со светло — коричневыми кружками вокруг сосков. Волосы у нее там были темные. Вот глаз он не запомнил. А соски были крупные, твердые. Алый рот приоткрыт. Виден и влажный язык, и зубы. А тело выгнуто так, что видны все отверстия.

На Кэтрин Массон был синий форменный свитер. Слева на груди был вышит шит со словами: «Дерзай в Единстве», девиз школы Динз. На ней был галстук с правильным, безупречно завязанным узлом. Лацканы белой форменной рубашки аккуратно заправлены в вырез свитера. На лице приветливая улыбка. Губы сомкнуты. Темные волосы до плеч. Челка длинная, ниже бровей. Но глаз не закрывает. Они у нее темно-карие.

Магнус использовал сканер новейшей модели. Сначала сканировал оба снимка с помощью фо-

тошопа. Потом щелкнул маленький квадратик. Потом показал им, как выделить и скопировать голову, как поместить тело той девушки на новый слой. Дальше, как вырезать голову с помощью лассо. Как стереть фон. Как вставить голову, подчистить и сравнять края. Как сохранить, а потом разослать в формате jpeg, ну и наконец, как удалить.

Магнус обхватывает себя руками. Его трясет. Он замерз как сосулька. Он стоит внутри ванны на резиновом коврике. Потянувшись вверх, завязывает скользящий узел на свободном рукаве рубашки. Опять встает на край ванны. Расслабляет узел, чтобы просунуть голову. Петля свободно висит вокруг его шеи. Манжета щекочет ухо. Магнус на краю отчаяния. Он проводит эксперимент, чтобы вычислить, с какой скоростью будет проседать балка под весом груза, причем m = груз в тоннах, а п = проседание несущей в миллиметрах. Он отрывает одну ногу от бортика. Держит ее на весу. Надо бы помолиться. «Я отхожу ко сну…» Он вздрагивает. Осторожно ставит ногу обратно на бортик. Ему видна пыль на верху балки, места, до которых маляр, красивший балку, не достал кистью. Его голова на уровне светильника в потолке. Ему видна паутина, идущая по верху

плафона, пыль на патроне. Он не понимает, почему плафон не раскачивается, почему вся ванная не раскачивается вместе с ним.

Кто-то входит в ванную. Он сам виноват. Надо было запереть дверь. Он об этом не подумал. Вот лузер. Даже с этим не смог справиться.

Девушка-ангел. Стоит и смотрит на него.

— Я хотел пошутить, — говорит Магнус.

— Ясно, — говорит она. — А это тоже шутка?

Она опирается на сушку для полотенец, глядит на него. У ангела золотые волосы.

— Это я во всем виноват, — говорит он. — Это я сначала показал им. А потом они разослали всем по почте. А потом она… Я должен.

Он заплакал. И по-прежнему держался за балку.

— Я понимаю, — говорит ангел.

— Я не хотел, — говорит он.

— Конечно, — говорит ангел.

— Случилась ужасная вещь, — говорит он.

— Я понимаю, — говорит ангел.

Она кивает. Она очень красивая, слегка растрепанная, как клеевые «дурные девчонки» на порносайтах. Ее силуэт чист и четок на фоне новых бледных обоев.

— Тебе помочь? — спрашивает ангел. — Когда

будешь готов, я могу толкнуть тебя, чтобы ты потерял равновесие.

Она обняла его за ногу. И держит крепко-крепко, обхватив обеими руками. Руки у нее голые. Его нога в ее объятьях дрожит, елозя по ее груди и по лицу.

— Скажи когда, — говорит она в его джинсы.

Он сглотнул. Он плачет. По лицу течет то ли пот, то ли слезы. Потом и слезами пропиталась манжета и тычется ему в нос.

— Ну давай, — говорит она. — Я готова. Ну, пора?

Он кивает. Хочет сказать «да». Но не может. Рыдания, пот ли, он сам не знает что, вдруг обрушились, ударили ему в грудь.

— А теперь уверен? — говорит его ангел держащий.

…и снова начало!

Поразительно. Жизнь не перестает преподносить великолепные, изумительные сюрпризы, раз за разом даря великое обновление. Словно все заново. Нет — не «словно», а действительно новое, по-настоящему. Метафора, а не сравнение. Без словечка «словно» между «я» и «новый». Кто бы мог поверить? Только когда эта женщина, Амбер, отставила тарелку, отодвинула стул

— длинноногая, бесстрашная, дерзкая как подросток, — а потом встала из-за стола и вышла из комнаты, он смог успокоиться и перевести дух, прикидывая, что, если Ева, которая сметала салфеткой крошки, сейчас посмотрит на него, вот представим, что она подняла голову и взглянула ему прямо в лицо и увидела написанное на нем изумление, от осознания *этого.* Да, сейчас на его лице застыло то неверящее выражение, что появляется у певицы сопрано, идеально взявшей высокое «о».

Вот Ева посмотрела на него. На всякий случай он сжал губы. Напряжение этой ноты, ее ноты, звенело у него в ушах, в голове, током прошибало кровь, так что он сначала наклонился к столу, потом снова выпрямился, не соображая, какую принять позу. Как сказал Аполлинер, «самый современный источник энергии — изумление», эти слова он писал на доске в начале каждого учебного года, т. е. модернистская литература наполнена энергией изумления, о чем д-р Майкл Смарт каждый раз рассказывал третьекурсникам в первом семестре. Но д-р Майкл Смарт, да благословит Господь его и весь род его, никогда еще не достигал столь изумительно высокого, столь пронзительно чистого, столь безупречного «о».

Он снова наклонился вперед, уперся руками в стол. Потом снова откинулся. Возникло какое-то необычное ощущение в суставах рук и ног, да и в кистях никогда еще не ощущалось такой растерянности, словно они не знали, куда себя девать. Но ему было невероятно хорошо. Побарабанил по ноге; ощущения прекрасные. Вытянулся во весь рост на стуле. Каждая мышца работала непривычно, по-новому, прекрасно. Она мыла тарелки, говорила о чем-то с Астрид. Они говорили что-то там про ложки. Ложки, надо же! Существовал мир, где были ложки, тарелки, чашки, бокалы. Он держал бокал с вином прямо перед собой, немного повращал его, глядя как винная гладь постепенно успокаивается. Прекрасное вино. «Гави»[10] из «Уайтроуз».[11]

Если бы он сейчас превратился в винный бокал, то оказался бы в тончайшей сети трещинок, по которым, охватывая все его существо, бежит ток. О-ох! Наполниться прелестью и еле сдерживать восторг, покрывшись прекрасной мозаикой под давлением несказанной прелести. Майкл улыбнулся. Ева подумала, что это он ей, и тоже

---

[10] Примечания: 10
Сорт белого итальянского вина.

[11] Примечания: 11
Сеть супермаркетов в Великобритании.

улыбнулась. Он улыбнулся Астрид. Та смерила его ненавидящим взглядом и заскребла вилкой по тарелке. Ну и на здоровье! Вот засранка. Он громко рассмеялся. Астрид посмотрела на него и вышла из комнаты. По обоим деткам Евы психушка плачет. Особенно по Магнусу. Одно дело упорно отказываться от совместных ужинов. Но так по-свински относиться к гостье — вести себя так, будто ее нет, даже элементарно не поздороваться — это уже вопиющая наглость, достойная сурового порицания, даже учитывая трудности подросткового возраста и все такое, так что Майкл, который, как правило, старался по минимуму касаться вопросов воспитания, собирался серьезно поговорить об этом с Евой вечером, в постели. Но вдруг крупный мотылек влетел через открытое окно и запорхал вокруг горящей свечи. Мотыльки были не властны над собой, *как мотылек на пламя*, они генетически запрограммированы на влечение к свету, и, конечно, свет для них — не что иное, как любовный светоч. И когда мотылек, опьяненный светом, летит ему навстречу, то думает — так заповедала природа, — что сейчас обретет свою Супербабочку, единственную во Вселенной, предназначенную только ему. А когда в ясную ночь на небе полная

луна, некоторые смельчаки даже устремляются туда, в запредельную высь.

Если вкратце — этот мотылек ринулся прямо в огонь и с легким стуком свалился на стол. Коричневый такой симпатяга. Он пытался подняться и вертелся волчком, опять и опять. Майкл мог различить мохнатую мордочку мотылька, пока тот крутился по столу, опираясь на обгорелое крылышко. (У него всегда было хорошее, превосходное зрение; уже за сорок, и совершенно, нисколько не нуждается в очках, линзах и т. п.). Господи, мотыльки со свечками! «Как мотылек на пламя!» Наш д-р Майкл Смарт скатился до клише!

С другой стороны, как образ это клише просто замечательно. Правда, несколько затертое слишком частым повторением, не так ли, этакий объект в тумане, то, на что нужно бы взглянуть и прочувствовать заново. Объект, ощупываемый в толстых перчатках. Вообще, клише — это истинная правда, почему, собственно, она и обратилась в клише; до такой степени, что как бы загораживает от вас саму правду, являясь тем, чем является, — жалким клише. Например, клише идеально подходит для рекламыв, ведь это, можно сказать, «народная мудрость». Он слушал

лекцию о клише, кажется, по курсу «Способы чтения». Происхождение? Явно французское, надо будет посмотреть в словаре. Ларкин,[12] к примеру, Сид Джеймс[13] английской лирической поэзии (между прочим, отличное наблюдение, наш-то д-р Майкл Смарт в отличной форме), знал силу клише. *Останется от нас любовь, и только*.[14] Дряхлые скаковые лошади в его знаменитом «лошадином» стихотворении скакали «не для радости», а для того, что *«должно дарить радость».*[15] Ларкин — отличный пример. Жалкий старый сексист, прозябавший всю жизнь в «высших библиотечных кругах» Халла, не удивительно, что он был такой зануда, зато он умел выявить суть клише с помощью пары-тройки правильно подобранных слов. Или, скажем, когда Хемингуэй написал — он раньше всех решил выразить эту мысль словами — *и, кажется,*

---

[12] Примечания: 12
Ларкин, Филипп — выдающийся английский поэт XX в. (1922–1985).

[13] Примечания: 13
Джеймс, Сид (Сидни) — знаменитый английский комедийный актер (1913–1976).

[14] Примечания: 14
Цитата из стихотворения Филиппа Ларкина «Арундельская могила».

[15] Примечания: 15
Цитата из стихотворения Филиппа Ларкина «На пастбище».

вся земля встала дыбом[16] (или как-то в этом роде, это он изобразил речь псевдокрестьян в своем не самом удачном романе «По ком звонит колокол», если не ошибаюсь, 1941-го года) — он тогда мог представить, каким образом его фраза войдет в язык? Войдет, еще как! Это клише и правда заставляло землю *вздрогнуть*, когда ты впервые чувствовал, когда впервые проникал в его смысл. Земля и ее движения, землетрясение, резко пронзительный звук смешения пластов там, в раскаленных недрах, далеко под ногами. Бабочка и пламя. Здесь и сейчас Майкл увидел и прочувствовал трагедию вот этого неповторимого мига, когда мотылек обжег крылышко о пламя свечи. Целиком почувствовал реальный удар этого конкретного мотылька об этот конкретный стол. Да, он сейчас ощущал эти вещи острее, яснее, с большим *изумлением*, чем за всю жизнь, примерно как ощущал, ну не знаю, двенадцатилетним, чистосердечным (клише!) ребенком, не то что некий знакомый нам ребеночек, подумал он, бросив взгляд на затылок гладкопричесанной дочки-заморочки Евы, и не то что эти нынешние подростки, которых ничто не удивляет,

---

[16] Примечания: 16
Цитируется по переводу Н. Волжиной и Е. Калашниковой.

которым все настолько знакомо, у них все «уже было» и давно истаскано и перемолото машиной постмодернизма, — нет, он имеет в виду того давнишнего круглоголового парнишку, лежащего в высокой траве среди летнего благоухания на берегу глубокого водоема, во рту стебелек травы со сладким нутром, впервые увидавшего двух насекомых, каких-то мушек — кажется, длинноногих водомерок, можно сказать, метонимию лета как такового, — одно из которых взобралось на спину другого в незамутненном безумии того, что, как в первый раз — о, время невинности — ясно осознал Майкл, и зовется *проникновением.*

Проникновение! Замечательное слово. Водомерка в водомерке. Мальчик в траве. Трава в мальчике. Мальчик, погруженный в летний день. И летний день, погруженный в мальчика. Его также особенно восхищало слово «незамутненный»; само слово вроде такое спокойное, разглаженное, но, черт возьми, по-мальчишески энергичное, способное оживить любой субъект. Только представьте, незамутненная водная гладь — и вдруг кто-то бросается в самую глубь.

Она проникла в него словно в воду. Он был словарем, а она — словом, которое было ему неведомо. Или можно выразиться проще — она

вошла в него словно в дверь, открыв и оставив нараспашку, а сама направилась внутрь. («Нараспашку!» Когда дверь — уже не дверь? Дурацкая загадка из телеигры его детства, которую ему запрещали смотреть; эта загадка никогда не казалась ему смешной. До сегодняшнего дня. Никогда раньше он не был настолько *открыт* для юмора, ха-ха.)

Кто она? Как хоть ее зовут? Спросила его Ева, понизив голос, отведя Майкла в сторону на кухне перед ужином. Это было не в стиле Евы — забывать такие вещи и вообще небрежно относиться к гостям; как ни странно, ему это польстило, так как подчеркивало в собственных глазах его выдающиеся организаторские способности. Он в тот момент начинял форель изнутри крохотными кусочками масла. Переборщишь — и все пропало. Не доложишь — тоже. Главное — положить в меру. Амбер, кажется, да? — сказал он, просовывая масло в надрез на тушке.

Она позвонила к ним в дверь этим утром. Он отворил, и она вошла в дом. Простите, что опоздала, говорит. Меня зовут Амбер. У меня машина сломалась.

— А как у нас насчет десерта? — говорит Ева, входя в комнату Со своей неотразимой улыбкой.

У нее хорошее настроение. — Между прочим, форель была божественная, — сказала она, перегнувшись к нему через стол.

— Да, — сказал он. Форель и впрямь была недурна. *(Ей* тоже понравилось; ей понравилось все, что было на столе, она ела с волчьим аппетитом, заглотнула все, прямо с кожицей — именно как волк, Астрид так и уставилась на нее, и Майкл подумал, что тоже не прочь просто сидеть и смотреть; он уже забыл это ощущение — когда плоды твоих усилий оценены так явно. В наше время не принято так есть, не скрывая свой голод и откровенно наслаждаясь едой.) Я думал подать груши «Елена Прекрасная». Нужно только подогреть, ответил он. Через минутку, ладно?

Ева заканчивала собирать тарелки, взяв последнюю у него из рук и чмокнув его в щеку. Он поцеловал ее в ответ, легко, но со значением; она приобняла его за шею и скрылась в кухне. Солнце уже село, но было тепло. *Она* может войти в гостиную в любой момент. С минуты на минуту она спустится по лестнице, повернется к двери в столовую и войдет и сядет за стол напротив него, и он снова воссияет под покровом одежд, как розовеющий элемент накаливания. Интересно, от него пойдет дымок? А может, одежда сплавится

с кожей? Может, его брюки цвета хаки начнут тлеть в том месте, где они натянулись, между бедрами?

Он снова постучал сжатыми кулаками по бедрам. Ха-ха! — сказал он. Астрид метнула в него испепеляющий взгляд. А, по фигу. Он запел: *В мире Барнума и Беили места правде нет.* Его голос звучал хорошо. Его лицо, отраженное в окне, озаряло мальчишеское озорство. Но для нас он станет сказкой. Мотылек вдруг замер. Майкл хотел снять его со скатерти, и тот снова задергался; видно, просто решил отдохнуть. Майкл взял мотылька. Поднес его к самому носу; ему на секунду захотелось взять его в рот.

Он впервые в жизни вдыхал запах мотылька.

Который не пах ничем.

Бедняга бился в его ладони.

Спасибо, о Мотылек, за великолепное сравнение, сказал он, сжимая пальцы, перегнулся через стол и, закрыв глаза, вытянул руку в окно и выбросил мотылька наружу, не пытаясь увидеть, куда тот приземлится.

Счастливо, Мотылек. Если скажешь «да» в ответ.[17]

---

[17] Примечания: 17
Цитата из классической джазовой композиции It's Only a Paper Moon.

Майкл обожал ретро. В основе той музыки лежала лирическая поэзия. Он набрал в легкие воздуха. Воздух был какой-то непривычный, чистый. В конце концов он совладал со здешней плитой, в этом доме, принадлежавшем неизвестно кому, плита была электрическая, просто наказание. У него на ладонях осталась пыльца с крыльев мотылька. Он вытер руки о брюки. Итак, в дверь позвонили. Он открыл, и она вошла в дом. Пройдя мимо него вплотную. Он отпирал дверь, одновременно разговаривая по телефону. Погоди, сказал он Филиппе Нотт в трубку. К нам пришли, я тебе перезвоню, хорошо, Филиппа? Он словно со стороны слышал собственный голос, произносящий ее имя, хрипловатый, с мягкой грубоватостью, как однодневная небритость, небритость после первой ночи в отеле, шепчущий обещания в ухо Филиппы Нотт. Открывая дверь, он думал, как бы ему хотелось называть ее: Пиппа, может, Пип. Жаль, что она уже представлялась полным именем, оно как будто обладало большей значимостью, большей *полнотой;* остальные варианты были детскими. А жаль; им всем нравилось, когда с ними обращались, как со взрослыми. Позже он спросит ее, как ей больше нравится, как ему лучше ее называть. Она навер-

няка только того и ждет. Обычно им это страшно льстило; они обожали такие вопросы.

Филиппа Нотт всегда оборачивалась на выходе и смотрела на него через головы других второкурсников на семинаре по викторианской эпохе. Она была стройной, с темными, длинными волнистыми волосами. У нее был хороший вкус, практически высший совокупный результат за письменные работы каждого оценочного периода и пара блестящих эссе за второй курс, одно из них на тему префрейдистских прозрений в монологах Роберта Браунинга;[18] она прекрасно написала о каменных поверхностях в поэзии Браунинга, о том, почему он придавал камню такую чувственность, — о чем Майкл сказал ей в своем кабинете в конце семестра, когда она пришла к нему с просьбой быть руководителем ее «американской» диссертации. Тогда она посмотрела ему прямо в глаза; она была дичью. Причем первоклассной. Прекрасно, сказал он, скажите, вы будете проводить лето в городе? Потому что я буду часто приезжать в университет — экзамены, административные дела, — а домой в Норфолк вырываться только на выходные; у вас есть сото-

[18] Примечания: 18
Браунинг, Роберт — английский поэт и драматург (1832–1889).

вый, или может?.. Когда она уходила, он положил ей руку сзади на талию, и она легонько вильнула бедрами, прижавшись спиной к его руке. Он позвонил Жюстин, секретарю, и осведомился об экзаменационных отметках Филиппы, почти все отличные. Очень удачно.

И вот теперь это.

Простите, что так поздно. Меня зовут Амбер. У меня машина сломалась.

Он вернулся к разговору. К нам пришли, я тебе перезвоню, хорошо? Она без смущения вошла в дом и уселась на диване. Скользнула по нему безразличным взглядом; она пришла не к нему. Немного потрепана. лет тридцати, может, старше, с загаром автостопщика, одета как для марша протеста, одна из этих великовозрастных девиц, упорно изображающих подростков. Разномастных политических бунтарок 80-х безумно увлекали идеи Евы. А имечко-то у нее хипповское. «Янтарь». Черт-те что.

— Майкл Смарт, супруг Евы, — сказал он и протянул ей руку. Она взглянула на нее, потом на него, словно на больного. Он подержал руку в воздухе еще немного, потом опустил ее, отведя вбок, и прокашлялся.

— Ева в саду, — сказал он. — Работает в летнем

домике. Думаю, она вот-вот вернется в дом. Она вас ждет, да?

Амбер смотрела в окно. И не отвечала.

— Может, принести вам что-нибудь, пока ее нет? Фрукты, что-нибудь выпить? (Внутри у него все клокотало, он был на грани.)

— Зашибись, — сказала она. — Кофе найдется?

«Зашибись»… Он не слыхал этого слова сто лет.

У нее был легкий иностранный акцент. Похож на скандинавский. Уже в кухне он вспомнил: однажды летом в детстве он повадился ездить к лагерю для туристов по соседству и, прислонив велосипед к ограде, наблюдать за ними, в тот год как раз приехали две девушки-шведки, со светлыми-светлыми, почти белыми волосами, от них исходил сладковатый аромат масла пачули, они носили браслеты-фенечки и кожаные шнурки на шее, на лодыжках у них тоже были браслеты, а ногти на ногах покрыты темно-красным и черным лаком, они со смехом прогуливались туда-сюда к колонке, чтобы наполнить бутылки, и все звали его из-за ограды, и приглашали к себе, маша из расстегнутого входа в палатку, такую маленькую, что было совершенно непонятно, как они вдвоем-то умещаются в этом равнобедренном треугольнике, не говоря уж о нем.

Анна-Катерине, да, а вторую звали Марта. Ему было десять лет. А им сколько? Вряд ли больше девятнадцати-двадцати; но ему они казались непостижимо взрослыми, он точно знал, что не доживет до такого невероятного возраста. Где теперь эти девушки? Что с ними сталось? Тридцать лет назад! Нет, больше. 1971-й. А как будто вчера. Барабанная дробь дождя по палатке, его голые икры — он ходил в шортах — прикасаются к теплой влажноватой поверхности подстилки.

Он не вспоминал об этом уже много лет.

Шведки пробыли там неделю. Мать все спрашивала, куда это он катается по вечерам на велосипеде, возвращаясь домой почти в кромешной темноте. Вообще-то ему не позволялось там торчать; тех, кто живет в палатках, несомненно, полагается считать недостойными людьми. Он говорил, что ездит к Джонатану Хадли. (Джонатан Хадли был главным патологоанатомом с заоблачными доходами, у него была большая семья и дом на берегу реки в Уолтон-он-Темз стоимостью в три с половиной миллиона.) И вот каждый вечер он брал с полки, где стояли классики, какую-нибудь книгу, вроде бы небрежно, но так, чтобы заметили родители, — совал ее под мышку и говорил матери, что они с Джонатаном Хадли-

младшим по вечерам читают в его спальне. Это было «восхитительно». И дозволено. «Большие надежды». *Из того и другого мой младенческий язык не мог слепить ничего более внятного.*[19] «Мельница на Флоссе». Том первый, книга первая. Брат и сестра. «Ярмарка тщеславия», роман без героя. Мастерство притворства. Запах мокрой травы. Свет, что просачивался сквозь стенки и швы у входа в палатку. Когда девушки уехали, квадратный участок примятой травы на месте их пристанища оказался на удивление небольшим. Новые туристы, приехавшие на освободившееся место, были хрен знает откуда: большая семья то ли из Борнмута, то ли из Богнор-Риджиса.[20] У главы семейства было ужасно решительное выражение лица, и когда он наконец воздвиг на лужайке свое помпезное сооружение, оно заняло площадь в три раза больше. Они были очень громкие. Все время перекрикивались. Он был для них всего лишь местным пацаном у ограды.

Он принес ей изысканно нарезанную грушу. Она тут же все съела, один ломтик за другим. Интересно, она отметила *изысканность?* Спасибо,

---

[19] Примечания: 19
Цитируется в переводе М. Лорие.

[20] Примечания: 20
Курортные города на южном побережье Англии.

во всяком случае, не сказала.

— А что случилось с вашей машиной? — спросил он.

Она не ответила. Может быть, просто не расслышала из-за гудения пылесоса на втором этаже.

— А что с вашей машиной? — повторил он громче. — Он сломалась? Не заводится?

Пожала плечами.

— Аккумулятор? — спросил он. Получилось чересчур громко, пылесос как раз замолк.

Она словно не понимала. Может, не знала, что такое «аккумулятор».

— Я вставила ключ, повернула — ноль эмоций, — сказала она, глядя сквозь него.

Наверное, оставила на ночь включенные фары, подумал Майкл. Или лампочку на потолке. А может, просто бензин кончился.

Он присел на подлокотник дивана.

— Так откуда вы, говорите, приехали? — начал он, и вдруг она разразилась неожиданно длинной фразой:

— Но скажите, вы думаете, все обойдется, это ничего, что я бросила ее без присмотра посреди дороги?

Предложение окончилось. У них над головой снова начался гудеж.

— Честно говоря, без понятия! — прокричал он. — Если честно, исходя из ваших слов, я не уверен, что все обойдется. Где машина?

Она неопределенно махнула рукой в сторону окна.

— Вообще-то здесь в округе очень тихо! — снова крикнул он. Вышло забавно нелепо, и он рассмеялся. Она взглянула на него. Он замолчал.

— Я хотел сказать, — заговорил он, — что в принципе не стоит оставлять что-либо посреди дороги. Конечно, все зависит от того, насколько точно вы выразились.

— Точнее не бывает, — сказала она. — Прямо посреди дороги. На повороте. Мне пришлось ее там бросить, когда она отказалась заводиться. Я всю ночь была за рулем.

Она потерла глаза. Она и впрямь выглядела изможденной.

— Там все мои вещи, — сказала она.

— Надеюсь, ничего ценного? — спросил он. — Ноутбук там или еще что-нибудь?

Она кивнула, показав на его мобильный на столик.

— Всё-всё.

— Вот это вы зря, — сказал он. — Сейчас везде небезопасно. Даже здесь, в этой глуши. Повсюду

воры.

Она откинулась на спинку дивана, закрыла глаза, помотала головой. Потерла виски ладонями. Будто чего-то ждала.

— Видите ли, я… — начал он. — Вообще-то я не большой знаток по части техники. И времени у меня в обрез. Через час я уезжаю в Лондон.

На ее лице отразилась безумная скука.

— Хорошо, где ваша машина, если точно? — спросил он. — Если хотите, я мог бы… — Но она уже поднялась, достала ключ от машины из карманов шортов и протянула ему на ладони. Он взял ключ, и она снова опустилась на диван.

— А как насчет кофе, это долго? — спросила она.

Кофе натуральный, хотел сказать Майкл. Чтобы она знала, что он из тех мужчин, которые никогда не подадут растворимый. Однако он не мог придумать, как это сказать, чтобы не выглядеть идиотом. Она ведь и сама заметит, когда попробует. Направляясь к шоссе, он набрал номер Филиппы Нотт. *Алло, Филиппа! Это доктор Майкл Смарт,* звук его голоса в звенящем летнем зное казался чужим, не в меру напыщенным. Они назначили встречу на два часа. Прямо на повороте дороги, у кромки леса он увидел маленькую

угловатую «вольво», аккуратно припаркованную у кювета. Кажется, все было цело. Никаких следов взлома.

Водительская дверь была незаперта. Он пролез внутрь, отодвинул сиденье. Он не особо разбирался в машинах. Возможно, это вообще не ее машина. Но тем не менее Майкл вставил ключ в замок зажигания, повернул — и машина сразу завелась. Чудеса, подумал он. Волшебство. Миг удачи. Может, она ее промочила и подсос забарахлил. Что-то в этом роде. А может, двигатель перегрелся. Она сказала, что вела машину всю ночь. Он поехал обратно, репетируя про себя, как сообщит ей новость. Я пару раз повернул ключ, и она завелась как миленькая. Я подкрутил кое-что, и теперь с ней все в порядке. Вообще-то я не большой знаток, но кое-что понимаю и думаю, теперь она будет послушна, как ягненок.

«Послушна, как ягненок»! Майкл по-прежнему сидел за столом, то откидываясь на спинку, то наклоняясь вперед, то ерзая на стуле. Ева и Астрид были на кухне и о чем-то спорили. Она до сих пор не спустилась вниз. Но спустится вот-вот. А ведь все верно, подумал он. Ягнята и правда послушны. В этом нет ни капли клеветы. Чистый и ясный факт. Ягнята отличаются особой послушностью.

Что касается Филиппы, то сразу после первого поцелуя она запустила руки ему в брюки и погладила яички. Девушка была с амбициями. Начнем с самого начала, сказал он, расстегивая ей блузку. *Замечательный стартовый пункт.* Пока она расстегивала ему брюки и вынимала его хозяйство, он пытался объяснить, ей что это иносказание. Но она искренне не понимала, что он хочет сказать. А-а, как в том старом фильме, сказала она и сжала его так, что дыхание перехватило.

Все это было неприятно; раздевая ее, он ощущал, что его использовали, даже надули, — он вообще-то любил читать девушкам небольшие лекции об «агапе» и «эросе». Он хотел смущенно признаться, как любовался ею на семинаре, когда она говорили то-то и то-то. (Он был готов — но этого не понадобилось — привести случай, когда Филиппа сказала, что Шарлотта Бронте была Эмилией Бронте на валиуме.) Он любил описывать, как он мерил шагами кабинет, в мыслях разброд, бессонные ночи до рассвета, ибо высказанное ею остроумное и точное замечание помогло ему осознать — вдруг, как гром среди ясного неба, — что он хочет одного: сгрести ее в охапку и заняться с ней любовью здесь и сейчас, забыв про все, прямо перед всем классом. Любил он выпалить что-то в

этом роде как бы в запале и опуститься на стул — не на свой, что у стола, а на один из свободных, и, как бы вдруг устыдившись своей откровенности, покачать головой, глаза долу. Затем пауза. Затем — взгляд на нее, с любопытством. Помнится, одну (Кёрсти? Да, Кёрсти Андерсон, выпуск 1998 года) он соблазнил на счет раз; он не сомневался в успехе. Он процитировал ей отрывок из Сапфо, *Я покорен красотой молодой,* а потом тихо произнес: да я сам — лесбиянка. Не смейся! Я чувствую в себе женственное начало, моя душа без сомнения *anima* и самое главное — меня непреодолимо тянет к девушкам и женщинам. (Кажется, сейчас она работает на Би-би-си.) Раньше они больше ценили такой подход; он цитировал писательниц вроде Лилиан Хелман, Алис Уокер — писательниц, чья слава уже явно уходила в прошлое. Диссертация юной Филиппы Нотт по Совр. Амер. Лит.: «Выборы американского жиголо: образы власти в романах Филиппа Рота». По дороге, в поезде он представлял, как деликатно скажет ей — еще не дотронувшись (если она позволит ее тронуть) — что она уже сдала экзамен. «А у Пиппы "автомат"», тихо прошепчет он ей на ушко: остроумно и к месту. Но, оказалось, девушка сама принесла презерватив и сама надела на него,

приперев спиной к столу, и он почувствовал себя беспомощным, словно на осмотре у врача.

Десять лет назад все это было романтично, вдохновляло и наполняло силой (Харриет, Иланна, и та, со стрижкой «паж», имя которой не задержалось в его памяти, хотя она до сих пор присылает открытки на Рождество). Даже пять лет назад все было неплохо (взять ту же Кёрсти Андерсон). А теперь он, Майкл Смарт, лежа на полу своего кабинета в обществе двадцатилетней Филиппы Нотт, которая раскачивалась на нем верхом с открытыми глазами, беспокоился о своей спине. Сам он закрыл глаза. Как грустно, подумал он, что актриса Дженнифер Билз, которую он пару месяцев назад случайно видел в ночной передаче по какому-то из бесчисленных каналов, которые ловились у них дома, явно сделала пластическую операцию и стала похожа на всех этих голливудских теток.

Майкл видел некрашеную поверхность изнутри своего стола. Пожалуй, с Филиппой Нотт он оплошал. Может быть, стоило предпочесть ту рыженькую скромницу, как же ее, Рейчел, она была из Йоркшира, писала стихи, да и тема ее диссертации обнадеживала: «Значение искренности авторского голоса в послевоенной литературе

английского работчего класса». Может, она была бы более чувственна? Не то что эта стервочка. С другой стороны. В этом есть своя прелесть. Все мысли как ветром сдуло. Он кончил.

Когда он пришел в себя, а Филиппа слезла с него, встала и начала приводить себя в порядок, он, к своему удивлению, вспомнил Ашенбаха из «Смерти в Венеции»,[21] момент, когда тот с удовлетворением предвкушает, что этот нежный красавчик наверняка умрет в юности. Она проверила мобильный. Пропущенное сообщение. Потом причесалась и подправила макияж в ручном зеркальце, которое пристроила на одной из полок, рядом со словарями. Он тоже встал, спиной к ней, заправил рубашку в брюки, застегнул ремень, провел рукой по стрелкам. Он ее сейчас отымел или она его? Преподаватель трахнул студентку. Студентка трахнула препода. Он заговорил, потому что Филиппа Нотт наполнила помещение звуками возни. В английском языке порядок слов имеет решающее значение, говорил он, в отличие от многих других языков, в частности немецкого, где субъект и объект различаются формой женского/мужского артикля. В

[21] Примечания: 21

Знаменитый рассказ Т. Манна о платонической любви пожилого мужчины к прекрасному подростку.

английском как-то не сложилось с морфологией, он потерял зачатки морфологической системы в среднеанглийский период.[22] Несгибаемый язык, ха-ха, сказал он, заворачивая использованный презерватив в лист формата А4 из стопки не пригодившихся студентам распечаток Йейтса. *Любовь — сплошное наказанье,* успел он прочесть внизу страницы. Строфа из раннего стихотворения, до «Ответственности»,[23] Йейтс еще совсем молод. Стареющий поэт все пытался реанимировать свою заржавевшую вирильность. Эх, Йейтс, старая мартышка. Филиппа тем временем говорила о своих результатах и итоговых оценках. Я просто молодец, сказала она. Мне Жюстин сказала. Я правда ужасно рада. У меня намечается почти отлично по Шекспиру, отлично по Викторианской эпохе и… На Майкла вдруг навалилось изнеможение. Закончив, она уселась на свое обычное место, третий стул от стола, достала из сумки ручку, лист бумаги и пачку ярких обложек Филиппа Рота. Сидит и ждет. Ты уж прости, сказал ей доктор Смарт. К сожалению, придется перенести это на другой раз, Филиппа. У меня на

---

[22] Примечания: 22
Этап развития английского языка с сер. XI до сер. XV вв.

[23] Примечания: 23
Сборник стихотворений 1914 г. У. Б. Йейтса (1865–1939).

сегодня еще назначены встречи.

Ладно, — просто сказала она и полезла в сумку за ежедневником.

Когда она ушла, Майкл взглянул на часы. Два часа двадцать четыре минуты. Он подошел к окну и стоял там минут десять, глядя на пустынный внутренний двор — никого, кирпич к кирпичику. Вообще-то двор ему нравился. Казался полным загадочности. Но сегодня это пространство было до отвращения никчемным.

Он включил компьютер, проверил почту. Сто семьдесят три новых сообщения, бога ради! Да, груз административных обязанностей явно переходит границы.

Он прошел через весь факультетский коридор и никого не встретил; прислушался, остановившись у пары дверей, — тишина. Ничего удивительного — пятница, вторая половина дня, экзамены позади. Когда он позвонил на кафедру насчет обычной почты, Жюстин была любезна, но неразговорчива, почти небрежна. Секретарши — негласные правительницы этого мира. Но ему не нравилось, когда на него ополчались. Столько геморроя. Жюстин всегда дулась на него в начале и конце семестра. Может, просто ревновала?

Он ополоснулся в преподавательском туале-

те, вытерся бумажным полотенцем. В зеркало старался не смотреть. Вернувшись в кабинет, он проглядел новые сообщения и без колебаний стер семь писем от Эммы — Луизы Саквил, выпускницы этого года, она получила довольно средние отметки и находилась в буквальном смысле в плачевном состоянии. Будь ее результаты лучше — никакой разницы. Он выражался предельно ясно. И весь год старался, чтоб она уяснила: после экзаменов — никаких «консультаций».

Он выключил компьютер. Вышел из кабинета и запер дверь.

Он подумал, не поехать ли домой, в пустой дом на другом конце города. Там нет подростков с глазами на мокром месте, с гордым опечаленным челом, нет озабоченной недовольной темноглазой Евы. Дома, сам по себе. Он взглянул на часы. Нет, уже поздно. Он пошел на вокзал. На улицах было полно шумливых, радостных людей. Он сел в свой поезд. В вагоне было мало пассажиров, а вот в сторону города поезд был забит до отказа, весь пронизан солнцем, кроны деревьев на пике летней роскоши, да и его настроение под стать их изобильной зелени. Он влетел в городок юным балбесом, хихикая про себя над статьей в местной бесплатной газете, оставленной кем-то

на сиденье. Реклама утреннего чаепития с выступлением норфолкских «Битлз». «Норфолкские «Битлз»! Репортаж об акте местного вандализма. Семь возмущенных писем против туристов, устроивших долговременный лагерь на каком-то несчастном поле. (Кстати — вопрос: существует ли понятие «долговременный лагерь»?) Заметка о загадочном преступнике, ворующем муниципальные мусорные баки для переработки бумаги исключительно в такой-то деревне. Он уже предвкушал, как расскажет коллегам — Жюстин, Тому, может, Найджелу, если тот на работе, в каком странном, удивительном, прямо-таки уникальном месте с точки зрения социальной активности и демографии они сняли дом на лето — словно в мини-проекции старушки-Англии. Рассказал бы пару-тройку баек, посмешил народ.

Но сейчас, на обратном пути, он со своими недоделанными байками показался себе просто жалким имбецилом. Двери поезда закрылись с дурацким пиканьем. Надо было ехать домой, сразу как только он об этом подумал! И вообще, надо было снять дом в Саффолке. Никто не живет в Норфолке. Все едут в Саффолк. Доктор Майкл Смарт ни за что не стал бы деканом факультета, даже и.о., будь он из Норфолка. Том жил в Саффол-

ке. Марджори Динт тоже. У них там загородный дом. Ну конечно, Динты-то богачи. Могут себе позволить. Про нескольких коллег он точно знал, что они живут в Саффолке, да и остальные, про которых ему было неизвестно, тоже наверняка окопались там. Поезд тронулся. Простая, ничем не примечательная пригородная электричка. Тяжело было на душе. Тяжелее, чем рельсам под поездом. Всю дорогу через пригороды. Вот и веки Майкла отяжелели. И он заснул.

Но, проснувшись бог знает где, в каких-то диких краях, он вдруг уперся взглядом в сиденье напротив.

Обычное такое сиденье, пустое место в вагоне поезда. Таких сидений в вагоне было множество; похоже, в этом неприкаянном поезде пассажиров раз, два и обчелся. Потертое, грязноватое сиденье яркой казенной расцветки, как детское креслице; да, что касается дизайна — с этим просто швах. Но в данный момент тема качества вагонов его не слишком волновала, потому что на самом деле до него вдруг дошло — ну да, словно удар грома, — что он страстно желает, чтобы та женщина, Амбер, которая появилась в их доме утром, вдруг очутилась напротив него, вот на этом сиденье.

Он потряс головой. Расхохотался про себя. Не

многовато ли, два удара грома за один день? Он ведь только что был с девушкой! *Доктор Майкл Смарт слушает.* Он неисправим. Он откинулся на своем кресле, снова закрыл глаза и попытался представить, что она, эта Амбер, отсасывает ему в туалете поезда.

Но что-то было не так.

Он *не мог* этого представить.

Вот тебе на, подумал д-р Майкл Смарт.

И попытался снова.

Вот она опустилась перед ним на колени где-то в задних рядах почти пустого кинозала… Но единственное, что рисовало воображение, был яркий луч прожектора над его головой, медленный танец пылинок в его покадрово меняющемся свете да тонюсенький лучик, направленный в обратную сторону из булавочной дырочки на экране.

Вот она сидит перед ним на коленях в лондонском такси. Зима… Но все, что рисует воображение, — это фонари и светофоры ночного города, сливающиеся в каплях дождя на стеклах машины.

Все чудесатее и чудесатее, как написал в своей книжке для детей один математик-педофил, отметил Майкл Смарт про себя с чувством тайного превосходства.

С другой стороны, ему было не по себе от того, что он мог вообразить ее лишь сидящей тут, в поезде, в кресле напротив. Да, так получалось. И вполне реалистично. Вот и она. Смотрит в окно поезда. Рассматривает свои ногти. Изучает кончики своих волос. Читает книгу на незнакомом ему языке.

Теперь он вспомнил про тех девушек в палатке, как они усаживали его, совсем мальчика, между собой и кормили рубленым мясом с луком, которое сами жарили тут же на газовой плитке, а потом словно забывали о нем, лежащем в полузабытьи в тепле их горячих тел, с книжкой, весь вечер напролет раскрытой на первой странице, слушая их разговор на языке, на котором он не понимал ни слова.

Богоявление! Господь всемогущий, это было чудо! Пустое сиденье, наполненное благодатью, чудо из чудес! В мерзком поезде, идущем по мерзким болотам!

Но именно сейчас доктору Смарту открылась истина-и теперь, когда он наконец обрел жизнь, кому на хрен какое дело до того, что есть «богоявление», иными словами, до толкований различных понятий, до стилистических приемов и образов, до законов и границ жанров, до

заточенных временных рамок и выведенных и принятых всеми определений? Только теперь он наконец понял, понял впервые в жизни, о чем именно великий Джойс, и старая зануда Вулф, и Йейтс, и Рот, и Ларкин, и Хемингуэй, и естественные голоса послевоенной рабочей литературы, и Браунинг, и Элиот, и Диккенс, кто там еще: Уильям Теккерей, мсье Аполлинер, и Томас Манн, и замшелый Билл-Шекспир, и Дилан Томас, алкаш, мертвец, вечный юноша, и все остальные, все хором, на каждой странице, в каждом произведении, которое они произвели (так, кажется, не говорят? Да какая разница? Значит, теперь говорят), — о чем они все толковали.

Вот об этом.

Он сидел напротив нее весь ужин. Она была из тех девушек, нет, из тех взрослых цветущих женщин, которых видишь на дороге, тормозишь, подвозишь до следующей деревни, потом она выходит из машины, машет рукой на прощанье, и больше вы никогда не встречаетесь, однако этот миг преследует тебя до конца жизни.

Она была похожа на простоволосую, убранную цветами девушку с боттичеллиевской «Весны».

Он сошел с поезда в каком-то ступоре. Постоял мгновение на солнце, созерцая, как солнечный

свет отражается от его машины на привокзальной парковке. Он чувствовал себя как-то странно, по-новому, словно его тело под одеждой пылало, — настолько явственное ощущение, что он подумал, что зря не принял антигистаминное. Подъехав к дому, он увидел, что «вольво» стоит на месте. Он припарковался рядом. Решил обойти дом. Она лежала в саду, на животе, рассматривая что-то в траве, как маленькая девочка. При виде ее сердце Майкла затрепетало птицей в вышине.

Он приготовил ужин. Более того — превосходный ужин. Она останется на ужин? — спросил он вошедшую Еву. Понятия не имею, ответила Ева, а ты ее приглашал? Тогда он спросил ее — они с Астрид лежали на траве в саду. Вы поужинаете с нами? И Астрид, милая Астрид, крикнула ему, да! И вот она отодвинула стул от стола и вышла из комнаты, и он, Майкл Смарт, уставился в точку, откуда исходил свет, пациент, очнувшийся после долгих лет комы. Он видел Еву. Видел Астрид. Вот он смотрит на собственные руки, незнакомые, новые руки. Он видит свет. Он сам — свет. Его зажгли, чиркнули, словно спичкой. Он испытал просветление. Он овладел фотосинтезом, покрылся нежной листвой. Густой и свежей. Он огляделся; казалось, все предметы излучали

Жизнь. Бокал. Ложка. Его руки. Он поднял их над столом. Они парили! Он сам парил, покачиваясь в воздухе вместе со стулом. Он бросал вызов гравитации. Он пылал священным пламенем, словно вместилище нового чистейшего топлива. Он снова поднял свой бокал. С ума сойти. Ему придали форму, испытав огнем. Просто чудо, этот обычный с виду бокал. На миг он стал им, этим стаканом. Он был ложкой, всеми ложками на столе. И познал саму суть бокальности, саму ослепительность блестящей ложки. Он был столом, и стенами комнаты, и продуктами, что собирался приготовить, тем, что она будет есть, сидя напротив него и глядя насквозь.

Она не замечала его весь ужин.

Вообще его не замечала.

Сидела так, словно напротив никого не было. Он с таким же успехом мог быть стулом по другую сторону стола, пустым местом, чистым вакуумом. Но: он ведь завел ее машину. И приготовил чудесный ужин. Сейчас он подаст печеные груши под горячим шоколадным соусом, а потом будет жадно наблюдать, как она надломит корочку на фрукте ложечкой, отправит кусочек в рот, прожует и проглотит это восхитительное лакомство, потом снова надломит, снова откроет рот и

оближет ложечку.

Она вот-вот снова войдет в комнату.

Вот и она, стоит на пороге.

…начало не давало ей заснуть. Она предпочитала редактуру, конец, когда работа в темноте окончена и ты правишь себе и правишь, пока не вычленишь окончательную форму сотворенного.

Где сейчас Ева, конкретно? Лежит в постели в этой невыносимо темной, душной спальне, мучаясь бессонницей в глубокой ночи, под боком Майкл, спит как сурок, голова под подушкой.

И нет других причин ее бессонницы? Нет.

А если честно? Ну, эта Майклова девица немного выбила ее из седла.

Что за девица? Девица, у которой хватило наглости прикатить к ним сюда, угощаться за милую душу, подлизываться к ее детям и рассказывать какую-то несусветную, по мнению Евы, чушь, причем на голубом глазу. Девица, которая в завершение (вообще-то, очень приятного) вечера вдруг, ни с того ни с сего, довольно сильно встряхнула Еву за плечи.

Что-что?! Да, в прямом смысле взяла и встряхнула ее, а потом распахнула дверь, бодро попрощалась и пошла прочь из их дома, собираясь

ночевать под звездами (на самом деле под крышей своей «вольво», припаркованной перед домом, если точно).

Она встряхнула Еву?! Лл. Дикарка.

Но почему ей пришло это в голову? Без всякой причины. Во всяком случае, по разумению Евы. Она не имеет ни малейшего понятия.

А кто эта девица? Какие-то у них дела с Майклом.

Как Ева чувствует себя в данный момент? Сон как рукой сняло.

Не правда ли, в этом «летнем» доме чересчур темно? О да. Неестественно темно для летней ночи. Окна в доме слишком маленькие. И шторы слишком плотные.

А какие такие дела у этой девицы с Майклом? Она, очевидно, его «бывшая» студентка.

А что, Майкл отрицает это? В том-то и дело!

Майкл: (лежит в постели, она раздевается и тоже готовится ко сну) Как все прошло?

Ева: Что именно?

Майкл: Какие вопросы она тебе задавала?

Ева: Да кто задавал?

Майкл: Как же ее… Амбер. Интересные были вопросы?

Ева: (решив не упоминать унизительный эпизод

встряски полчаса назад в прихожей) Что ты имеешь в виду конкретно?

Майкл: Сама знаешь. В смысле аутентичности. Как она оказалась? Умна? С виду очень даже.

Ева: Ну, тебе виднее.

Майкл: В каком смысле?

Ева: Она же из этих твоих.

Майкл: Из кого же?

Ева: Твоих студенточек.

Майкл: А вот и нет.

Ева: А вот и да.

Майкл *(поворачиваясь на бок):* Она ведь приехала, чтобы дать материал для одного из «Интервью от первого лица», так?

Какая последняя новинка стала сенсацией, покорившей весь литературный мир? Конечно, серия книг «Интервью от первого лица», вышедшая в «Джупитер Пресс». Это серия «автобиографических беллетризированных интервью» журналистки Евы Смарт (42 года), которая опубликовала первое интервью из будущего сборника восемь лет назад. Оно называлось «Интервью от первого лица-1: история Клары Скиннер, жизнеописание барменши Клары Скиннер, погибшей во время бомбардировки Лондона в возрасте 38 лет». (Другие «Интервью от первого лица» расска-

зывают о судьбах итальянского военнопленного, билетерши кинотеатра, летчика-истребителя и эвакуированного младенца.) А восторги вокруг последнего «Интервью» — «Истории Илзе Зильбер» — придали до недавнего времени независимому издательству «Джупитер Пресс», средние тиражи которого не превышали пяти тысяч, мощный импульс, и они продали почти сорок тысяч одной «Зильбер», что потащило паровозом и другие «Интервью» (в чем крылась одна из причин молниеносной покупки маленького издательства суперкорпорацией «Харпер Коллинз» в начале этого года). «Безусловно, это для нас дар свыше», признается Аманда Фарли-Браун, в свои 27 уже назначенная главным редактором «Джупитер Пресс». «Мы до сих пор в шоке. Не можем поверить в свое счастье. И вполне можем надеяться, что «Интервью» появятся у «Ричарда и Джуди».[24]

О чем все эти «Интервью»? В центре каждого — жизнь самого обычного человека, погибшего во время Второй мировой войны, рассказанная от первого лица, — но так, словно этот человек выжил и рассказывает все постфактум. «Я даю

---

[24] Примечания: 24
Популярное ток-шоу английского телевидения с 2001 по 2008 гг.

им возможность представить жизнь после, вообразить, как *могли бы* развиваться события», говорит Е. Смарт.

В чем новизна ваших книжек? Каждая из них представляет собой небольшую брошюру с текстом в формате «вопрос — ответ». Условную рассказчицу в «Истории Илзе Зильбер», по рождению немку — с еврейскими корнями, но по всему истинную нацистскую мамашу, даже получившую от фюрера специальный Железный крест матери за рождение семерых детей (все они один за одним погибли во время союзнических бомбежек), — просят описать собственную смерть, когда ее одежда случайно загорелась во время артиллерийского обстрела и она бросилась в реку Вуппер.[25] Путем умелых вопросов Ева Смарт помогает ей рассказать свою «посмертную» историю: как она выплыла на берег, обсушилась, как местный крестьянин помог ей залечить ожоги и как она прожила еще тридцать лет.

Зачем этот журналистский приемчик с вопросами? «Это не «приемчик». Каждый вопрос находит свой ответ», замечает автор.

А как относятся живущие родственники ваших

---

[25] Примечания: 25
Река на западе Германии близ г. Вуппераль.

героев к потревоженному покою своих мертвых? «Как правило, они счастливы. Им импонирует искренний интерес», — говорит Смарт. «Я всегда подчеркиваю, что «Интервью от первого лица» — изначально не что иное, как художественный вымысел. Но именно художественная литература обладает силой выявлять истину».

Критики наконец оценили по достоинству ваш талант? «Свежо и трогательно» («Тайме»). «Эта книга переводит мистическое в такую же обыденную плоскость жизни, как чашка с блюдцем на кухне 1957-го года» («Телеграф»). «Блестяще, глубоко прочувствованно» («Гардиан»).

Единодушен ли столь восторженный прием критики? Судите сами: «Когда же наконец авторы и читатели прекратят мусолить ложно-патриотические истории про войну, которая для нынешнего поколения происходила все равно что на другой планете за тысячу световых лет отсюда? «Интервью от первого лица» Е. Смарт — ярчайший пример нашей постыдной тяги к тому, что дает нам возможность одновременно ощутить и чувство вины, и моральное удовлетворение. Довольно этого мрачного самобичевания. Нам нужны истории о настоящем, а не пустопорожняя болтовня о прошлом» («Интедепендент»).

Что же дальше? ***Холят*** настойчивые слухи о том, что Смарт не прочь заключить с каким-либо издательством более выгодный контракт. Но пока суть да дело, как ей работается на «Интервью от первого лица»-8? Кого она воскресит на этот раз? Умница-Смарт знает.

*Но что знает Смарт (42 года)?*Один Бог знает.

Где же сейчас Ева Смарт (42 года)? Лежит рядом с Майклом в постели в этой антисанитарной норфорлкской дыре.

Нет, мы говорим о том, как продвигается ее работа. Ох, не спрашивайте.

Почему? Потому что она была тупа, как этот тупой карандаш на полу, — слушайте: «изящного летнего домика с доступом в интернет», расположенного в «старом саду» при «фермерской тюдоровской усадьбе близ живописной деревни Норфолк Броудз». Текст объявления должен был звучать так: «халупа 30-х гг. с претензией на комфорт, расположенная на отшибе от проселочной дороги близ квартала потенциальных трущоб — в прошлом муниципального жилья». Какой — то кретин присобачил в каждой комнате куски шпал, да, от тюдора не отличить. Ева хихикнула — беззвучно, боясь разбудить Майкла.

Почему? С одной стороны, она правда не хотела

его будить, с другой — она смерть как не хотела снова заниматься любовью. Пусть себе спит, зарывшись под подушку, которую специально приволок из дому.

Зачем он притащил сюда свою подушку? Майкл страдал от аллергии, если спал на чужой, не своей подушке. А так больше ничто не могло потревожить его сон. Как и всякая «новая жизнь» не особенно его тревожила. Он ведь частенько имел дело с новым, «неизведанным».

К чему этот закавыченный сарказм? Ева не хочет отвечать на этот вопрос.

А чем плоха эта деревня? Просто Ева рисовала себе живописную местность с разбросанными фешенебельными усадьбами, в бывших амбарах — студии звукозаписи, а сами хозяева расслабляются, загорая на палубах собственных яхт под легендарным лазурным норфолкским небом. Да, небо в Норфолке и правда было чудное. Но: в окне одного из двух (!) местных магазинов торчало весло с пластиковой крысой на рукоятке.

Почему они не уезжают отсюда? Ева заплатила вперед.

Зачем, собственно, они сюда приехали? Охота, к перемене мест. Заело одно и то же.

А еще? Чтобы сбежать: а) от родственников

погибших, без конца выражающих по телефону и электронной почте одобрение/негодование, требующих внимания/денег; б) от жалостливых писем, звонков и сообщений людей со всей Англии с просьбой «воскресить» в ее новой книге именно их погибших родных; в) от сотрудников «Джупитер Пресс», исправно названивающих, чтобы узнать, «как продвигается работа над книгой».

Как же продвигается работа над книгой? Хоть вы не спрашивайте.

Но она же работает? Да: каждый вечер ровно в шесть вечера она направляется из летнего дом в основной, переодевается и садится ужинать, как будто трудовой день завершен и все прямо-таки наслаждаются жизнью в большом крысятнике под гордым названием Норфолк. Сегодня Астрид подкралась по траве, а не как обычно по гравию, так что Астрид не услышала шагов и, только увидев мелькнувшую за окном тень, заставила себя подняться с пола, сесть на старый стул и забарабанить по клавишам своего ноутбука. Когда Астрид ушла, Ева уставилась в девственно-пустой экран. Белый квадрат. Концептуально.

Значит, Ева Смарт притворщица? После ухода Астрид она снова легла навзничь на грязный

пол халупы.

Возможно ли, что Еве, скажем, надоело выдумывать «новые» жизни людей, давным-давно обретших покой? Ева не хочет отвечать на этот вопрос. *Может быть, ее раздражал ажиотаж, вызванный последней книгой, который, впрочем, было легко предвидеть, учитывая явно возросший в последние годы «низкопробный» интерес читателя к фашистам и событиям Второй мировой войны вообще, а главное, тот факт, что Англия снова ведет военные действия?* Ева не хочет отвечать на этот вопрос. *Может быть, всему виной только что процитированный фрагмент рецензии о ложно понятом патриотизме?* Ева не хочет отвечать на этот вопрос. *Правда ли, что Ева помнит ее текст наизусть, дословно?* Ева не хочет отвечать на этот вопрос. *А не связано ли это с пониманием того, что тридцать восемь тысяч экземпляров — это, собственно, не так уж много по меркам настоящих бестселлеров и что «грандиозный успех» на поверку оказался не столь уж велик?* При чем тут это! Конечно нет. *Нашла ли Ева героя своей очередной, еще не начатой книги?* Нет. *А почему одна мысль о том, что надо начать работу над книгой, которая соответственно принесет славу и деньги, которых*

вполне хватит на то, чтобы лежать в прострации на полу летней дачи-халупы, не шевеля ни одним членом, приводит Еву в ужас? Прекрасный вопрос. Пожалуй, покопавшись в предыдущих ответах, вы сами на него найдете подходящий. Ева видела, как из щели между досками выползла мокрица и забралась обратно. В этот миг она безумно захотела стать мокрицей, с мокричными амбициями и мокричными способностями.

Вы называете это работой? Ева набирает в легкие воздуха. Да, быть активной женщиной моего возраста в нашей части света в наше время — очень тяжелая работа. Успешно заниматься тем, что от нас ждут, и именно таким образом, как от нас ожидают, — ох как непросто. Талант. Секс. Деньги. Семья. Быть умеренно интеллигентной. Умеренно худой. Умеренно «светиться».

Довольно жалкое кредо, вы не находите? Еще один вопрос подобного рода, и интервью будет окончено.

Хорошо, какие вопросы вам хотелось бы услышать? Нестандартные. Умные. Не личного характера. Какая разница, какого цвета ее глаза? Или какого она пола? Или что происходит в ее личной жизни, в семье?

А что происходит в вашей семье? Ну, у Астрид,

например, классический «трудный возраст».

А что Магнус? Ева не знает, что сказать о Магнусе. Его поведение тревожит ее не на шутку.

А ваш муж? Тут все хорошо. Правда Майкл очень хороший. Но это все личные вопросы. Они не имеют отношения к главному. Проблема вот в чем: Ева творческий человек, но у нее застойный период.

Ладно, тогда — во что Ева верит? Да, это вопрос не в бровь, а в глаз. Так во что она верит? Как это «верит»? Что вы конкретно имеете в виду?

Во что Ева верит?

Каким руководствуется девизом?

Итак?

Что дает пищу ее мыслям?

И ее произведениям?

Что ее вдохновляет? Еву вдохновляет «Квант».

Это что-то из физики? Теория? Механика? «Квантовый скачок»? Нет. Это название ее тренажера, беговой дорожки.

Беговой дорожки?!Да.

Она «верит» в беговую дорожку «Квант»?Да.

Как верят в Бога, теорию хаоса, или в реинкарнацию, или в единорогов? Во-первых, тренажер «Квант» точно существует. Дома, когда все спят, Ева прибегает к его помощи. Пока все спят, вместе

с «Квантом» работает одновременно и ее тело, и разум, занимаясь ритмичной ходьбой или бегом, она задает вопросы и сама же на них отвечает. (Собственно, так у нее родилась идея написать серию «Интервью от первого лица».)

Но в Норфолке-то «Квант» отсутствует? Да. Он остался в доме, в кабинете Евы.

А почему тогда Ева не совершает пробежки днем, вместо того чтобы лежать целый день на полу летнего сарая? Вы издеваетесь? Ева никогда не станет «совершать пробежки», ни за что. Она вовсе не хочет развлекать публику. Это совсем не одно и то же.

Может быть, она рискнет и выйдет побегать, в темноте и в полном одиночестве, вот сейчас, когда никто не сможет ее увидеть? Ева села в постели. Скрестила руки на груди.

Всё, всё. На чем мы остановились? Да, Ева на полу сарая. Думает о мокрице.

Что же было потом, после эпизода с мокрицей? После того момента истины Ева заснула прямо на полу.

Разве удивительно, что Ева никак не может заснуть, ведь она успела выспаться днем? Послушайте. Ева вынуждена спать в этой слишком темной и душной спальне в слишком душной

и темной части земного шара. Дома, когда она не могла заснуть, она хотя бы видела уличные фонари.

Почему эта девица встряхнула Еву? Может быть, из ревности? Или хотела напугать, угрожала?

Вы почувствовали угрозу? На самом деле нет. Скорее, это можно назвать…

Как же? Вообще-то — любопытный факт — сначала, когда девушка только схватила ее за плечи, ей показалось, только не смейтесь, что девушка сейчас ее поцелует.

Но не поцеловала? Нет. Встряхнула как мешок.

Если Ева подойдет к окну и посмотрит на улицу, ей будет видна «вольво»? Она наверняка спит, скрючившись на заднем сиденье. Хотя нет, наверное, они раскладываются в вполне комфортабельное спальное место. А может, она улеглась на передних сиденьях. Или на пассажирском, максимально опустив его назад. Ева откинула одеяло, выскользнула из постели и направилась по ковру к… Твою мать!

Что за «…»? А, проклятый угол трюмо.

Нет, что за точки вместо нормального слова? Еве что, трудно выматериться? Вслух — никогда.

Почему? У вас что, нет детей? Ева продолжает тереть ушибленное бедро. Сколько пыли. Видимо, шторы были повешены еще до войны и тогда же с последний раз стираны. Когда они отсюда съедут, Ева намерена отправить миссис Бет Оррис письмо с перечислением всех претензий и потребовать компенсацию.

Ее машина на месте? Да, припаркована бок о бок с их машиной.

Как человек может проводить ночь в машине? Тем более каждую ночь? Летом ладно, но неужели и зимой она спит в машине? Наверное, страшно затекает все тело. Может быть, переночуете в доме, Амбер? — сказала Ева, когда совсем стемнело и гостья собиралась уходить. Сказала вполне гостеприимно. У нас полно свободного места, продолжала она. Есть свободная спальня, там никто не живет, — по-моему, даже постель приготовлена, вы нас нисколько не стесните, напротив. Нет, сказала девушка. Я люблю спать в машине, и она шагнула обратно в дом, чтобы — как ей показалась, — соблюдая приличия, сказать спокойной ночи или спасибо за ужин, может, приобнять-поцеловать, а вместо этого крепко схватила ее за плечи — еще немного, и было бы больно, Ева до сих пор ощущала ее хватку, — и,

прежде чем она осознала, что происходит, и уж тем более возмутилась такой фамильярности, встряхнула ее, два раза, с силой, без всяких объяснений, словно имела на это право.

А почему она решила, что имеет на это право? Ева услышала, как Майкл ворочается за ее спиной. Обернулась, его одеяло сползло, обнажая спину. Ева нарочно крепко поцеловала Майкла, когда его студенточка вышла из комнаты.

Зачем? Чтобы знал.

Что? Что ей все равно, какие у него с ней отношения.

Не кажется ли ей, что небрежное обращение девушки (какой там девушки! Господи, да она максимум лет на десять старше Евы) — *что ее небрежное обращение с Майклом весь вечер еще больше доказывает, что она — одна из его «побед»?* Вот именно.

Но ведь она намного старше его обычных соплюх? Да, как ни странно, и развязнее, потрепаннее, чем обычно, эти короткие шорты, неопрятная рубашка с расстегнутым воротом — все это совершенно не в его вкусе. Нет, не похожа она на студентку. Но ее лицо кажется знакомым, вроде где-то видел, но не можешь вспомнить где — как официантку или продавщицу в аптеке, ко-

торую вдруг потом встречаешь на улице. Кроме того, была в ней эта отвязность — а может, просто наглость, — которая привела ее в их дом. Еву это втайне восхищало.

Он с ней уже переспал? Скорее всего, да — потому что Амбер Макдоналд совершенно не смущало присутствие Майкла. Она обращалась с ним предельно холодно. Она бровью не повела, когда он наполнял ее бокал.

Но помнит ли Ева, когда у них в последний раз был такой ужин? Причем Астрид, слушая дурашливый шепот гостьи, вдруг преобразилась в чудную, раскрасневшуюся от смеха девчушку.

Когда она в последний раз видела Астрид такой — словно какой-то волшебник превратил ее в паиньку? Бог знает когда.

А как, ради всего святого, ей удалось уговорить спуститься Магнуса? Она поднялась наверх, в туалет, а когда спустилась, он трусил за ней, и она втолкнула его в комнату, ухватив за край рубашки, и сказала: представляете, я захожу в ванную, а он вешаться собрался. Все рассмеялись. Засмеялся и Магнус и сел за стол рядом с гостьей. И остался со всеми внизу, и просидел с ними весь вечер. Даже ел груши под шоколадным соусом с тарелки Амбер.

Откуда взялось ощущение неожиданного праздника? Сегодня никто не орал на Астрид за то, что она маниакально снимает с разных ракурсов еду, потому что сегодня ее камера пребывала в ее комнате, за тридевять земель, и она наконец вела себя как нормальный ребенок.

А какая Астрид вообще? Астрид — юный олененок, застывший перед розовым бутоном, то есть перед вступлением в отрочество (олени обожают розы). Сама невинность, ножки тоненькие, вся дрожит, ни сном ни духом не ведая, что будущее уже нацелило свое дуло прямо на нее. Круги под глазами. Резкая, раздражительная — и слепая как котенок, оглушенный всем своим знанием и незнанием о мире. Эта *животность* была отвратительна. Это у нее точно не от Евы. Бог знает откуда. Наверное, от Адама. Ну настолько ранимая! Все в ней кричало: помогите! — когда она просто шла через комнату, или по магазину, или по территории бензозаправки, так сильно наклонившись вперед, словно вот-вот потеряет равновесие, беззвучно умоляя, чтобы кто-нибудь — Ева, кто же еще! — положил ладонь ей на затылок или плечо и буквально «втолкнул» во взрослую жизнь.

А каким был Магнус, казалось бы, мгновение

назад? Чистым и прозрачным как стакан с водой. Настолько верил в силу простых решений, что мог сесть за викторианский рабочий стол Евы (в возрасте Астрид, лет пять назад, да?) и написать письма Ее Величеству, Элтону Джону, Антее Тернер[26] и еще бог знает кому с просьбой победить нищету во всем мире и найти пристанище для всех бездомных. Да! Королеве, Элтону Джону и Антее Тернер, а/я Би-би-си. Магнус в детстве, трогательный знайка. Он получил в ответ несколько очень милых писем, одно даже от дамы придворной из администрации дворца, по всей видимости, каждый день отвечавшей на подобные послания. Ее Величество Королеву очень тронуло и заинтересовало выражение Вашего участия… Магнус: счастливая случайность, случайная беременность, случайное начало счастливой семьи. (С Астрид наоборот: запланированная беременность, задуманная Евой как средство сохранить брак.) Ту первую, детскую ипостась Магнуса словно кто-то украл, заменив его длинным тонким, нервным, загадочным, упрямым, оскорбительно вежливым подростком, без конца принимавшим душ (или, как сейчас,

---

[26] Примечания: 26
Знаменитая британская телеведущая.

вообще решившим не мыться); настолько странным и непредсказуемым, что однажды, в этом году, он встал за ужином и заявил, что поддерживает войну в Ираке — войну, за которую Еву до сих пор мучило чувство вины, умеренное, впрочем, ну что надо было как-то действовать, больше об этом думать, а она была вся погружена в прострацию по поводу отсутствия желания начать новое «Интервью».

А какая была Астрид сегодня? Убрала со стола и мило болтала с Евой как нормальная дочь с матерью. *А Магнус?* Практически вернулся в прежней ипостаси. И даже вызвался — добровольно, как когда-то раньше, — помочь Майклу вымыть посуду (конечно, здесь, в этом идиотском Норфолке и речи не было о посудомоечной машине). Потом Астрид забыла о своем эгоистичном пунктике насчет здешней мебели, улеглась на диване (правда, подложив свернутую «Гардиан» на подлокотник под голову) и почти задремала. А Ева с Амбер стояли под теплым ветерком перед распахнутыми французскими окнами.

А что сделала Ева потом? Давайте пройдемся по саду, сказала она. Сказала тихо-мирно.

Ну давайте, ответила девушка. Замечательная мысль. Спасибо.

Они пересекли гравийную дорожку. Ева говорила ни о чем — о цветах, о том, как выращивать растения в тени. Они сели под старым деревом.

О чем Ева спросила девушку в саду? Вы ведь шотландка? Я узнала по акценту. Я так люблю Шотландию. Сто лет там не была. Моя мать шотландка.

А-а. А откуда вы конкретно?

Вы говорите на этом языке — забыла, как называется, — ну, на языке, которым пользуются там, в горах?

Что вы сказали? Очень красиво.

Переведите, пожалуйста. Что вы сейчас сказали?

Расскажите немного о себе.

Что хотите. Немного. Что вы изучаете?

Ну, в университете?

А что отвечала ей девушка?

Я из Макдоналдов.

Я — прямой потомок Макдоналдов из Гленкоу.[27]

(Потом шла какая-то тарабарщина.)

(Смеется.) Это старинные гэльские пословицы,

---

[27] Примечания: 27

Гленкоу, долина в Северно-Шотландском нагорье; в 1697 г. здесь произошла резня, когда по приказу Вильгельма III Оранского были перебиты все проякобистски настроенныхе члены клана Макдоналдов.

в наших краях каждый их знает.

Ну хорошо. Перевод приблизительный. Первая: яйцо снесет любая курица. Вторая: время придет, и солома пожелтеет. И третья: не пускайте незнакомцев на порог, пока не узнаете, кто они такие.

Что вы имеете в виду?

(Смеется.) Я не из университета!

Что именно сказала Ева девушке напоследок?

Амбер, как вы могли убедиться сегодня вечером, мы — нормальная семья. Астрид сейчас двенадцать, у нее трудный период, а у Майкла естественный подростковый кризис. Семья — штука сложная. Это Майкл сказал, что вы можете приехать к нему?

А что ответила ей на это девушка, улыбаясь в наступившей темноте?

Какой Майкл?

(А она молодец, удар держит.)

Он что, сказал, что вы можете запросто здесь появиться? — спросила Ева. Потому что и вы, и я знаем, что все не так просто, наоборот, все сложно, особенно когда дело касается семьи и детей!

Может быть, Ева немного давила? Она имеет на это право.

Что сделала девушка? Как-то фыркнула, чисто по-шотландски, через нос. Потом встала, повер-

нувшись к Еве, покачала головой, потянулась, подняв руки над головой, и направилась к дому. Ева осталась сидеть под деревом. Потом посмотрела на часы.

Хватило ли им десяти минут на выяснение отношений? На десятой минуте Ева окончательно успокоится и гостеприимно предложит девушке занять свободную комнату, демонстрируя, что между ними все в порядке, ведь так оно и есть! А утром — поскольку все в порядке — девица уехала бы восвояси. Она тихо-мирно ждала, пока секундная стрелка оттикает сколько надо.

Но что произошло, когда Ева вернулась в дом? Ничего. Ни-че-го. Майкл с Магнусом были в кухне, моя и вытирая тарелки и бокалы. Астрид спала, лежа на диване и перекинув ноги через колени Амбер Макдоналд. Ш-ш, сказала Амбер вошедшей Еве. Она придерживала ноги ее дочери.

Не правда ли, даже ее «ш-ш» звучало по-шотландски? Ева стояла у раскрытого окна. Она по-прежнему видела только крышу машины, но не видела, спит девушка или нет, и вообще, там ли она.

Почему девушка решила встряхнуть Еву за плечи? Она не знает, честное слово.

Можно еще раз, что там за история о краях,

откуда, по ее словам, происходит Амбер Макдоналд? Ева не запомнила. Есть какая-то легенда, или песня, что-то такое — о битве и некоем шотландском роде.

Что знала Ева о Шотландии? Мать Евы любила сидеть на коврике перед электрокамином в гостиной их дома в Велвин Гарден Сити и слушать большой прямоугольный проигрыватель. Пели всегда мужчины. Из текста выходило, словно они давным-давно погибли — причем романтической смертью, приняв ее от любви или от горя, за то, ради чего не жаль погибнуть.

Какие они были, эти суровые красивые песни? Когда они звучали, глаза ее матери наполнялись слезами.

Сколько лет было Еве? Она еще в школу не ходила. Одна песня называлась «Черный остров». Хотя свет от камина был довольно яркий, по углам комнаты украдкой змеилась темнота. Четырехлетняя Ева видела ее. По воскресеньям мать редко готовила ужин, обычно она делала тосты, и они с Евой ели их в уютной атмосфере, молча, слушая по радио двадцатку лучших хитов. До сих пор, думая о счастье, Ева представляет именно это: вкус тоста с джемом, ранние сумерки, радиоприемник на столе. Играет «Если ты сейчас

уйдешь», хит группы «Чикаго». Он был наверху чартов. Хотя хронологически гораздо позже. Ева была уже подростком. Скоро Ева будет каждый день возвращаться домой к больной матери, не встающей с постели.

Это будет летом или зимой? Бывало, дни стояли длинные, бывало короткие.

И что она делала каждый день в четыре двадцать по приходе домой? Ева бросала свою сумку у столика с телефоном, шла на кухню, опускала в кружку пакетик, заваривала чай и поднималась наверх, прямо в школьной форме. Голова матери казалась такой маленькой на фоне белых волн постели. *Это ты, красотуля?*

Так принято обращаться ко всем в Шотландии?«Это ты,…?» Да, это я. Потом маму увезли в больницу, и там она умерла. Врачи сказали, от болезни сердца. Еве было пятнадцать лет. У ее отца был бизнес в Штатах; у него там была другая семья. После смерти матери он ненадолго приехал к Еве. Они собрали все мамины вещи и раздали по соседям и магазинам секонд-хенд. Спокойно, говорила себе повзрослевшая Ева, укладывая пластинки с шотландской музыкой в картонные коробки, набитые свитерами. Надо же! Пластинка, даже в конверте, была не намного толще, чем

кусочек плавленого сыра в упаковке. На обложке одной из них была изображена вершина горы с шапкой снега. Ничего, это просто снег в горах, уговаривала она себя, всовывая пластинку между стенкой коробки и чужой, аккуратно сложенной одеждой. Просто двухмерная картинка местности, которую я никогда не видела. Тихо, спокойно. Сейчас, почти тридцать лет и зим спустя, Ева, стоя у окна, едва сдерживает слезы, думая о себе тогдашней. Она, пятнадцатилетняя, все в том же школьном пуловерчике, глядит на нее сегодняшнюю исподлобья — холодно, дерзко, в глазах ни слезинки. Плюнь, говорит она. Как будто чье-то детство может служить оправданием. Не вини себя, ты не виновата. Она подняла со стола приемник, взявшись за ручку, и со всей силы швырнула об пол. Задняя стенка отвалилась, детали разлетелись по комнате. Ё-моё, когда ж ты вырастешь, фыркнула Ева-15 на Еву-42.

Когда она в последний раз так фыркала? На похоронах мамы, при словах, что, мол, есть Господь, который якобы, если помолиться, на что-то для кого-то \ разорится. Еще на отца, который пригласил ее на первоклассный обед в лондонский ресторан — в качестве «прощального подарка» перед отлетом в штат Нью — Йорк. И снова на

отца, когда, лакомясь креветочным коктейлем, он предложил ей приезжать погостить на лето в «новой семье». Через месяц ей исполнялось шестнадцать. И она фыркнула. Уже через месяц она сможет делать все по-своему! (Редчайший период в жизни, когда она могла себе это позволить.)

А еще когда? Когда Адам сообщил ей, что хочет развестись с ней и жениться на «Соне, менеджере из фонда», куда он недавно обратился с целью обзавестись «текущим счетом совместного пользования» для них с Евой.

Это розыгрыш? Его правда звали Адам? Ева не захотела отвечать на этот вопрос.

Что однажды сделала Ева, находясь в кабинете Майкла на факультете, где поджидала его с совещания, когда впервые заметила, что, вся площадь стен, даже кусочки между книжными полками покрыты мозаикой из почтовых открыток, их были сотни, без преувеличения — репродукции шедевров живописи, плакатов к фильмам, знаменитых снимков, известных достопримечательностей, пляжей, кошек, свернувшихся клубком на греческом солнце, французские монастыри, пингвины и т. д. в забавных позах, писатели, певцы, кинозвезды, исторические персонажи, — и подумала, что, возможно, все они

— от девиц, которых он тут трахал, — пардон, с которыми занимался любовью? Одна из открыток оторвалась и упала на пол, прямо перед ней. Ева присела, подняла ее и перевернула. Картинка: цветной набросок двух старинных поездов. На обороте: вульгарное послание от девчонки которая писала «фрейдистский» как «фрейдийский», называла себя майкловым «ягуаром» и обожала восклицательные знаки. Спокойно, Ева. Зачеркнуто. P. S. А тебе — отдыха на *отлично!!!*Спокойно, Ева, спокойно. Ева ждала своего мужа Майкла в его кабинете в университете, где тот занимал престижную должность на филологическом факультете.

Потому что кем была Ева? Ева — это дом, сад, образцовая семья и еще, самое главное, талантливая журналистка, чья карьера шла неплохо, хотя немного буксовала, но денег становилось больше, и уверенности — тоже.

А что было зачеркнуто? Неясно, открытка была слишком тонкая, да и довольно старая, судя по дате. ПРОСЬБА БРОСАТЬ В КОРЗИНУ ДЛЯ БУМАГ ТОЛЬКО НЕНУЖНЫЕ БУМАГИ. Она вставила открытку обратно на отведенное ей местечко. Снова посмотрела на стену. Открытки, открытки, открытки. Она внимательно осмотрела другие

стены. Везде открытки… Тут Ева еще раз попробовала — правда, отойдя подальше от спящего Майкла (тихонько-тихонько), — ура, фыркать она не разучилась, у нее получилось точь-в-точь как у Амбер, там, в саду.

Что еще втайне понравилось Еве в поведении этой девицы? Как она сказала про Магнуса: я захожу в ванную, а он вешаться собрался. Она далеко не дура, девица-то, глаз у нее острый, да и язык тоже — так ёмко описать невыносимый период подростковых закидонов.

Говорят, порой совершенно чужой человек помогает членам семьи осознать, что они — семья? Магнус пожелал всем спокойной ночи — совсем как прежде. Астрид поцеловала маму на ночь. Майкл тоже чмокнул Еву, между лопаток. И перед тем, как он сунул голову под подушку, они весьма активно занимались сексом. И тут в размышления Евы прокралась жуткая, невозможная мысль.

Что, если девица сказала правду?

Что, если она действительно не знакома с Майклом? Что, если Ева весь вечер возводила на девушку напраслину — да и на Майкла, так трогательно сопящего под своей набитой гусиным пухом подушкой? О Боже. О Господи. Ева как

вкопанная застыла у окна. О Боже.

Возможный вариант? Вполне. Вернемся к началу: сегодня в начале вечера она вышла из летнего домика в свое обычное время. У самых дверей она услышала необычный шум. Кажется, Астрид смеялась (!). Она разговаривала с какой-то молодой женщиной, или девушкой, которая лежала на траве с закрытыми глазами.

— А теперь что? — спросила Астрид незнакомку.

— Я все равно вижу контуры — но наоборот, сказала девушка. Свет и тьма поменялись местами.

Как на негативе? — спросила Астрид. — Как будто смотришь на негатив снимка?

Ева знала — в это остановившееся мгновенье, когда она тайком наблюдала за ними, она уже знала, что наступит день и Астрид предаст ее. В это самое мгновенье она с ясностью осознала, что Астрид просто растет, как все, и в этом-то крылось неизбежное предательство.

Потом Астрид ее заметила.

— Ой, привет, мам! — сказала она. Приветливо, ничуть не удивившись. Она была рада (!) Еве.

Девушка открыла глаза и посмотрела вверх на подошедшую Еву. Она села и прикрыла глаза рукой как козырьком.

— Здравствуйте, — сказала она.

Просто, с дружелюбной интонацией.

Выходит…

Что, если весь вечер, с того момента, как они поздоровались, возможно, по той причине, что она подумала о предательстве — совершенно из другой оперы, никак не связанном с этой сценой, — что, если, смешав все в кучу, Ева состряпала в голове сюжет, к которому незнакомка не имела отношения? Ева стояла у окна, в темноте. Потерла глаза.

Но если она приехала не к Майклу, кто же она такая, получается?

Бродяжка. Судя по внешности, это близко к истине.

Цыганская натура.

Обаятельная авантюристка, втирающаяся в доверие к незнакомым людям в расчете на дармовой ужин. Да, она обаятельна, с этим не поспоришь.

Отличная история для вечеринки — однажды, когда мы проводили лето в Норфолке, одна девица раскрутила нас на роскошный ужин. *Я* подумала, что она студентка Майкла, а *он* — что она приехала ко мне.

Нет, ответь-ка на вопрос — что же тогда

получается?

Получается, что она говорила правду.

Скажем, просила ли их девушка о чем-нибудь напрямую? Нет. Не просила. Ее пригласили поужинать. И даже остаться на ночь.

Стоит ли в таком случае удивляться, что она встряхнула Еву за плечи? Не стоит! Ева стоит у окна. Она посмотрела вниз, на машину. Какая ночь. И снова посмотрела на машину.

Что Ева собирается делать? Да. Если бы шел дождь, Ева без колебаний спустилась бы вниз и сказала девушке, что не позволит ей спать в машине под дождем и настаивает, чтобы она зашла в дом. Ева сбежала бы вниз по лестнице, держа плащ над головой, постучала бы в окошко и уговорила ее.

Но — (она подняла глаза на невыносимо чистое небо) *пойдет ли сегодня дождь?* Нет. Точно нет. Стоит изумительная летняя ночь. Правда, чересчур душная для того, чтобы спать в нагретой машине. Известны случаи, когда собаки задыхались, сидя в машинах с поднятыми стеклами. От обезвоживания.

Что, если девушка заснула и не удосужилась опустить стекла? С одной стороны, если вы решили заночевать в машине, то лучше задраить

стекла до конца, чтобы никто не влез в машину и не причинил беззащитному спящему человеку вреда, — мало ли что придет в голову какому-нибудь маньяку. С другой — если спать в поднятыми стеклами в такую душную ночь, как сегодня, то можно заработать обезвоживание, если не что похуже.

Ева высунулась из окна и вгляделась в темноту. Нет, отсюда не видно, подняты или опущены стекла в машине девушке — она неудачно припаркована.

В конце концов, может, это был дружеский жест?

Ведь девушка улыбалась уверенно, словно они были старые подруги?

Что решила Ева? Она очень осторожно прошла по комнате и накинула халат. Так же осторожно она открыла дверь спальни.

Где же девушка? В машине ее нет. Ева заглянула во все окна. В машине было пусто.

Она оказалась в саду. Сидела под тем же деревом, под которым они разговаривали вечером. Сидела и курила. Ева сначала почувствовала запах сигареты, а потом уже увидела ее. Сигаретный дымок причудливо извивался над головой девушки с полном безветрии и исчезал в черноте

неба.

— Привет, — сказала она.

И похлопала по траве рядом с собой.

Ева потуже запахнула халат.

— Будешь? — спросила девушка. Она встряхнула пачку и протянула сигарету Еве. Французские, «Голуаз».

Девушка чиркнула спичкой; пока она прикуривала, вспышка осветила лицо девушки — сосредоточенное, серьезное, — и снова их охватила темнота.

— Я сегодня не все вам рассказала, — заговорила девушка.

— Понятно, — сказала Ева.

— Поверьте, мне стыдно, честное слово. Я не рассказала все до конца.

— А-а, — отвечала Ева.

— Просто когда вы спросили, может, я переночую в доме — конечно, странно было бы отказаться, — сказала девушка. — Кто предпочтет машину нормальной кровати? Но… Есть одно «но». После того случая я просто не могу, я поклялась, много лет назад, и не могу, не могу, и всё.

Что же она рассказала Еве? Такую историю — отрывочными фразами, как человек, которому трудно сделать признание:

Когда Амбер Макдоналд было слегка за двадцать, она занимала весьма престижную должность с компании по страхованию инвестиций и участия в прибыли. Она водила «порше». Было это в конце 80-х. Как-то слякотным зимним вечером, за неделю до Рождества, она ехала по узкой улочке маленького городка с плотно припаркованными машинами, по радио звучала «Смус Оперейтор»,[28] дворники монотонно сгребали снег с лобового стекла, и тут девочка лет семи в короткой зимней курточке с меховым капюшоном выскочила из-за какой-то машины прямо перед ней, и Амбер сбила ее. Насмерть.

Вскоре я уволилась, рассказывала Амбер, черт с ней, с зарплатой. Я продала «порше» и оставила почти все деньги, толстенную пачку в виде пирамидки — несколько десятков тысяч, — у дороги, в том месте, где произошло несчастье. Потом купила подержанный «ситроен-истейт». И решила, что с этого момента никогда больше не буду жить в настоящем, нормальном доме. Я не имею права. Как я могу теперь жить, как все люди, после этого?

Они сидели в темноте. Скоро рассвет. Одино-

---

[28] Примечания: 28
Smooth Operator — знаменитый хит Шаде, 1985 г.

кая слезинка выкатилась из глаза девушки и, пробежав по носовой складке, остановилась, как по заказу, ровно у начала скулы, в самом центре лица. Она аккуратно потушила сигарету о траву. Потом подняла голову и посмотрела Еве прямо в глаза.

Ну что? — спросила она. — *Теперь вы мне верите?*

Я родилась в багажнике. В пятницу, во время утреннего выступления. Я сорвала его![29]

А еще я родилась в сверхзвуковой год, в эру многоэтажных многоуровневых многозначностей, эру суперпопулярности мужчин-супертехнарей и женщин-супершпионов, когда в небе царили реактивные самолеты «Харриер», в «Кунард»[30] — «Королева Елизавета-2», а великолепная «Принцесса Маргарет» тридцати восьмимифутового роста возлежала на своей воздушной

---

[29] Примечания: 29

Глава построена на описаниях реальных исторических событий 20-х-70-х гг. (Великая депрессия в США, начало Второй мировой войны, убийство Мартина Лютера Кинга) и аллюзиях на шедевры мирового кинематографа («Звуки музыки», «Моя прекрасная леди», «Вдали от безумной толпы», «Ребенок Розмари», «Кэрри», «Последнее танго в Париже», «Из Африки» и т. д.).

[30] Примечания: 30

Старейшая судоходная компания Великобритании, основанная в 1838 г. Владела знаменитыми лайнерами "Королева Виктория", "Королева Мария — 2", "Королева Елизавета — 2"

подушке, когда annee erotique начинался всего в тридцати секундах комфортного скольжения по водной глади и все развивалось со скоростью, вдвое превышающей световую. Вот я открыла глаза. Вокруг — сплошь разноцветье. Меньше всего напоминающее штат Канзас.

Студенты на баррикадах, в моде макси, «Битлз» затмили Бога и открыли собственную торговую сеть. Британия. Любовь моя. Тогда моя мать была монахиней, которую достала монастырская жизнь. Она вышла замуж за капитана, моего отца; он был строг. Она научила всех нас петь и шила нам одежду из занавесок. Мы бегали по мостикам и прыгали вверх-вниз по лестницам. Мы лазили по деревьям и плюхались в воду из лодки, катаясь по озеру. Получили первый приз на музыкальном конкурсе и чуть не попали в лапы фашистам.

Я выросла и повзрослела в сайгонские денечки, в дни событий в Родезии, кровавая пора. ГЕНЕРАЛА ПАУЭЛЛА К СТЕНКЕ! Приводнился «Аполлон-7». Затопило Танбридж Велз. Толпа хлынула на Лондонский мост, за обладание которым боролись три дюжины американцев. В Мемфисе застрелили самого короля американских негров, из-за чего трансляция церемонии

награждения телеакадемии была отложена на целых два дня. У него «была мечта», он заявлял как самоочевидный тот факт, что «все люди рождены равными» и однажды сядут за стол как братья. Другого брата застрелили в отеле «Амбассадор». «Братья-что-надо» — неоновая надпись на пригостиничной парковке. Тогда отец мой делал спички, а мать умела летать на зонтике. В детстве я выиграла со своей лошадью скачки «Гранд Нэшнл». Никто не догадался, что я девушка, пока мне, упавшей без чувств, не расстегнули жакет. Тогда не было ничего невозможного. Мы летали на волшебном аппарате. Предотвратили ужасную катастрофу, размахивая своими плащиками перед приближающимся поездом. Мой невинно осужденный отец сидел за решеткой; матери удавалось сводить концы с концами. Богатый сноб учил меня правильной речи и таскал с собой на скачки в нарядах от Сесила Битона, но, к сожалению, в результате мой голос дублировали, потому что пела я не очень.

Еще моего отца звали Элфи, а мать — Исадорой. В подростковом возрасте я была форменной психопаткой, однажды я сделала так, что пацан упал с велосипеда и спалила школу дотла. Мать у меня была с приветом; она влюбилась в Господа. Я уже

стояла у алтаря, но мой давний ухажер постучал в окошко церкви, и я сбежала с ним в автобусе. Мать просто взбесилась. Она тоже спала с ним. Я забеременела от дьявола, и секта сатанистов заставила меня оставить плод. Потом я встретилась с парочкой изгоев, и мы вели беседы с солнцем. Я сказала ему, что мне не нравится, как он живет. А потом трахалась с ним на заднем ряду старого кинотеатра. В Париже мы взяли для этого масло. У меня была ферма в Африке. Я раздевалась догола, отвлекая двух полицейских от наблюдения за сумасшедшим на крыше, решившим застрелить священника. Я влюбилась в итальянца. Он так двигался в танце! Я познала, что такое любовь. Это когда нет нужды извиняться. Это когда таксист готов убить хоть кандидата в президенты, хоть сутенера. Любовь, в ней утопаешь как в кресле. За долю секунды. Мои ноги покусала акула. Я ранила ножом своего похитителя — но не я одна, там, в Восточном экспрессе, было много людей.

Еще моего отца звали Теренс, а мать — Джули (Стамп и Кристи). Я родилась и выросла (и выжила!) среди холмов и животных (мы с ними мило болтали). Я считала себя «пристроенной» — ну, словно предмет мебели. Да тогда и поживиться было нечем. Кому до меня было дело? Я

давала представления, прямо там, в сарае; прямо с рождения пела во весь голос, не щадя своих нежных легких. Птичка-невеличка. Девочка-с — пальчик. Все считала бархатцы. Вот, думала, ты остановишься, завороженный их прелестью. Я росла, мало — помалу, подобно международно известному носу Стрейзанд, клона Лайзы. Что хорошего-то в вечном сидении дома? А когда все стало десятичным, я совсем не удивилась.

Я родилась в эпоху электричества — скорости — кино. Внизу все курили. На балконе это запрещалось. Места на балконе стоили дороже.

Кинематограф. Воплощение *эйдосов.* Марафон дагерротипов. Голубой экран. Мерцание. Кадры. Дым, поднимающийся вверх. Размыто-акварельные воспоминания.

Все дело в игре и твоих навыках, всем приходится играть по одним правилам, так-то.

Я родилась свободной, мне было дано время моей жизни, и пока ничто не мешает думать, что это время — вечность.

ПОСРЕДИ

…двусторонней дороги, прямо перед машинами! Она выставляет одну руку перед собой, типа, стойте! Пронзительный визг несущихся на нее машин, визг безумцев. Амбер стоит посередине дороги между полосами, держа руку перед собой, чтобы те остановились.

— Давай! — кричит она, перекрывая шум, быстро маша другой рукой Астрид. Та перебегает дорогу, только бы камеру не уронить.

Теперь, когда они обе стоят на разделительной полосе, Амбер снова делает шаг вперед, как тогда, на полосу противоположного движения, и визг тормозов с дикими гудками снова оглашает окрестности.

Да она ненормальная! Ведь это опасно. Это как в одной истории из Библии, ну, когда море расступилось, только сейчас это поток машин. Словно на Амбер снизошло благословение магнитного силового поля из глубин космоса, из иной галактики. В мультфильме она была бы девушкой-супергероем, которая может одновременно притягивать к себе вещи и отталкивать их.

Лично Астрид считает, что Амбер должна останавливаться, дойдя до края тротуара, и вообще. Это же ненормально — вылезать на дорогу. Но в этом вся Амбер. Таково свойство ее личности. Не то чтобы она слабоумная и не понимает, как опасны машины, — нет, просто она уверена, что имеет не меньше прав, чем они, на дорогу, если не больше.

Они вдвоем стоят на краю дороги, за их спиной с ревом проносятся машины, и люди что-то кричат им, опустив стекла. Амбер абсолютно спокойна. Вот Астрид уже отдышалась, сердце ее перестало колотиться как бешеное, а в голове засела одна мысль: эх, жаль, что она не могла снять, как они переходили дорогу. Иметь такую запись — это же улет!

Еще Астрид жаль, что некому было снять их обеих в этот момент. Ну, как девушка с девочкой вышли прогуляться, и видно, что они — закадычные подружки, может даже, сестры, порой они идут, взявшись за руки, ведь что такое возраст — наплевать на возраст, думает Астрид, какая разница.

Им открылся восхитительный вид, деревенский пейзаж, постепенно переходящий в городские окраины. Амбер показывает на дикие

цветы в траве; крохотные, изящные красные и прелестные голубенькие. Астрид все это снимает. Когда она выключает камеру, то видит Амбер далеко впереди, она явно направляется к каким-то зданиям. Астрид некоторое время снимает ее издали, девушка идет по полю, размахивая руками.

Одно из зданий — супермаркет. У него заостренная крыша с петушком-флюгером на кончике. Когда Астрид нагоняет ее, Амбер сказала ей, что флюгер не имеет отношения к указанию направления ветра. Его установили, просто чтобы придать супермаркету более гостеприимный, «традиционный» вид, чтобы потенциальным покупателям было приятно оттого, что они пришли в некое место «с историей», и они отождествляли его с собственным прошлым, хотя в этом прошлом наверняка уже не было подобных приспособлений. Просто невероятно, насколько железно это действует. Эффект подсознания.

Астрид до сих пор не поняла, куда они направляются. А спросить как-то глупо. Возьми свою камеру, крикнула Амбер ей снизу сегодня утром. Уже третий день они снимают всякие важные вещи на ее камеру. Сейчас, например, Амбер стремительно шагает через поле, не разбирая дороги. Вокруг жужжат всякие мошки, там и сям

вспархивают птахи. А внизу полевые мыши, и кролики, а может, и змеи кидаются врассыпную от их шагов. Вот бы здорово посмотреть, как они уносятся прочь, заслышав шуршание их шагов, ну как бы они с Амбер — два великана с далекой планеты, земля содрогается под их поступью, а мелкая живность и т. п. бросается наутек. Но колоски царапают Астрид икры, сквозь вырезы сандалий больно колются соломинки, а само поле просто необъятное, хотя издали, с обочины дороги, казалось, что перейти его — пара пустяков, и такая жарища стоит, ведь как раз полдень.

Пройдя с добрую половину поля, Амбер останавливается, поджидая Астрид. Она развязывает рукава толстовки на талии, обматывает ею голову Астрид и вновь завязывает рукава, сооружая нечто наподобие тюрбана, чтобы защитить ее от палящего солнца.

— Ну, так лучше? — спрашивает она.

Астрид и правда лучше.

Перейдя поле, они идут вдоль него по дороге мимо автосалона (с камерами видеонаблюдения) и гигантской штаб-квартиры «Бутс»,[31] потом пересекают какую-то промзону (тоже с камера-

---

[31] Примечания: 31

Boots — крупнейшая сеть аптек в Великобритании.

ми видеонаблюдения) и попадают на парковку супермаркета (с несколькими камерами). На парковке довольно оживленно. Они уже у входа, там тень, так что Астрид снимает с головы толстовку и возвращает Амбер, которая снова завязывает ее на талии. Она такая худая. Наверное, у нее размер десятый.[32] У нее узкие ладони, длинные пальцы, кстати сказать, чрезвычайно изящные. Амбер, сказала ей мама Астрид, у вас руки пианистки. Хорошей или так себе, спросила та. Тогда Магнус засмеялся и ржал, и ржал как ненормальный. Конечно хорошей, ответила Ева. Но вы ведь не слышали, как я играю, сказала Амбер.

Астрид глядит на свои маленькие ладошки, которые сжимают камеру.

— Мне снимать? — спрашивает она, показывая своей камерой на первую камеру видеонаблюдения в магазине.

Амбер стоит у входа, прищурившись и изучая планировку супермаркета. Потом отрицательно качает головой. Медленно, как бы глубоко задумавшись.

— Пойди купи чего-нибудь поесть, — говорит она. — Ты голодная?

---

[32] Примечания: 32
Соответствует 44 размеру по российской шкале.

Астрид кивает.

— Бери что угодно, — говорит Амбер. — Но обязательно — какой-нибудь фрукт. А мне возьми сандвич.

Итак, задача Астрид — добыть еду. В овощном отделе она выбрала два яблока сорта «Дискавери». Потому что реклама над лотком гласила: местные, органические. Это ведь лучше, чем наоборот. ПОПРОБУЙ И ПОВЕРЬ! — гласит рекламная табличка. А другая сообщает, как, мол, вам повезло, что в этом супермаркете продаются наисвежайшие фрукты. А если бы нет?

Вы только представьте: все фрукты — несвежие. Подвядшие, с гнильцой — целые ряды страшненьких яблок, апельсинов, нектаринов, персиков. Интересно, табличка гласила бы то же самое или что фрукты гнилые? «Гнилые фрукты со скидкой!» Попробуй и поверь, ха-ха. Астрид мысленно ставит себе на заметку сказать об этом Амбер, и Магнусу — когда вернется домой. Среди сотен сандвичей она берет с полки-холодильника у самого входа сандвич с тунцом и майонезом. Прямо-таки «стена сандвичей» — как Великая Китайская стена! Вот бы Великая стена была сделана из сандвичей! «Тунец для наших сандвичей был выловлен без ущерба для дельфинов», — гла-

сит надпись на упаковке с изображением острова и пальмы.

Несмотря на столпотворение машин на парковке, в магазине не так уж много покупателей. Астрид читает рекламные таблички под потолком в отделе горячих блюд. Один из них гласит то же самое: ПОПРОБУЙ И ПОВЕРЬ! Она берет для себя маленькую порцию жареных ребрышек, продавщица заворачивает их в специальную термоупаковку — она говорит, тепло сохраняется примерно полчаса.

— Спасибо, — благодарит ее Астид.

— Не за что, — отвечает продавщица.

Камера у них над головой тем временем все это снимает: как Астрид просит ребрышки, как продавщица упаковывает их и объясняет Астрид (на пленке — бессловесно), сколько времени упаковка сохраняет тепло. Астрид берет сверток. Она думает, знает ли продавщица про камеры, ну, то есть конечно знает, она ведь здесь работает. А когда она не на работе и просто выходит пройтись по улице и ее снимают другие камеры, мимо которых она проходит — случайно, потому что они попались на ее пути? Ну как они засняли мальчика, которого потом зарезали, — это было пару лет назад; буквально за минуту до смерти он

стремительно прошел под камерами библиотеки Пекам, шедевру современной архитектуры. И как в новостях — с разрешения родителей — показали домашние записи девочки, которая пропала по пути из школы домой, там она играла на саксофоне и что-то гладила.

Суть в том, что видеозапись из магазина, когда продавщица просто выполняет свою работу, или с улицы, когда она гуляет, или как она выводит машину со стоянки, или идет в библиотеку, короче, это все фигня, эти кадры абсолютно бессмысленны, и никто в жизни не будет их пересматривать, если только с ней не случится несчастье — и тогда в них будет заключен огромный смысл, страшный и очень важный.

И вот, если ничего такого не случается и она приходит домой, ужинает или просто сидит с чашкой кофе, — интересно, тогда она понимает, что ее уже никто не снимает? Или ей кажется, что ее все-таки снимают — потому что так устроен мир, потому что привыкла к тому, что везде полно камер? Или она вообще не заморачивается, потому что она — простая тетка, которая работает в супермаркете и не задумывается ни о чем таком?

От этих мыслей Астрид как-то не по себе. Она

опускает взгляд на свой сверток. Она знает, что ребрышки внутри — теплые, хотя на ощупь упаковка кажется совсем холодной.

Астрид бродит по рядам супермаркета и вдруг обнаруживает Амбер: та стоит у полок с товарами для ванной, всякими дезодорантами и т. п. Она по одному снимает с крючков пакетики с одноразовыми бритвами и роняет их на пол, как будто каждый из них «не то». И другой, и следующий… Пакетики один за другим летят на пол. Покончив с очередным крючком, она принимается за соседний рядок пакетиков. Она уже успела сбросить на пол пакетики с нескольких крючков.

Астрид подходит ближе. Ступни Амбер усыпаны запечатанными упаковками бритв, таких, с пластмассовыми ручками. Амбер снимает с крючка следующую, и та летит вниз.

Астрид не в силах вымолвить ни слова.

Зачем, говорит она всем видом.

Амбер быстро оглядывается.

Но Астрид не понимает, что означает этот взгляд.

— Майонез — это нормально? — спрашивает она.

— Зависит от того, долго ли он пробыл на открытом солнце, — говорит Амбер.

Астрид хохочет.

— Да я про ваш сандвич! — говорит она.

Амбер роняет на пол очередной пакетик, снимает с крючка другой, тоже роняет.

— Да, — говорит она. — В смысле, я люблю майонез. Если, конечно, это не майонезный сандвич, ну, только хлеб с майонезом, без ничего.

— Он с тунцом, — говорит Астрид и протягивает ей упаковку.

— Мой любимый, — говорит Амбер.

Астрид ужасно приятно. Приятность, интересно, есть ли такое слово, разливается по ее телу.

Амбер с минуту глядит на пустые крючки и россыпь пакетиков на полу. Потом говорит: так.

И выходит из магического круга бритв.

— Всё, на кассу, — говорит она.

Три охранника в форме и двое мужчин в костюмах стоят с другой стороны кассы, словно ждут именно Астрид с Амбер. И Астрид вдруг понимает: так и есть. Амбер расплачивается с девушкой-кассиршей за яблоки, сандвич и ребрышки. Девушка не удосуживается посмотреть на них с Амбер — она смотрит только на сами покупки, на код упаковки, который надо считать, и нажимает кнопки. Она задает дежурные вопросы про карточки, про оплату бензина, также

не поднимая глаз. Она знает, что на нее смотрят, что-то сейчас будет. Охранники в форме молча ждут, пока они расплатятся, словно разъяренные ковбои из плохого вестерна. Один явно еле сдерживается. У второго, наоборот, вид насмешливый. Он неотрывно смотрит на Амбер, а когда они с Астрид проходят мимо него, кивает ей. Они ничего не говорят и не предпринимают.

Амбер и Астрид выходят из супермаркета.

— Фу, ребрышки, — говорит Амбер, заглядывая в сверток Астрид. Как будто ей противно.

— Вы что, не любите ребрышки? — спросила Астрид.

— Да мне по фигу, — отвечает Амбер.

— Мне, вообще-то, тоже по фигу, — говорит Астрид. — Мне просто нравится поджаристая корочка.

— Там канцероген, — замечает Амбер.

— Ага, — говорит Астрид.

Она знает, что канцероген что-то такое значит, но не помнит, что точно.

— Если есть пережареное — будет рак, — говорит Амбер.

Как будто прочитала ее сомнения.

— Я знаю, — говорит Астрид.

Тут она спохватывается, ведь, если Амбер умеет

читать ее мысли, она знает, что Астрид не была уверена в значении слова. Она бросает на нее косой взгляд, но та показывает куда-то вдаль: славное местечко, пошли!

Жуткий пятачок у мусорных баков.

Они садятся на траву у края парковки в дивном аромате прокисшего вина и пива из бака для стеклотары.

Наш проект по переработке отходов, написано на табличке рядом с баками. *Эффективно. Экологично.*

Один охранник стоит у входа в магазин. Он по — прежнему не спускает с них глаз и неотрывно наблюдает, пока они сидят там и перекусывают. Говорит с кем — то по телефону.

Астрид и Амбер тоже на него смотрят.

— Думаю, они видели, как вы бросали на пол бритвы, — сказала Астрид.

— Конечно видели, — отвечала Амбер. — Как пить дать.

И она стала рассказывать, что в этом супермаркете сейчас проверяют новую систему контроля. Например, когда кто-то снимает в крючка пакетик с бритвами, компьютерный чип, находящийся внутри, передает камере сигнал сделать снимок этого человека, чтобы кассир мог срав-

нить снимок с покупателем на кассе и понять, кто заплатил, а кто не заплатил за взятый товар, т. е. украден он или нет.

Астрид не понимает, что тут такого. Она считает, что в принципе в супермаркете придумали правильную вещь. Ведь тогда воровать станут меньше.

Но Амбер, кажется, раздражается.

Астрид хочется спросить Амбер про кассиршу, про то, каково ей вечно находиться под камерой. Но она понимает, что если заикнется о «кассирше из супермаркета» — хотя неважно, что кассирша именно из супермаркета, — то Амбер разозлится еще больше. Поэтому она решает вообще ничего не говорить. Она берет ребрышко и впивается в него зубами, стараясь, чтобы соус не брызнул на лицо и не потек по рукам.

Амбер доела сандвич и встала. Астрид тоже спешит подняться, стараясь не прикасаться руками к одежде. Амбер отряхивается и потягивается. Машет охраннику, и тот поднимает руку, чтобы помахать в ответ, но неуверенно, как будто нехотя. Потом Амбер берет камеру, потому что у Астрид все руки в соусе, и они возвращаются обратно тем же путем, через иссушенное солнцем поле (Астрид по дороге съедает яблоко и

выбрасывает огрызок, он же разлагается), потом переходят ту же дорогу по пешеходному мостику, который ведет прямо на железнодорожную станцию, — очевидно, что это самый короткий путь к супермаркету и нечего им было бросаться под машины, как полоумным.

Дойдя до середины мостика, Амбер останавливается прямо над ревущим шоссе. Опираясь на перила, они еще раз любуются видом. Красота. Истинный, типичнейший английский пейзаж. Они смотрят на поток машин, что несется под ними туда-сюда, словно двусторонняя река. Солнце, отражаемое лобовыми стеклами и полированными боками машин, так и бликует в глазах Астрид. Лучше смотреть на машины у самого горизонта, которые постепенно пропадают в чуть колеблющейся стене жара. Их цвета словно перетекают в воздух, словно машины сделаны из чего-то жидкого.

Прекрасный летний день, наверное, точь-в-точь как давным-давно, когда все лето стояла чудная погода, а Астрид еще не было на свете.

И тут Амбер роняет камеру вниз.

Астрид видит ее полет в воздухе. Слышит собственный сдавленный крик, слышит словно издали, а потом звон разбивающегося об асфальт

пластика. Какая маленькая вещица. Вот ее ударяет сбоку колесо грузовика, и она летит к машине позади него, ближе к центру дороги, и разлетается под колесами на тысячи кусочков, которые брызжут во все стороны. Приближаются другие машины, и давят и давят эти кусочки, пасуя друг другу через дорогу.

— Пошли, — говорит Астрид.

И она идет дальше, к ступенькам, и начинает спускаться к станции. Вот из виду пропала ее спина, потом плечи, голова.

Поверить не могу.

Она — точно ненормальная.

Всю дорогу домой Астрид думает: она ненормальная. Всю дорогу от станции домой, а путь неблизкий, Астрид не разговаривает с Амбер. Она даже не смотрит в ее сторону. А когда бросает искоса взгляд из-под челки, у Амбер вид совершенно умиротворенный, словно не случилось ничего непоправимого, словно она не сделала ничего ужасного.

Ведь это был подарок от мамы и Майкла на ее прошлый день рождения.

Ей страшно влетит.

Камера стоила кучу денег.

Они все время говорили о том, как дорого она

стоит. Словно гордились этим.

«Сони», цифровая.

Там были сегодняшние кадры; например, цветы в поле.

И как Амбер идет по полю, с бело-золотым нимбом над головой.

И как они ездили позавчера в Норвич, и кадры того, что произошло у «Дворца карри».

И зачем теперь она, Астрид, нужна Амбер, раз она не может снимать важные вещи?

Кассеты с восходами остались на прикроватном столике. Но она перестала снимать с тех пор, как у них появилась Амбер. А если она проснется завтра утром и ей снова захочется снимать?

Надо будет заставить Амбер заплатить за камеру.

Как это ни досадно, на мостике не установлено видеокамер.

У нее нет свидетелей.

Астрид ничего не докажет.

Всю дорогу домой она не смотрит на Амбер и не разговаривает с ней. Амбер не замечает. Идет, насвистывая, руки в карманах. Астрид плетется следом за ней по другой стороне дороги, уперев взгляд в землю под сандалиями. Но Амбер не замечает, или замечает, но ей наплевать.

Когда они приходят домой, Астрид поднимается к себе, запирается изнутри и вдруг ловит собственное отражение в зеркале, у нее совершенно белое лицо, Астрид даже останавливается, чтобы снова взглянуть в зеркало. Ей становится ужасно смешно, ее лицо в зеркале такое маленькое, бледное, злющее! Ей ужасно смешно, что вот это и есть она.

Она вглядывается в себя.

Та часть ее личности, которой смешно, словно стоит в стороне и наблюдает. Эта личность абсолютно спокойна, словно самостоятельная, иная она.

Астрид сидит, отвернувшись от зеркала, изо всех сил стараясь не дать остынуть гневу.

Два дня спустя Амбер спросила у Астрид, может ли она дать ей свой блокнот и фломастер.

Астрид кивнула. И буркнула нечто утвердительное. Она все еще «не разговаривает» с Амбер.

Амбер лежит в тени на траве, что-то рисуя фломастером Астрид в ее же блокноте.

Немного погодя Астрид подходит и садится в сторонке. Потом подвигается ближе.

Амбер отлично рисует, и очень быстро. Сейчас она нарисовала маленькую девочку. Девочка

сидит за школьной партой, на противоположной стене старая школьная доска, у которой стоит старомодного вида училка. Девочка тоже рисует на листе, прикрепленном к мольберту. Сверху на листе надпись: *Мамочка,* такими детскими буквами, а сама картинка — точь-в-точь, как дети рисуют свою маму: палка-палка-огуречик, смешные ножки-прутики, разные глаза, рот запятой.

Амбер показывает рисунок Астрид.

Потом она вырывает листок, переворачивает его и прикрывает локтем, как делают дети, когда не хотят, чтобы у них списывали, и делает новый рисунок.

Заканчивает — и протягивает Астрид.

Это сценка у ворот школы (на них даже есть вывеска: ШКОЛА); три мамы поджидают своих чад. Две из них женщины как женщины. А третья — точная копия «мамочки» с картинки девочки на первом рисунке. Она стоит рядом с «настоящими» мамашами, вся сикось-накось, волосы ежиком, глаза разные, рот дурацкой закорюкой, руки-палочки торчат в стороны, т. е. когда мамаша *на самом деле* выглядит как нарисованная в жизни — это чистый прикол.

Ничего смешнее Астрид в жизни не видела. Она смеется и не может остановиться. Ей смешно от

самой мысли, что мама-каляка может выглядеть так же и «в жизни»! Это так смешно и так глупо, что Астрид смеется, пока у нее не начинают течь слезы. Слезы текут у нее по лицу по обеим щекам, холодными ручейками пробегают за ушами и падают в траву. Амбер тоже смеется, лежа на спине, от всей души. Они обе катаются по траве хохоча без остановки.

— Прекрасная иллюстрация сравнения, — изрекает Майкл, взглянув из-за ее плеча на рисунок (когда Астрид показывает его Магнусу).

— Очень смешно, — говорит Магнус. Он лежит на диване, уставясь в потолок. (Он почти пришел в норму, снова начал разговаривать, даже ванну принимает, все такое. Правда, вокруг глаз у него до сих пор черные круги, словно кто-то нарисовал их фломастером.)

— Это Амбер нарисовала? — спросила мама. — Замечательно. У нее явный талант.

О да. Астрид тоже так думает. Прошло уже много времени, а бывает, что она вдруг рассмеется ни с того ни с сего, неважно, где и чем занимается.

Часто она вспоминает про это ночью и ничего не может поделать — снова хохочет как заведенная, юмор, заключенный в рисунке, проникает в тебя настолько глубоко, до самых печенок,

что кажется, твои внутренности плавятся или что в тебя вселился «чужой», которому ничего не нужно — только хохотать у тебя внутри, и через много-много дней, когда сами рисунки уже потерялись, или их куда-то сунули, или выбросила Катрина-Чистюля, Астрид продолжает безудержно смеяться при одном воспоминании, боже, до чего смешно, до чего прикольная идея: стоит такая дебильная мамаша вместе другими у школьных ворот, словно сойдя с дурацкой детской каляки прямо в реальный мир, ну как будто изображение, созданное ребенком, и есть самое точное и правдоподобное.

— Астрид, — обращается к ней мама как-то душно — жарким вечером, когда Майкл приготовил на ужин нечто «изумительное» и в результате в салате оказались мелко нарезанные несъедобные цветы. — Ты должна снять на видео всю компанию. Такой прекрасный вечер после прекрасного дня, у нас такой прекрасный ужин, это надо запечатлеть. Сходи за своей камерой.

Астрид не реагирует.

— Астрид, — говорит мама. — Иди же!

Астрид смотрит в тарелку.

— Иди же, — говорит мама. — Принеси камеру.

— Нет, — говорит Астрид.

— Как — нет? — говорит мама.

— Я не могу, — говорит Астрид.

— Что значит — не могу?

— Я ее потеряла.

— Что?!

Астрид повторяет:

— Я ее потеряла.

— Где же, Астрид, ты потеряла камеру? — спрашивает Майкл.

— Если бы я это знала, то уже нашла бы, так?

Амбер смеется.

— Астрид, кончай дурить, — говорит мама.

Астрид морщится, глядя на цветочную кучку у края тарелки.

— Но как это произошло, скажи на милость? — спрашивает Майкл.

— Астрид, она стоила две тысячи фунтов, ты же знаешь, — говорит мама, но скорее вкрадчиво, а не грозно — ведь за столом Амбер и им хочется выглядеть перед ней идеальными родителями, даже Еве.

— Когда это случилось? — продолжает Майкл. — Ты заявила в полицию?

— Астрид, господи, — говорит мама. — Это же *твоя камера!*

— Вообще-то, — вступает Амбер, она тянется

к корзинке с хлебом, — ругать надо меня. Меня раздражало, что она вечно таскает ее с собой, вот я и бросила ее с мостика над дорогой.

Все поворачивают головы к Амбер. Пауза длится, растягивается и тянется, пока Астрид не решается:

— Нет, неправда. Она сама упала.

— О, — сказала мама.

— А, — сказал Майкл.

— Она лежала на перилах, и вдруг — раз и упала, — сказала Астрид.

— О, — повторяет мама. Снова пауза, только Амбер позвякивает ножом и вилкой по тарелке.

— Это случилось на пешеходном мостике, — говорит она. — Там, над шоссе A14.

— Вы могли кого-то убить, знаете ли, — произносит Майкл. — Она могла попасть в лобовое стекло, например.

— Ага, — говорит Амбер.

— Но этого не случилось, правда? — быстро спрашивает мама.

— Нет, — отвечает Астрид.

— Все живы, — говорит Амбер, разламывая хлеб пополам. — Короче говоря, это все я, она тут ни при чем, не надо ее наказывать. Если собираетесь кого-то вздрючить — то давайте меня.

Мама Астрид промокает рот салфеткой, потом смотрит на Майкла, потом на свои часы — и устремляет взгляд в окно.

— Надо посмотреть гарантийный талон, — говорит Майкл, глядя на Еву, потом на Астрид, на Амбер — и уже никуда, в пространство за головой Амбер. Тянется за бутылкой, подливает себе вина. — Все обойдется, — говорит он, кивая.

Мама снова начинает есть, как будто ничего не произошло. Вот это да! Майкл тоже ест. Магнус опустил глаза в тарелку и молча жует. Астрид смотрит на него сбоку — он красный как рак. Но никто больше не поднимает тему разбитой камеры. Никто не говорит об этом до конца вечера и на следующий день, а на третий день Астрид уже совершенно уверена, что все забыли о происшествии.

Id est — полная форма для i. e., то есть i. e. — сокращение для id est. Это другой способ сказать «то есть», латинское выражение, вот что означает id est.

Астрид рассказывает Амбер про мобильник в школьной мусорке, за который по-прежнему платят абонентскую плату, и никто ничего не знает. Рассказывает ей про Лорну Роуз, Зельду Хауи и Ребекку Каллоу. Про то, что раньше они

с Ребеккой дружили. Рассказывает, как нашла письма своего отца, Адама Беренски, к маме — нашла в столе матери, в самом низу под свидетельствами о рождении, страховкой на машину, документами на владение домом и т. п., она умыкнула всю пачку, и мама даже не заметила, и с тех пор она хранит их дома, в носке, спрятанном с другом носке в портпледе у себя под кроватью. Она пересказывает Амбер прекрасные строки из его писем id est (то есть) наизусть: *ты для меня — Начало Начал, ты научила меня истинной верности. Будь у меня в глазах по видеокамере, я бы снимал каждый восход, каждое утро, пока я жив, а в конце подарил бы тебе готовый смонтированный фильм. И тогда бы ты узнала, какое счастье — знать тебя, просыпаться с тобой рядом. Ты — бесконечное прекрасное лето, лето, что длится полгода, с мая по сентябрь, день за днем, день за днем — сплошь ласковое солнышко и теплый ветерок. А я — стая птиц в вышине, что скользят по твоему небу. Ты даешь мне крылья. Глядя на тебя, я осознаю, что я — единственный человек на Земле, способный подобраться столь близко к солнцу. Только не расплавь мой воск!* (ну, как Икару, сыну Дедала из греческого мифа).

Она описывает Амбер фотографию, где он си-

дит за рулем синей машины, дверца распахнута. Одну ногу он выставил наружу. На нем джинсы. Он темноволос и худощав. На нем рубашка в сине-белую клеточку — можно разглядеть сквозь лобовое стекло. Позади машины кусты, за ними — новые современные дома. На дороге — лист, упавший с дерева перед тем, как была сделана фотография.

Руки у него сложены на груди — ладоней не видно. Глаза то ли смеются, то ли просто прищурены.

И он клал в чай сахар.

Эти слова срываются с губ Астрид, словно нагретые камешки — как в том салоне, где маме делают массаж, от них на коже еще долго остаются красные следы.

Амбер отрывает длинный стебелек травы у самого корня, берет его в рот и снова ложится на спину. И долго-долго смотрит на Астрид, прищурив глаза от яркого солнца. И ничего не говорит.

Верхушки деревьев колышутся над ними, и через миг они сами ощущают порыв ветра, который за миг до того потревожил листву.

Амбер не будет весь день.

Сначала Астрид слоняется по дому. Потом бродит по саду. Потом идет в деревню. По пути

она вспоминает, как они с Амбер снимали в Норвиче.

— Встань здесь, — сказала Амбер, указав на первую же видеокамеру на вокзале Норвича, под прицелом которой они оказались, сойдя с поезда. И просто снимай ее ровно минуту. Да, просто тупо снимай целую минуту.

Астрид сидит на скамейке напротив деревенской церкви. Наблюдает за дорогой. Она ровно минуту смотрит на свои часы, на каждое дерганье секундной стрелки. За эту минуту — по ощущению, ужасно долгую — ни-че-го не происходит.

— Целую минуту? — спросила Астрид. — Да кто будет смотреть такую запись дольше пяти секунд, подумаешь, дурацкая бесполезная на стене камера с крошечным радиусом?

Амбер закатывает глаза и потом смотрит на Астрид с таким выражением, будто Астрид — непроходимая тупица, и тогда она быстренько включает камеру, настраивает автофокус и направляет на ту, другую камеру Та изворачивается и «глядит» на нее. Камеры типа снимают друг друга.

На солнце стало слишком жарко. Оно как гигантский красный глаз. Астрид встает. Подходит к военному мемориалу, рассматривает дохлые

искусственные цветы на двух венках. Она дотрагивается до каменного постамента, он так раскалился на солнце, что долго пальцы не выдерживают. С тех пор, как его воздвигли, солнце нагревает мемориал каждое лето.

Она дергает ручку церковной двери. Заперто. На двери записка: ключ спросить у того-то по адресу: такая-то улица от второго перекрестка (карта прилагается).

Церкви теперь запирают. Мера против вандализма.

А что, если вы — вандал? Вы тоже можете пойти и попросить ключ.

Но тогда все поймут, что вы и есть вандал.

А вы можете сказать, что где-то потеряли ключ, а преступник, по-видимому, подобрал его и совершил акт вандализма.

Или — вдруг сам хранитель ключа и есть вандал, и время от времени устраивает погром, а потом подстраивает так, будто кто-то приходил за ключом и расписал стены краской из баллончика, переломал скамьи и т. п.?

Вообще-то, не совсем правда, что за целую минуту, что она отсчитала, ничего не произошло. Вокруг летали птицы, разные насекомые. Вороны или как их там каркали в раскаленном небе. Как

сейчас. По ту сторону ограды тянется высокое белое растение, борщевик называется, что ли. За шестьдесят секунд оно наверняка выросло еще капельку, незаметно для человеческого глаза, так бывает. В тени как заведенные копошатся пчелы, снуя туда-сюда из цветов, спеша к своим ульям, трутни там еще целы-невредимы, с ногами, ведь еще лето, все замечательно существует в своем собственном мире и в ритме этого мира, вне зависимости от того, что некто вроде Астрид о нем не подозревает или пока просто не знает. У церковной двери — камень в форме сердца с надписью: «- 1681». Под ним на самом деле лежит человек, скончавшийся в 1681 году, т. е. когда-то давно он жил и дышал, как вот она, а теперь он или она, неважно (на камне нет имени, только год, ни даты, ни месяца), т. е. то, что от него осталось, покоится здесь уже более трех столетий, а когда-то жил или жила себе спокойно в этой самой деревне. И солнце нагревало камень каждое божье лето на протяжении всего этого времени, как в ту бесконечную летнюю пору, так и в нынешнюю эпоху экологических катастроф. Прежде Астрид как-то не замечала, что почти все предметы имеют зеленый оттенок. Даже камень зеленоват. Древесина, из которой сделана дверь,

коричневая с таким зеленоватым налетом, это из-за долгого пребывания под открытым небом. Какой насыщенный цвет. Будь у нее камера, она бы просто снимала сам цвет целую минуту, чтобы позже можно было как следует рассмотреть, каков он на самом деле.

Она садится на корточки в тени у церковной двери и вглядывается в самую глубь зеленого. Возможно, если она будет глядеть очень внимательно, она что-то поймет о природе зеленого, что ли.

Но надо ли думать о людях, погибших в войнах прошлого века, или о том, кто лежит под этим камнем — сердцем, как, скажем, о том мальчике, который за минуту до смерти пробежал мимо библиотеки, или о девочке, которую нашли мертвой в лесу? Или о людях на планете, вот сейчас, в эту минуту умирающих от голода, потому что им нечего есть? Или о животных, погибающих в далеких странах от нехватки пищи и воды? Или о тех, кто участвует в этой войне, которой как бы не должно было быть, впрочем, в ней погибло не так много народу, меньше, чем в настоящей войне.

«— 2003».

Астрид пытается вообразить кого-то, ну например девочку своего возраста, умирающую

где-нибудь в далекой пыльной стране из новостей типа от бомбежки. Она представляет Ребекку Каллоу на койке в больнице, где и не слыхали о более-менее современном оборудовании. Вообще-то, трудновато представить. Вот в школе тоже учителя только и говорят, что об экологии, о всяких видах, которые вымирают и т. п. И это происходит повсюду, постоянно, это очень серьезно, истощенные животные и дети в госпиталях по телевизору, люди, зашедшиеся в крике, потому что рядом — террорист-смертник, или американский солдат, убитый в какой-то дыре, но довольно трудно заставить себя по — настоящему переживать за всех этих людей, трудно врубиться, что это важнее, чем оттенки зеленого цвета. То есть, про «Дворец карри» было, конечно, легко, потому вот он стоит, тут же, прямо напротив. Но когда они с Амбер подошли поговорить с индийцем из ресторана, он помотал головой и сказал, что это местные духи слегка повеселились, что это никакой не вандализм и не расизм, и он явно не хотел, чтобы они там снимали, и сказал, уходите, уходите. Пока они разговаривали, он не сводя глаз смотрел через их головы на кучку подростков, что стояли у забегаловки на той стороне и наблюдали за ними. Амбер оглянулась на них

и заметила: похоже это и есть местные духи, а? Индиец молча скрылся в своем «дворце». А из забегаловки вышел мужчина и, встав позади мальчишек, стал смотреть на них с Амбер.

— Может, снять стоянку? — спросила Астрид.

— Нет. Снимай их, — сказала Амбер, глядя на компашку у забегаловки; те стояли скрестив руки на груди.

Когда Астрид начала снимать, один мальчишка двинулся через улицу, наверное, чтобы помешать ей, и Амбер встала вплотную сзади, положив руки ей на плечи, но тут его окликнул мужчина, все они зашли в помещение и закрыли дверь.

«— 1681». Астрид дотрагивается до раскаленного сердца с черточкой и выдолбленным номером.

— У нас больше нет той записи, ведь камера разбилась, — сказала она Амбер как-то вечером, шепотом, чтобы никто не подслушал и не вспомнил опять про камеру.

— Какой записи? — спросила Амбер.

— Ну тех, с «местными духами», — снова прошептала Астрид.

Амбер пожала плечами.

— Тебе что, хочется снова на них посмотреть? Мне лично нет. Так, мелкая шпана.

— Но разве это не доказательство? — спросила Астрид.

— Какое доказательство? — спросила Амбер.

— Что мы там были.

— Но мы знаем, что мы там были, — сказала Амбер.

— И что мы их видели, — сказала Астрид.

— Но они знают, что мы их видели. И мы знаем, что видели их.

— Ну, самого факта, что мы их видели, — сказала Астрид.

— Да для кого? — спросила Астрид и дважды постучала ей по лбу. — Тук-тук. Кто там?

Амбер — мастерица задавать вопросы и отвечать на них. Тогда в Норвиче, когда Астрид закончила снимать камеру видеонаблюдения, отследив ровно шестьдесят секунд на таймере своей камеры, она посмотрела в видеоискатель и увидела позади Амбер мужчину в рубашке с короткими рукавами и галстуке, он вышел из какой-то будки дальше по платформе и наблюдал за ними.

Он так же наблюдал, как они снимали вторую видеокамеру с другой стороны вокзала, у магази-

на WH SMITH.[33] Когда Астрид начала снимать третью, у входа в здание вокзала, он уже стоял рядом.

— Я вынужден попросить вас немедленно прекратить, — обратился он к Астрид.

— Что именно? — спросила Амбер.

— Съемку, — сказал он.

— Почему? — спросила Амбер.

— Обычным гражданам запрещено снимать процесс функционирования нашей системы безопасности, — сказал он.

— Почему? — спросила Амбер.

— По соображениям общественного порядка и безопасности, — отвечал он.

— Нет, почему вы обращаетесь ко мне? — спросила Амбер.

— Потому что прошу вас прекратить съемку, — сказал мужчина.

— Да не «почему», а почему «ко мне», — объяснила Амбер. — Я же ничего не снимаю.

Мужчина скрестил и снова опустил руки. Затем уперся кулаками в бедра, типа скоро его терпение лопнет.

— *Пожалуйста*, скажите вашей малютке, пусть

---

[33] Примечания: 33

Международная сеть магазинов, торгующая широким ассортиментом печатной продукции.

прекратит съемку, — произнес он.

Он все смотрел наверх, в видеокамеру, ведь он знал, что все это снимается.

— Она вам не малютка, — ответила Амбер. — И она не моя.

— Это мне для школьного проекта, — заявила Астрид.

Мужчина смотрит на Астрид в полнейшем изумлении, словно поверить не может, что какая-то двенадцатилетняя пигалица умеет разговаривать, не говоря уж о том, чтобы высказываться вслух.

— Мы собираем информацию о системах видеонаблюдения на вокзалах, — говорит Астрид.

Амбер улыбается.

— Боюсь, вам придется получить письменное разрешение от начальства каждой станции на подобного рода съемки, я полагаю, — говорит мужчина Амбер, словно не замечая Астрид.

— Вы боитесь или просто полагаете? — спрашивает Амбер.

— Что? — говорит мужчина.

— Вы боитесь или полагаете?

Бедняга снова бросает взгляд на камеру и вытирает сзади шею рукой.

— И почему вы как будто неспособны разгова-

ривать с ней самой, а вынуждены общаться через меня, как будто я вам секретарша или какой-то сурдопереводчик, словно она глухонемая или дурочка? — сказала Амбер. — Она умеет говорить. И хорошо слышит.

— А? — сказал мужчина. — Послушайте.

— Да мы слушаем!

— Ну, рожайте.

— Здесь нельзя снимать, — говорит он. — Вот и всё.

Он скрестил руки на груди и уставился на Амбер.

Она отвечала ему прямым взглядом. Она шагнула вперед. Он отступил на два шага назад. Амбер рассмеялась.

Она взяла Астрид под руку, и они спокойно прошли через здание вокзала в городок, что зовется Норвич.

— Заметили, как у него вспотело под мышками? — спросила Астрид, когда они вышли на солнце на привокзальную площадь.

— Ну да. Неудивительно. Сегодня ужасно жарко, — сказала Амбер, высвобождая руку, и двинулась немного впереди в сторону моста.

Астрид идет из деревни домой по изнуряющей жаре. Она старается на ходу синхронно разма-

хивать руками, взад-вперед. Так ходит Амбер — уверенно размахивая руками, словно точно зная, куда направляется, и, хотя это очень далеко и ты, возможно, не не знаешь точно, где именно вы очутитесь, все равно, сто пудов, оно того стоит, и ты будешь в отпаде, когда наконец доберешься туда.

Какой длинный день. А вот и Амбер вернулась оттуда, куда она ездила, неважно куда.

— Кстати, — говорит она Астрид, когда та убирает со стола после ужина. — Там, куда я ездила, я кое-что тебе покажу.

— А что? — спросила Астрид.

— Увидишь, — отвечает Амбер.

Астрид в постели в своей отстойной комнате, а на дворе — самая удушающая ночь всех времен. В новостях сказали, что сегодня — самый жаркий день с тех пор, как начали вести наблюдения за погодными изменениями. В комнате стоит затхлый, мертвый запах. Вскоре она засыпает.

Ей снится Амбер, которая приезжает в поезде на Ливерпульский вокзал, пригородный пейзаж за окном несется со скоростью света, вот поезд останавливается на вокзале, и Амбер выходит из него, проходит небольшой турникет, вестибюль вокзала, по лестнице, по эскалатору — и

в метро, она едет, потом снова поднимается на поверхность и остальную часть пути проходит пешком, мимо кондитерской, магазинов, через парк и прямо по улице, потом по Дэвис-роуд до перекрестка, и, перейдя его, оказывается у дома матери Лорны Роуз. Но дома ли Лорна? А что, если она сейчас у своего отца? Амбер стучит, но никто не отвечает. Ну и хрен. Она идет к дому Зельды Хауи, звонит в звонок, кто-то подходит к двери, это сама Зельда, и Амбер с ходу отвешивает ей смачную пощечину. И говорит: ку-ку.

Потом Амбер, может быть, направится к Ребекке Каллоу и постучит, ей отвечает какая-то женщина, наверное их прислуга, тогда Амбер говорит, что она учительница Ребекки и пришла по деликатному делу, и прислуга впускает ее и проводит через дом в большой сад, и там в белом кресле-качалке кайфует сама Ребекка, а какая-то другая девочка на газоне делает стойку на голове и не видит Амбер, и Амбер начинает с того, что берет ее за ноги, как будто хочет поддержать, и девочка спрашивает: эй, вы кто? Амбер говорит: ты Лорна? Девочка говорит: да, я Лорна, тогда Амбер говорит: в таком случае знай, что я твой самый жуткий кошмар, дорогуша, добро пожаловать в ад — и она скрещивает ее ноги,

и Лорна падает. Потом она подходит к Ребекке, которая сидит открыв рот от изумления, берется за спинку кресла и с силой толкает к себе, так что та мешком сваливается в траву. Потом (Ребекка уже опрометью мчится в дом) Амбер выхватывает у Лорны из руки мобильник — та сидит на граве с ошарашенным видом и набирает номер — и говорит ей: а теперь смотри и запоминай — Амбер кладет телефон на дорожку, с силой бьет по нему пяткой, и тот разлетается на тысячу кусочков. Потому что в следующий раз, говорит Амбер Лорне Роуз, то же самое произойдет с твоей рукой. Затем она идет в дом, и там Ребекка Каллоу рыдает в телефон на кухне, напуганная до чертиков, прислуга лопочет по другому телефону, тогда Амбер хватает Ребекку за длинные волосы и дергает, больно-пребольно, и говорит, ну что, нравится тебе такое обращение? Прислуга все кричит в телефон со своим хорватским или каким там акцентом, Амбер проходит мимо нее, но на расстоянии, и выходит через парадный вход, громко хлопнув дверью.

Потом она идет к справочному бюро, где люди, которым надо кого-то найти, могут узнать нужный адрес. Она говорит женщине за конторкой: мне необходимо узнать адрес… — и пишет имя в

стандартной анкете.

Женщина кивает.

— Ответ поступит быстро, — говорит она, — потому что имя крайне редкое. Позвольте спросить, вы его родственница?

— Нет, — отвечает Амбер. — Но я действую от имени ближайшего родственника, который хочет узнать его местонахождение, чтобы обратиться напрямую.

Затем Амбер протягивает женщине через окошко аккуратную пачку денег, двести фунтов, прямо как в кино или театре: семейное дело, понимаете, — объясняет она.

Женщина оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что их никто не видел.

— Не волнуйтесь, мадам. Я мигом, — говорит она.

И женщина удаляется в глубь конторы, где находятся компьютеры с базой данных на всех-всех-всех, ну, где кто сейчас проживает и чем занимается.

Астрид снится лошадь в поле. Оно сплошь покрыто жухлой пожелтевшей травой, а у лошади ребра можно пересчитать. В небе — клубы черного дыма. Мимо нее пролетает птица какого-то вымирающего вида. Кажется, одна из шести-

десяти существующих на планете особей. И по всему полю, и прямо у ног Астрид, на траве лежат люди. У кого перебинтованы руки, у кого голова; некоторые лежат под капельницей. Какой-то ребенок протягивает ей руку и говорит что-то, но она не понимает. Она смотрит вниз, на свою руку. Камеры в ней нет.

Она снова погружается в дрему, измученная одуряющей жарой, как вдруг слышит, как в коридоре открылась и снова закрылась дверь, потом открылась дверь ее комнаты и кто-то зашел, прикрыв за собой дверь.

Астрид притворяется, что спит. А кто-то стоит там, в темноте, так беззвучно, что Астрид засомневалась, не почудилось ли ей, но нет — тишина в комнате явно изменилась, стала *наполненной.*

Астрид узнала запах, запах чистоты, так пахнет новая кожа, с апельсиновой ноткой, запах чистой женской кожи и талька, и, может быть, дерева, да, карандашной стружки, вот как она пахнет — как свежеочиненный карандаш.

Она долго-долго стоит у кровати Астрид, т. е. прежде чем решается. Кровать немного качнулась, когда она забирается под одеяло. Астрид лежит с закрытыми глазами. Тогда она придвигается ближе и прижимается сзади. Ее теплое

дыхание овевает волосы на затылке Астрид, словно проникая внутрь. Она обнимает Астрид одной рукой за талию, другой — спереди за плечи, теперь ее дыхание согревает Астрид шею, где кончаются волосы.

Астрид кажется, что ее кости под этим согревающим дыханием — словно тонкий, чистейший хворост для костра. Ей кажется, что сердце вот-вот выпрыгнет у нее из груди, т. е. от счастья

…ужина она произносит во всеуслышание: если собираетесь кого-то вздрючить — то давайте меня.

И потом подмигивает ему, да, прямо ему, на глазах у его матери и Майкла — а им-то и невдомек! Если хочешь, мол! Давай вздрючь меня! И подмигивает прямо ему. Магнус тут же чувствует, как у него в джинсах наливается, твердеет, как сердце жжет раскаленным камнем сквозь рубашку, а все лицо горит огнем и щеки заливает обжигающий румянец.

— Магнус, — вдруг говорит мать. — А ты сегодня переборщил с солнцем.

— Угу, — говорит он. Слышит себя словно со стороны. Гундит как неразумное дитя. — Ага, переборщил.

— О! — произносит Майкл, словно Магнус

выдал нечто гениальное. А мама говорит, что к завтрашнему дню у него появится красивый загар. Астрид молчит в тряпочку, это она специально, чтобы невзначай не обратить на себя внимание. Знакомая тактика — это она у него, Магнуса, переняла. Они ничего не знают. Только что они обсуждали какую-то муру, Астрид потеряла, что ли, или разбила дорогущую камеру. Но Амбер ее прикрыла. Да, в этом вся она.

Амбер = потрясная.

Магнус не смеет повернуть к ней голову, иначе станет совсем как вареный рак.

Тогда он смотрит на маму, которая рассказывает Астрид что-то про свое детство. Мама вообще щебетала весь ужин — прямо как маленькая птичка, которых жители средиземноморских стран любят держать в клетках, вывешенных за окном, певчие птички, которые начинают чирикать, как только солнце освещает клетку на рассвете или, наоборот, на закате. Мы пели «Я люблю гулять в лесу», и «Поругалась со свекровью», и «В Арканзас увез девчонку», и «Милая старушка стариной тряхнула: вылезла на берег, а меня столкнула». Мы, девочки того поколения, попали словно в клещи двух тенденций: то поем рождественские хоралы, и тут же — про

нимф да пастушков, «День Флоры», я, кстати, так и представляла, когда мы пели, что некая тетя Флора собирает корзинку, чтобы отправиться на пикник.

— О! — повторил Майкл, словно все происходящее — хорошо разыгранный скетч. Амбер сидит, опершись на руку, локоть на столе. Зевает, не прикрывая рта. А мама = птичка, ослепленная солнцем и позабывшая, что она по-прежнему в клетке.

При этой мысли в Магнусе шевелится какое-то чувство. Жалость, вот, пожалуй, что это такое. То же самое, непонятно почему, он чувствует и к Майклу, сидящему напротив и с пугающей методичностью отделяющему лепестки от крохотного цветочка в салате. И к Астрид тоже, она сидит рядом, такая потерянная. Но на самом деле она не потерялась — вот же она. Все с ней нормально. И все же что-то утрачено. Он не может объяснить.

Магнус кладет в рот кусочек хлеба. Ему вдруг хочется положить в рот камень, что-то нерастворяемое, не меняющееся лишь из-за того, что внутри у людей действует желудочный сок, разлагающий пищу, на что можно положиться как неизменную величину. Ох, но ведь камень = Минералогическое общество = и печаль громоздится

в нем великанищем, и выпрастывается из него, гигантская, словно — словно что? — маяк на скале, луч его прожектора безжалостно высвечивает каждого сидящего сейчас за столом. И Магнус отводит взгляд, страшась того, что увидел.

Мама = сломанная ветвь. Какая-то надломленность есть в том, как она, перегнувшись почти к середине стола, бодро стрекочет: *такой прекрасный вечер после прекрасного дня, у нас такой прекрасный ужин, это надо запечатлеть.* А Майкл = хм, что же? Очки сидят набок. Поза скрюченная, неловкая. Он похож на модельку самолета, сделанную тяп-ляп небрежным мальчишкой, — крыло торчит кривовато, шасси приклеены под разными углами, по всему корпусу потеки от чересчур щедро налитого клея.

Магнус посмотрел на Астрид.

Астрид — на него, прямо в глаза.

— Что? — спросила она.

Астрид вроде бы не сломлена. Но она — словно окно, которое раз за разом швыряет в себя камень, чтоб «проверить себя на вшивость», подумал Магнус, разобьет свою жизнь вдребезги, а потом еще проверит, насколько остры ее собственные осколки, — и тоже на себе. Да, все за столом — словно из кусочков, которые никак не соберутся в

целое, более того, которые совершенно не подходят друг к другу, словно нахватанные из разных головоломок, которые побросал в одну коробку продавец-пофигист в каком-нибудь секонд-хенде, или куда там отправляют ненужные, «убитые» головоломки. Только головоломки никто не убивает.

У Магнуса в животе настоящая буря.

— Что? — повторяет Астрид, строя ему рожу. — Чточ-точточточточточточточточточточто-чточточ-точточточточ-точточточточточточточточто???

— Астрид! — говорит мама.

— Что? — говорит та.

Амбер хохочет. И Ева за ней.

— Хватит! — говорит она, смеясь.

— Что — хватит? — говорит Астрид.

И все смеются. Кроме Астрид.

— Я, между просим, ничего не сделала, — говорит она. — Это он смотрит на меня по-ненормальному.

— *Как* ненормальный, Астрид, — сказала мама.

— Кто? — спросила Астрид.

— «Посмотрел на меня как ненормальный», — сказала мама.

— Да не на тебя! — сказала Астрид. — Он посмотрел на меня.

— Да я не про себя, я про правильность самой фразы, — сказала мама. — Ты сказала: по-ненормальному. А надо: как ненормальный. Вот у Майкла спроси.

Тут Амбер кладет ладонь Астрид на макушку, потом убирает. Астрид снова садится глубоко на стул, закатывает глаза, вздыхает. Амбер, она умеет улаживать конфликты. Если она тоже — часть раздрызганной картины-головоломки, думает Магнус, то тогда она = чудом сохранившийся фрагмент синего неба. А может быть — и все небо целиком, целое, невредимое.

— Идиома, — вдруг произнес Майкл, подняв глаза от цветочка, что держит в пальцах, ну прямо Безумный Башмачник.[34] Пожал плечами. — Классика, — сказал он. И снова пожал плечами. Амбер ухмыльнулась, глядя на него через стол, и он больше не может думать ни о чем, кроме этого рта, приоткрытого, постанывающего на уровне его глаз, потом напротив его рта, тоже приоткрытого, словно в немом изумлении оттого, что выделывает нижняя часть его тела, там, глубоко внутри нее.

— Что-то ты притих, Святой, — говорит она

---

[34] Примечания: 34
Персонаж книги «Алиса в стране чудес».

ему. — О чем ты думаешь?

— Ни о чем, — отвечает он.

— И что же конкретно ты думаешь об этом? — спрашивает она.

— О чем? — спрашивает Магнус.

— Ни о чем, — говорит Амбер.

Все смеются.

— Ладно вам, — говорит Магнус. — Ну хорошо, я думал про маяк. Раз уж вам так интересно. Я пытался в уме вычислить его общий внутренний объем в кубических метрах, а это довольно сложно, поскольку по мере увеличения высоты внутренняя площадь, ну, она все время изменяется.

— А Магнус совсем краснющий, — сказала Астрид.

— Господи, и правда, сынок, — сказала мама и озабоченно покачала головой. — Болит? — спросила она. — Астрид, сбегай наверх, принеси средство после загара. Из моей косметички.

— Не надо, — сказал Магнус. — Все нормально.

— Ты должен обязательно намазаться на ночь, — сказала мама.

— Да ладно, — сказал Магнус.

— По-моему, ты сгорел, — сказала мама. — Ты что, никак не предохранялся?

Тут Амбер взглянула ему в лицо, высоко подняв бровь. И расхохоталась. Магнус тоже невольно рассмеялся. Он смеялся! На глазах у всех, они ничего не понимают, никто ничего не знает, даже не подозревают, что тут можно что-то *знать*. Но все равно в результате все смеются, неважно. Сидит такая милая семья за столом, и все смеются над удачной шуткой.

Амбер =?

Теорема кривой Джордана. *Каждая простая закрытая кривая имеет как внутреннюю, так и внешнюю поверхность.* Обнаженные груди Амбер покачиваются над его головой — две идеальные колоколообразные кривые. Сама она — торус.[35] Внутри ее — изогнутая кривая. Было далеко за полдень. Он вышел из своей комнаты. И видит — Амбер стоит, насвистывая, на верхнем пролете, осматривая потолок с заправским видом эксперта из телепередачи про ремонт.

— Стой здесь, — сказала она. — Не уходи.

Она притащила из сада крепкую палку и открыла задвижку на чердачном лазе. Потом помогла ему запрыгнуть. Потом встала на перила, а оттуда — за ним, наверх. Он высунулся из люка,

---

[35] Примечания: 35
Вал базы колонны (архит.).

чтобы помочь ей подтянуться. Пол наверху был из простых неструганых досок. В дальней стене — крохотное окошко, почти скрытое под многолетним слоем грязи. Повсюду набитые вещами коробки и горы пыли. Тут еще жарче, чем в доме. Амбер отряхнула ладони о шорты, уселась на пол и пристально посмотрела на него. Что стоим? — сказала она, похлопав рядом с собой. Он ничего не понимал. Не знал, как должен ей ответить. Пока он думал, она вдруг снова исчезла в чердачном люке.

У Магнуса сердце оборвалось. Ее уход означал — он упустил шанс. Но нет, она снова появилась внизу, с покрывалом в руках — видимо, из ближайшей комнаты.

Она была удивительно ловка для взрослой. Балансируя на перилах, схватила его протянутую руку. Оттолкнулась босыми ногами от стены, влезла. Носком ноги сдвинула коврик обратно на лаз. Выпрямилась. Огляделась, все еще держа его за руку.

— Отлично, — сказала она.

— Темно, — сказал он.

Она отпустила его руку. А потом стянула с себя футболку. Вокруг сосков кожа у нее белая-белая. Потом она сняла шорты. Параллельные прямые

не сходятся. Икс не вычисляется. Она снова взяла его руку. Положила себе на бедро, потянула выше, выше. Точка пересечения. Она расстегнула его ремень. Он выскочил наружу, образовав параболическую кривую. Она сжала его. Он кончил, тут же.

Потом она говорит, ложись-ка.

Множество = совокупность.

Совокупность = сумма частей, составляющих целое.

Бесконечность = непрерывность.

Последовательность, самовоспроизводимая через равные интервалы раз, потом еще раз, еще раз и еще = периодичность.

Точка пересечения. Она уложила его на спину, так что их тела образовали прямой угол. И умножила себя на него.

Незримая прямая, соединяющая их взгляды, обладала самой прекрасной линией наклона в мире.

Он чувствовал себя словно в мягкой боксерской перчатке, или в пространстве, полном крохотных подушечек или трепещущих крылышек. Магнус взорвался миллиардом крохотных белых перышек.

Запах по-летнему душного чердака, их, только

их запах, липких от восхитительного пота. Как она потом упала на него, тихонько смеясь ему в ухо. Как она ходит, натянутая струна, как говорит, или просто сидит, молча, как улыбается ему, сидя напротив за ужином, а никто ни о чем не догадывается. Ее чудесные потаенные изгибы.

Амбер = ангел.

Они еще трижды занимались любовью на чердаке. И два раза, когда в доме была толпа гостей, они по-быстрому (ощущения весьма острые) — в саду за оградой из кустарника. А однажды Амбер пришла в комнату Магнуса, когда все легли спать. Это было просто бесподобно.

Фантастика.

До сих пор странно — в результате всегда ужасно мокро. Он и не подозревал. И еще он до сих пор не привыкнет, хотя столько раз видел, что у Амбер там волосы, настоящие волосы. Ему как-то не приходило в голову, что женщины так устроены. Впрочем, если подумать — это же естественно. Ну конечно, у них там волосы. По-видимому, они специально удаляют их, прежде чем выйти в чат, сделать фотки или видео. А может быть, у них, как у парней, у мужчин, — у кого — то есть, у кого-то нет. Или может, вырастают с возрастом. Он посмотрел на мать, которая шла через сад. Ин-

тересно, она их удаляет или у нее нет волос, или, наоборот, много? Если есть — то какую площадь они занимают в квадратных сантиметрах. Когда он часто моргает, мысли путаются.

— Я веду Святого Магнуса на экскурсию по деревне, — объявила Амбер Еве. — Нас не будет около часу — я как раз успею его совратить и привести тепленького обратно, вы не против?

Магнус чувствует, как его изнутри заливает багряная волна. Когда шум в ушах стихает, он слышит, как Ева, а за ней и Астрид смеются, словно услышали уморительную шутку.

— Но все будет шито-крыто, — продолжает Амбер. — Мы не потревожим местных добрых самаритян, по крайней мере на этот раз, правда?

— М-гм. — Магнус уставился в пол.

— А мне можно с вами? — спросила Астрид.

— Нет, — сказала Амбер. — Но если будешь сегодня паинькой, завтра пойдем воровать в магазине.

— Приятной прогулки, — говорит Ева, не глядя на них. — Не забредайте слишком далеко.

Амбер = гений, думает Магнус. Нет — даже гений в квадрате, она запросто нашла хранителя ключа от церкви в сонной деревушке. А в следующую поездку в Лондон сделала дубликат. Это

гениальность уже в третьей степени.

Теперь они почти всегда бывают там. Их ни разу никто не потревожил.

— Почему ты носишь остановившиеся часы? — как — то днем, в церкви, спросил ее Магнус. Амбер стояла на коленях между его колен, только что закончив минет, в который раз заставив его взорваться от счастья. В тот же миг он заметил блеск часов на ее запястье, они всегда показывали семь, без вариантов. Сейчас было около пяти.

Амбер выпрямилась спиной к скамье, откинула волосы от лица.

— Мне надо следить за временем, — сказала она.

— Да, но они показывают неправильное время, — сказал Магнус.

— Это по-твоему, — отвечала она. И с этими словами опустила руку с часами туда, вниз. То, что происходит потом, отключает его от реальности.

В такие минуты время останавливается.

После они сидят на траве или на скамейке. Мимо идут люди. Амбер со всеми здоровается. В ответ все тоже с ней здороваются, словно старые знакомые. И улыбаются. Они — *деревенщина.* Магнус не сказал Амбер, что у них в семье их называют так. Ева никогда не высмеивает дере-

венских, и Майкл тоже — при Амбер.

— Смотри, какие у них длиннющие тени, — замечает Амбер, когда мимо проезжают два велосипедиста. Она машет им рукой. Те машут в ответ. Магнус смотрит на причудливо изломанные тени, которые отбрасывают их вздернутые руки на асфальт.

— Люди всего лишь тени, — говорит Магнус.

— Ну ты-то не тень, на хер, — сказала Амбер. — А если тень — то любишь иметь меня до чертиков, хотя и я всего лишь тень, не больше.

Он испугался, что обидел ее. Но по виду не скажешь. Напротив, как обычно с Амбер, тебя в самое сердце поражает ее особый, нетривиальный взгляд на вещи. Это придает ему смелости.

— До сих пор среди бела дня вдруг темнеет, — говорит Магнус.

— Правда? — спрашивает Амбер. И задумывается. — Сопротивление зрения, — говорит она. — Ты видел нечто невероятно мрачное, и это до сих пор влияет на твое зрение, хотя ты больше не видишь сам очаг возбуждения.

— Как это? — спросил Магнус.

— Так бывает, если долго смотреть на что-то очень яркое, — сказала она. — Слушай, а ты, пожалуй, глуповат для мальчика-зайчика.

Магнус выпрямляется. (Ситуация = возможно, стемнеет, возможно, нет.)

Мимо идет старушка.

— Здравствуйте! Как ваши дела? Ну и жара, да? — говорит Амбер.

— Да, жара не то слово, — отвечала старушка. — Ревень засох. И лук-порей. И герань тоже. Даже газон засох. Это все жара. Ты — славная девочка, очень славная, часто ходишь в церковь, день за днем, вот и его с собой приводишь. Это прекрасно.

— А-а, так это не я — он меня заставляет, — говорит Амбер. — Знаете, он ведь святой.

— Ты славный мальчик, да, славный, — говорит старушка Магнусу. — Не каждый парнишка будет вот так ходить на каникулах в церковь, день за днем, тратить на это свободное время. Ты будешь кому-то отличным мужем, да.

— А где сегодня ваш муж? — спросила Амбер.

— О, мой муженек давно умер, дорогая, — говорит старушка. — Был у меня муж, шестьдесят лет с ним прожили, и все было хорошо, не жалуюсь, но он умер.

Амбер ждет, пока старушка отойдет на достаточное расстояние по раскаленной дороге, и только тогда поворачивается к Магнусу.

— Точно, это все жара, — шепчет ему на ухо.

Амбер = ангел, хотя, возможно, и не совсем такой, каким она впервые предстала перед Магнусом, в пятне яркого света у них в ванной, когда он стоял, пошатываясь, на краю ванны.

Она подхватила его, когда он спрыгнул. Помогла устоять на ногах. Потом усадила на краешек ванной. Посмотрела на свисавший вниз рукав рубашки, другим рукавом привязанной к балке. Потом расстегнула шорты и уселась на унитаз. И пописала. А что, ангелы писают? Он отвернулся в сторону и зажмурился. Как она громко. Он открыл глаза, она уже застегивала пуговицы.

— Ты такой воспитанный, — сказала она.

И нажала на спуск.

— Знаешь, тебе не помешала бы ванная, — продолжала она.

Она отвернула краны. Вода сразу полилась из душа.

— Вставай-ка, — сказала она.

Она расстегнула пуговицу на его ширинке.

— Ты откуда вылез? Из реки?

Она знала все. Он повернулся к ней спиной и стянул с себя мокрые джинсы. Ступил на пол из мокрого кома. Потом сел в ванную, снова к ней спиной. Она спустила душ пониже. Стала поли-

вать его. Потом намылила ему спину, грудь, шею, потом опустила руки под воду, мягко прошлась вокруг его яичек, по члену. Он испытал жгучий стыд, когда она это делала.

Она покрутила краны и смыла с него пену водой потеплее. Потом намылила ему голову, смыла мыло. И выключила воду. Он поднялся. Дрожа как осиновый лист. Она протянула ему полотенце. Пока он вытирался, повернувшись к ней спиной, она встала на край ванны, потянулась вверх и отвязала рубашку от балки. И спрыгнула вниз. Она так легко двигалась. Потом она понюхала рубашку, свернула в охапку и, засунув в его же джинсы, вручила ему большой влажный узел.

— Может, есть что почище? — спросила она.

Когда дверь его комнаты открылась и он вышел в коридор, чистовымытый, в чистой одежде, она сидела на верхней ступеньке, поджидая его, — а он хотел лишь проверить, там она или, как он подозревал, это лишь плод его больного воображения.

По телевизору все взахлеб говорят о смерти сыновей Саддама. Американцы убили их пару дней назад в перестрелке. По телевизору все показывают и показывают снимки, сделанные сразу после расстрела. А вслед за ними — снимки после того,

как американцы их побрили, чтобы придать им более *нормальный* вид, чтобы они стали больше похожи на самих себя. Эти снимки должны были доказать, что они и правда его сыновья.

— Это переломный момент, — говорили дикторы. — Теперь у этой войны переломан хребет, все будет кончено через считанные недели.

Магнус смотрит на экран, на лица убитых. Они были тиранами = палачами, насильниками, стояли за массовыми и всякого рода убийствами. Тело среднестатистического человека содержит около ста миллиардов нейронов. Человек = такая клетка, которая делится на два, потом на четыре и так далее. Всё — лишь частный случай умножения и деления.

По телевизору говорят без остановки. После обсуждения этих смертей говорят о популярности правительства, выясненного в ходе телефонного голосования, организованного каналом, потом идет репортаж о современном политическом состоянии средней Англии, об изменении настроений в обществе после этих событий. Вообще через слово повторяется «средний». Поддержка со стороны среднего класса. Отсутствие средних территорий. А теперь — к другим новостям: усиление волнений на Среднем Востоке. Магнус

думает о средней части Амбер: ее талии, животе, о низе живота, о запахе, что возникает во время их любви, — запахе воска пополам с ароматом подогретых фруктов, а их поцелуи отдают морской горечью.

— …так что любой заправский хиппи из «свингующих 60-х» станет радостно уверять вас, что и в свои шестьдесят вы выглядите супер, — тараторила женщина в студии, — потому что люди в возрасте, который прежде называли средним, теперь выглядят неправдоподобно молодо!

На экране появляется фотография Мика Джаггера. Титр: Свингующие 60-е.

Магнус нетерпеливо ерзает на диване. Встает, жмет кнопку на пульте. Телевизор послушно выключается. Но комната продолжает так же мерцать вокруг.

Он идет в деревню. Когда приходит, то решает обойти ее кругом и засечь время.

Ровно четырнадцать минут.

Он обходит запертую церковь.

Киоск, что у почты, закрыт. Ставни опущены.

На обратном пути он останавливается у длинного здания. У него такое чувство, что он здесь не впервые. И тут вспоминает все в подробностях: он сидит у стены, его тошнит; из дверей выходит

мужчина, он очень зол; он кричит на Магнуса; потом рывком поднимает на ноги. Из окна за ними наблюдают люди.

Магнус перешагивает через низенькую стену вокруг здания и оказывается на парковке. Подойдя ближе, он видит, что это — старомодный зал игры в «Бинго». Это одно из самых крупных нежилых зданий в деревне. Видимо, когда-то он был центром местной социальной жизни, но теперь выглядит довольно непрезентабельно.

Снаружи его красят два маляра. В белый, чтобы освежить. Стоит сильный запах краски, чуть слабее — еды. Видимо, сейчас здесь расположено кафе. Неудивительно, что тот мужчина разорался, ведь его тошнило у кафе, прямо на глазах у посетителей.

Магнус вспоминает тот вечер: ужасно несчастный мальчик, сидящий на земле.

Его мать несчастна. И Майкл несчастен. Отец Магнуса, настоящий отец, — до такой степени несчастная старая развалина, что, если бы он прошел мимо Магнуса, мимо Магнуса, сидящего вот сейчас на задрипанной автобусной остановке, Магнус не узнал бы его. И отец его — тоже. Все несчастны. Хозяин ресторана — тоже несчастен. Магнус помнит, как тот на него орал. Эти два

маляра тоже несчастны, хотя с виду это не всегда определишь. Но они наверняка несчастны, потому что Магнус знает: в этом мире все несчастны. И люди, без конца говорящие по телевизору, тоже сплошь несчастны, хотя делают вид, что у них все зашибись. Тираны столь же несчастны, как и их жертвы. Люди, которых обстреливают, или бомбят, или сжигают, несчастны. Ноте, кто стреляет, бомбит, жжет, не менее несчастны. Все эти девушки в самых обычных комнатках, которых без устали имеют через интернет, несчастны до отчаяния. И все мужчины, которые заходят на сайты, чтобы посмотреть на них, — тоже. Неважно. Все, кто что-то знает об этом мире, и все, кто ничего не знает об этом мире. Ибо все в этом мире несет несчастье — и знание, и невежество.

И Амбер тоже несчастна. Амбер — прекрасный сверкающий осколок, чудесным образом поднятый с морских глубин и вынесенный на тот же берег, на котором тоскует Магнус.

Мимо в машине проезжает женщина. Она посмотрела на него. Поразительно, как много женщин, не девчонок, а взрослых женщин в последнее время на него заглядываются. На секунду он чувствует укол гордости: теперь он знает, что делать, Амбер его научила.

Но тут он осознал, что это всего лишь женщина, которая убирает у них в доме. Она посмотрела на него просто потому, что узнала.

Он видел, как она брызгала моющее средство на деревянную поверхность, а потом протирала буфет одноразовой тряпочкой с лимонным ароматом.

— Я сделал ужасную вещь, — говорит Магнус Амбер однажды вечером, когда они идут к церкви.

— Да? — говорит она. — Так что же?

Она говорит так мягко. И расстегивает ему джинсы.

А вот что.

Дело было вечером. Тени за окном вытянулись. Все сидят в гостиной. Амбер массирует Еве колено. А та читает ей «лекцию» о французском импрессионисте Эдгаре Дега. Магнус никак не поймет, откуда у матери такая страсть рассказывать Амбер про то и это, будто та ничего не знает, будто она примитивна или необразованна. И Майкл туда же, вечно цитирует кого-то, препод хренов. Амбер знает кучу вещей о самых разных вещах. А если о чем не знает, то это редкость. Например, они с Амбер спорили о том, насколько легка корпускула, составная часть

корпускулярно-волновой структуры, каким образом изгибается время, ускоряющееся таким образом, что «идеальные» минуты на самом деле короче, но мы этого не замечаем, потому что пока не научились. Амбер знает всё-всё о египтянах, минойцах, этрусках, ацтеках. Она много знает об электронике в автомобилях, о солнечной радиации, о круговороте C02 и о философских учениях. Еще она — настоящий спец по этим пчелам, которые жалят и парализуют других насекомых, чтобы их личинки могли питаться живой пищей. Она разбирается в искусстве, книгах, в зарубежном кино. Однажды на чердаке она два часа рассказывала ему об одном ирландском драматурге, который через щели в полу своей комнаты подслушивал разговоры людей в кухне, чтобы вставлять в диалоги своих пьес настоящую, непридуманную речь.

Сейчас Амбер стоит на коленях на полу перед его матерью, а та просвещает ее, а заодно и всех присутствующих, — словно никто из присутствующих никогда не слышал об импрессионистах — мол, лошади, скульптуры Дега, просто изумительны, а его «Танцовщицы» как живые. Она рассказывает, что перед смертью Дега указал в завещании, чтобы его скульптуры — они ведь

почти все были из глины, а некоторые даже из щетины его кистей, из пищевых отходов, — чтобы их никогда, ни при каких условиях не отливали в бронзе. Он хотел, чтобы они развалились. По выражению его матери — «чтобы они умерли естественным образом». Но после смерти Дега душеприказчик не исполнил его воли. В конце концов их все-таки отлили в бронзе. Мать Дега пытается инициировать в обществе дискуссию о том, было ли это морально оправданно или нет. А Амбер осторожно, по часовой стрелке все массирует Еве колено.

Полный круг составляет триста шестьдесят градусов по той причине, что пастухи, первые астрономы, верили, что в году ровно триста шестьдесят дней.

— Вся соль в том, что иначе мы бы никогда их не увидели, — продолжает мать. — Мир лишился бы великих произведений искусства, будь душеприказчик порядочным человеком.

Магнус наблюдет за рукой Амбер: 360. 360. 360.

Его член встрепенулся.

Амбер прекращает массировать. И начинает надавливать на ногу Еве чуть ниже коленной чашечки.

Теперь получше? — спрашивает она.

Ева неуверенно кивает.

Ни с того ни с сего Магнуса захлестнула волна любви к матери, к Астрид, сонно таращившейся на диване, к Майклу, шуршащему газетой за столом. Да, даже к Майклу. Он ничего, Майкл. В то же время Магнус осознает, что, покажи он кому-то хоть на столечко свои чувства, все тут же развалится и гостиная превратится в пыль, как после атомного взрыва.

Есть вещи, о которых нельзя говорить, потому что их знание и так давит. Вещи, от которых потом уже не избавиться. Знание о чем-либо — тяжелая ноша. Например, мама помешана на ужасах, которые происходили с людьми; дома в ее кабинете громоздятся стопки книг про Холокост. Потому что разве можно взять и забыть об этом? Разве можно раз — и снова оказаться в неведении?

Или. «Невинна» ли мама, потому что не знает, чем они с Амбер занимаются каждый день в той церкви? А Астрид тоже чиста и невинна? А Майкл? Может, это невинность особого рода? Хороша ли она? Или это и есть невинность — неведение относительно чего-то? Возьмем крайний пример. Свободен ли от вины человек — в смысле обладает ли добродетелью или как там говорят, — не

знающий о том, что был Холокост? Или просто идиот? И вообще, что проку от подобной «невинности»?

Магнус думает, что проку ноль. Разве что кому-то придет в голову сыграть на том, что он знает нечто такое, чего не знает другой.

Интересно, можно ли вновь обрести невинность? Ведь там, наверху, на чердаке, или под старыми деревянными сводами церкви, вдыхая-выдыхая пыль в учащенном ритме — достать, возбудить, лечь на спину, она сверху, — Магнусу все еще не верится, что можно вдруг снова ощущать свою чистоту, несмотря на всю гадость, которая в нем сидит, несмотря на то, что, наверное, их с Амбер делишки, мягко говоря, куда как далеки от невинности. Вернее — с точностью до наоборот.

Ему хочется, чтобы все, кто находится в гостиной, знали о нем всю подноготную. На самом деле то-то и плохо, что никто из них ничего не знает.

С другой стороны, именно поэтому их мир, гостиная, еще не превратился в пыль.

Вот мама, все говорит и говорит что-то Амбер. Вот Амбер, в своих мыслях, мерно массирует ей колено. Сквозь нее, сидящую в центре комнаты, словно проходит ось, которая и держит их всех

вместе, заставляет совершать механические движения, не дает их семье разлететься, распасться в ничто и разнестись в самые далекие уголки их локальной вселенной.

Амбер резка с Астрид. Невероятно груба с Майклом. *Да насрать мне, что ты там думаешь о литературе.* Мать нагоняет на нее смертную скуку, что Амбер и не пытается скрыть. *Угу.* Итак: Астрид ее преданная собачонка. Майкл изо всех сил старается произвести солидное впечатление. Мама ищет все более «интересные темы» для беседы. Прямо-таки наглядное пособие для демонстрации силы притяжения. Или — функционирования Солнечной системы.

Что до самого Магнуса, Амбер для него = истина.

Амбер = все то, на что он и во сне не представлял себя способным.

Он будет помнить об этом всю свою жизнь — о потере девственности, об обретении знания с женщиной старше его; подобный опыт переживали юноши в классических романах, а теперь вот происходит с ним; нечто, о чем он станет рассказывать за кружкой пива в уютном пабе, припав к стойке, почти шепотом, взволнованный собственными воспоминаниями об этом време-

ни, будучи гораздо старше, став мужчиной, когда ему будет под, а может, и за тридцать.

Магнус садится на поезд до Норвича. Там он пересаживается на поезд до города, где расположен университет, в который он когда-то, сто лет назад, думал подавать документы.

Взяв такси у вокзала, он говорит: к библиотеке. Но таксист привозит его — то ли по ошибке, то ли приняв за студента — к главной библиотеке университета, в которую Магнус, не являясь студентом, попасть не может. Человек за компьютером у первой стойки в гигантском холле, наполненном насыщенным запахом моющих средств, говорит с ним как с недоумком, мол, как можно этого не знать. И он прав, только недоумок мог ждать иного отношения.

Город божественно красив, повсюду туристы с камерами. Он возвращается в центр по запруженному туристами мосту. Смотрит, как они снимают на видео прекрасные темно-желтые стены зданий колледжа, куда он собирался поступать. Он приходит на местный рынок, где растрепанная девчонка, стоящая у прилавка с шапками, объясняет ему дорогу до другой, публичной библиотеки: за той группой муниципальных зданий, рядом с многоэтажной стоянкой.

В публичной библиотеке стоит резкий запах. Даже на лестнице пахнет людьми.

Единственная интересная для него книга в Отделе справочной литературы, где яблоку негде упасть из-за обилия посетителей не членов — стариков, явно нищих, даже безработных, иностранцев, которые ждут своей очереди, чтобы сесть за один из четырех компьютеров, — это пенгвиновский[36] «Словарь святых». *Магнус Оркнейский. Дата смерти: 16 апреля, 1116 год от Р.Х. Этот Магнус был сыном Эрлинга, соправителя Оркнейских островов. Когда острова захватил король Магнус Босоногий, Магнус Эрлингссон бежал вместе с Малколмом III Шотландским и, по слухам, жил некоторое время в доме епископа. После смерти Магнуса Босоногого он вернулся на Оркнейские острова, которыми в то время управлял его кузен Хокон, в результате предательства которого он был убит на одном из островов. Тело Магнуса было впоследствии захоронено в соборе Керкуолла, позже названного в его честь; его имя носят и другие церкви. Он был удостоен подобной чести за выдающуюся доблесть и добродетель, но, по всей видимости, оснований называть его*

[36] Примечания: 36

От «Пенгвин» (Penguin) — знаменитое старейшее британское издательство научной и художественной литературы.

мучеником нет. Существует еще несколько святых Магнусов, в основном мучеников, но об их жизни практически ничего не известно.

Магнус перечитывает статью, не для того чтобы запомнить историю, не больно она увлекательна — даже обидно, ведь именно ради этого он притащился в такую даль. Нет, его вдруг совершенно завораживает одно-единственное слово:

Доблесть *и* добродетель.

И другие церкви также носят его имя.

И, по слухам, жил.

Столь простое — и столь важное слово.

Он начинает листать книгу, выбирая предложения наугад.

Сохранились имена и названия лишь некоторых лиц и селений. В те времена ему еще не приписывали сверхъестественных способностей, и его слава чудотворца расцвела по прошествии времени. Она публично сожгла свои наряды и драгоценности и после этого ушла в монастырь. В селении под названием Доккум на него и его товарищей напали язычники фрисландцы и зарубили насмерть. Эту версию вряд ли можно считать достоверной, так как отвергнутый поклонник донес о том, что она христианка, но она чудесным образом избежала позорного ремесла и смерти на костре.

Эта легенда, пользовавшаяся огромной популярностью, возникла лишь в седьмом веке, и есть все основания полагать, что она не имеет под собой оснований.

Прямо за стенами библиотеки дорожные рабочие меняют дорожное покрытие, используя пневматическую дрель. В холле библиотеки люди по-прежнему стоят в очереди к компьютерам.

В холле библиотеки люди стоят в очереди, а за ее стенами рабочие, используя лишь силу сжатого воздуха, крушат на фиг камень *и* асфальт.

Воздух *и* камень! Слово «и» — настоящий кислородный заряд. И тут Магнус, который приехал в этот знаменитый город, чтобы узнать историю своего прозвища, — прозвища, что дала ему одна опытная женщина старше его, которая проводит здесь лето и ежедневно совращает его на деревянных скамьях старой церкви, а также об имени, данном ему при крещении родным отцом, которого он помнит очень смутно и на которого, честно говоря, ему давно насрать (хотя его младшая сестра, напротив, куда сильнее переживает по поводу все более далеких отношений с отцом), — Магнус вдруг ощущает, что стрелой взлетел ввысь, что снова дышит полной грудью, словно долгое время пребывал в малень-

ком, темном и душном пространстве, слишком маленьком, чтобы как следует уяснить значение слова.

И?

«И», — произносит Магнус вслух.

Видимо, произносит слишком громко — несколько человек в очереди оборачиваются и смотрят на него. Мужчина за ближайшим компьютером тоже уставился. Работница библиотеки, сидящая за столом, поднимает голову, как бы прикидывая, стоит ли ждать от Магнуса неприятностей.

Он захлопывает книгу и смотрит ей прямо в глаза. Интересно, она его хочет? Интересно, какая она в постели… Первое счетное устройство изобрел Паскаль в 1640 году, напоминает он сам себе выходя из библиотеки, причем ему на тот момент не было и двадцати лет!

Магнус сияет всю обратную дорогу до вокзала, идя по улицам этого сияющего города. Он остановился на минуту, чтобы сделать глубокий вдох, глотнуть летнего воздуха, — но только на минуту, потому что еще немного, и он опоздает на очередное свидание с Амбер в церкви. Если, конечно, она там будет. Если она придет. На самом деле он может остаться на платформе, просто решить

постоять немного дольше. И пропустить поезд. Может быть, это Амбер будет ждать его в церкви; может быть, сегодня на свидание не явится он.

Он останавливается у дерева, что растет перед магазином. Ничего особенного, просто какое-то дерево. Некое дерево и Магнус. Его листья, отмечает про себя Магнус, соединяются с черенками, черенки с веточками, те — с толстыми ветками, те — со стволом, ствол — с корнями, корни уходят в землю. Этот вид связан с другими деревьями того же вида и другими деревьями родственных видов и всеми деревьями вообще, по причине принадлежности к общности деревьев, и со всеми остальными растениями и живыми существами — по причине того, что все они осуществляют фотосинтез, т. е. являются частью пищевой цепи, с ископаемыми, с топливом, как в прошлом, так и в настоящем; а раз есть прошлое и настоящее, значит, вполне возможно (и даже очень вероятно), существует и будущее, и само понятие «будущее Магнуса», и все такое.

Льет как из ведра. Им слышно, как дождь барабанит по церковной крыше. Магнус рассказывает Амбер, что говорил о дожде Виттгенштейн: считать капли по отдельности не имеет смысла, а на вопрос, сколько в дожде капель, правиль-

ный ответ — «много», а не конкретное число. В математике, говорит Магнус, «правильность» — понятие относительное.

— Ага, — говорит Амбер, — а грех — если я правильно помню и мне не изменяет память — это неизвестная переменная в уравнении, так?

— Ну да, — отвечает Магнус. — Только правильно не «грех», а «игрек».

Он чувствует непроизвольное раздражение оттого, что она знает так много о том, что знает он. А еще подсмеиваться над чем-то, а он не совсем понимает, над чем и как это у нее выходит.

Но он лишь слегка шевелится, поудобнее устраиваясь в ее объятиях, вдыхая запах церковной плесени, по крыше барабанит дождь, его голова покоится на старой, засаленной подушечке для колен, над головой — если смотреть влево, за плечо Амбер, — причудливые изломы труб небольшого органа, на стене, каждая в своем кармашке, грубо вырезанные из картона цифры верх ногами, номера псалмов, исполнявшихся на службе, что была (или будет?) проведена Бог знает когда — в прошлом или будущем, может так, а может эдак, кто знает? 7. 123. 43. 208. Интересно, что это за гимны. После их с Амбер «завтраков», «обедов» и «полдников» в старой церкви он уже

знает, что тот, кто там определяет номера псалмов, кладет аккуратные наборы цифр — единиц, двоек, троек, четверок, пятерок, шестерок, семерок, восьмерок, девяток и нулей под выступ передней скамьи. Ему знаком вкус и запах церкви снаружи и изнутри, бурый оттенок старых сидений, белизна стен, темно-коричневого дерева кафедра с белым орнаментом. За последние недели он тайно, бессчетное количество раз, читал таблички на стенах, укрепленные в память почивших священников. Теперь он знает, зачем люди ходят в церковь. Ответ слишком прост, но что поделаешь. Иначе чему равен О?

— Знаешь, пожалуй, мне больше нравится, когда ты мрачный, — произносит Амбер. — Ты не можешь набросить на лицо эту свою «тень»?

Магнус понятия не имеет, что она имеет в виду, но согласно кивает и утыкается лицом ей в плечо, продолжая в уме свои подсчеты. О = добавленное целое, то есть 0 = а = а. К примеру, 0+1 = 1, и это все, что необходимо знать о нуле, т. е. не о его значении или о нем как величине, но о том, что он подчиняется неким определенным правилам.

Он чувствует, как Амбер, лежа под ним, заворочалась, заскучав без движения. Вот она начинает двигаться, ритмично, пробуждая его от мыслей.

Он взглянул ей в глаза. Он чувствует нарастающее возбуждение. Член наливается силой. Еще минута, и они снова задышат в едином ритме, издавая все тот же неизбывный звук, вдох-выдох, звук, о котором он до сих пор не знал главного — это то самое слово, повторяемое на последнем дыхании, бесконечно: и… и… и…

…самой обычной норфолкской ночи Майкл вдруг садится в постели. Ева спит. В окружающем мире все тихо-тихо, всё замерло, на вид «всё как всегда», скучно и до отвращения прозаично — в точности так же, как во все прошлые ночи. Но в мире явно произошло что-то странное, вкравшись с уверенностью и бархатистым высокомерием кошки. Произошла перемена, вот что. Сложился цельный ритмический рисунок. Да — сначала строки ab-ab, затем, таким же образом cd-cd, за ними ef, gg… Он ведь преподавал как раз эту науку, поэтому сразу врубился — словно настроился на привычную волну: мир Майкла обрел структуру сонета (-ов).

С высокомерием кошки и прочее бессильно в описании того, что произошло на самом деле. Словно штангой по башке. Словно сквозным в грудь. И старательные хирурги оперируют его бессознательное будто вскрытую грудную клетку.

Его сердце — распустившийся цветок, с изумительной красоты лепестками, бьется словно божественные часы. Потрясение, горячка, Поэзия заживо содрали с него кожу, а потом наградили цельнометаллической оболочкой, а заодно новой личностью и шестью новыми чувствами, и новым языком, который умел выражаться исключительно пентаметром, и понятиями, согласно которым все это — сплошь поэзия да символы:

Прошлась по комнате и саду Амбер босиком, И мир стал только что написанным стихом.

Амбер — это такой уникальный фиксатор. Амбер сохраняла вещи, которым не суждена долгая жизнь. Амбер давала давно похороненным вещам шанс на вечное существование. Дарила преходящим мелочам — историю. Амбер хорошо бы носить с собой наподобие амулета. Янтарь все-таки. Цыгане делали свои «магические кристаллы» из янтаря. Рыбаки бороздили океаны, имея при себе лишь сеть для сбора янтаря. (Амбер в коридоре

Прошла мимо Майкла, словно он — неви
Димка, ничто, его не существует.)
Греки и римляне верили, что янтарь
Это застывшая моча рыси. Сияя,
Она твердела и обретала красоту под гнетом

Солнца и времени. И так звериная моча
Обожествлялась!
Похожи ль очи Амбер на светила?
Как передержка или фото (видео) эффект
У Ли Миллера / Майна Рэя.[37]
Он начинал мерцать от одного лишь взгляда,
Он загорался, как светляк во тьме, а после,
Как сгусток разноцветных фейерверков,
Все повторяя это имя после «я люблю». Так Майкл выражал восторг в слепящих всплесках,
Ужимках диких — но напрасно, ведь она
Сама была столь яркой, что напрочь затмевала
Любой источник света поскромнее.
Она есть свет. Плывя по миру, Амбер
Его воспламеняла и лепила как хотела,
А без нее все разом потускнело.

Но быть сонетам однобокими не должно. В них непременно спрятан диалог. А он смекнул, Что нет ответа. Ни от кого. Ведь он упорно Себя лишь убеждал и спорил лишь с собою; Взглянул он на семью — свою/чужую — и словно с башни Вид: поблекшее бесцветное ничто, потом он сел В машину и созерцал пустую пашню, Сырую,

[37] Примечания: 37

Миллер, Ли (1907–1977) — американский фотограф и фотомодель знаменитого художника, фотографа и кинорежиссера Рея, Манна (1890–1976); оба использовали фотографический эффект соляризации.

неприглядную — как сам он, впрочем; на жаре
Стал наблюдать, как пашня подсыхает. Дурак он,
как на грех.

Он сердцем помнил наклон ее головки, руки,
смех. Он понял: никогда ему ее не трахнуть.
Он понял: никогда ему ее не трахнуть. Он был
пошлейшим скучным обывателем. Под солнцем
обернулся он стеклом — и треснул, на тебе.

Разбит на миллион осколков он. И невозмож-
но, нет, обратно не Собрать. Фасад, и стены, и
разбитых звон Частей, руины, в общем, иль окно
разбитое В стене: его захлопнули — и вдребезги,
в осколки, Что ссыпались на камни вниз, став
наказанием Для ног босых иль знаком для всех
прочих. М-м, вот как: на куски разорван человек.
На четкие фрагменты, сердце, клочья кожи, и…
Переборщил? Нисколько, нет. Не стоит забывать,
Мозаика есть смесь. Ее частицы есть ничто, Пока
игрок не прикоснется к ним, чтобы собрать…
Как — в целое? Иль вместе? Воедино? Сказано:
(влюбленным в цельности души отказано).

С высокомерием кошки моча повсюду В семье
чужой

Нет цельности души. Обманчиво открытым
похороненным вещам отказано.

Старательные цыгане сидели

В его машине
Как символы.
От амулета твердел его восторг. На пашню, одного опустошенную руины цветка
ТАКАЯ ЯРКАЯ, что распускалось сердце
Вдребезги.
Новая личность расколота, мир брала
Ни от кого.
Сердце клочья цельность оболочки -
Нет ответа.
До печенок новый язык затмил мир навылет. Он понял, что бессилен.
Сонет с прекрасными лепестками треснул. Единство архитектуры есть тьма. А после нее вся поэзия — с эффектом передержки.
На х… поэзию. На х… книги. На х… искусство.
И жизнь-х…ню.
На х… Норфолк. На х… работу. На х… всё разом.
И на х… жену.
На х… подростков. Они «все знают», ни в чем не сомневаются. На х… девицу, что здесь по углам ошивается. Каков итог, что ты любил и с кем-то спал? Каков итог, что ты давал и принимал? Какой был смысл книг, что ты читал? Какой был смысл хоть в чем-нибудь, скажи? Тебя толкали — что же, ты упал? Возникла рифма — ты от люб-

ви бежал? Кто знает, как мученье усмиряют? И где все песни-однодневки дни кончают? Была ли девушка на свете, что ни за что и никогда..? Была ль артерия, что кровь гоняла без труда? Всегда ли сердце-истеричка имело мозг до дырок? Всегда ли Э Э Каммингз[38] был вырождением Шекспира?

Всегда ли был конец лишь поэтическим обманом И обращался сам Шекспир в финале Дон Жуаном?

Майкл как-то раз решил пройтись в деревню. Невинное занятие — типичное для тех, кто, как и он, Любил вот так, спонтанно, поддавшись настроению, прогуляться, резво, не без цели, с ветерком. Он сел передохнуть у церкви — и замер, пораженный, Оттуда охи-вздохи слышались, ну и дурдом! Там, в церкви, трахались, без всякого стеснения, Для Майкла это были звуки поражения.

Для умника-профессора, для Майкла Смарта, То были звуки истинной трагедии, «козлиной

---

[38] Примечания: 38

Каммингс, Эдуард Эстлин, 1864–1962 (Cummings, Edward Estlin) — поэт, во многом близок к европейским футуристам. Свой протест против псевдоразумности господствующих принципов обратил на язык, отказавшись от многих грамматических норм, знаков препинания, заглавных букв и прочих «условностей» (в том числе в написании собственного имени). Уделял большое внимание типографскому рисунку строки, экспериментировал со словами, расщепляя их, чтобы выявить исходный смысл, и т. п.

песни».[39] Да, «песнь козлиная», вот именно. У Сартра Замечено, что, мол, трагедия была уместна, Когда не получил козел овса, или что-то в этом роде. Достала Майкла участь среднего поэта, Достал язык, столь бедный, непригодный. Да, «кризис среднего», так это называется в народе.

Он дико втюрился в хипповую девицу, Возникшую как бес в их загородном доме.

Да, это было безнадежно. Он хотел забыться. Ведь от него (тут вспомнишь Купол[40]) так веяло «обломом».

Тогда он отодрал свою жену. Нет, это не годится. Как с Куполом: никто к нему не шел с поклоном — Не мог найти (на карте появился он потом). А доходил и понимал: какая дрянь, меня надули, вот облом.

О, «новая рабочая любовь».[41] А после он и Ева Отправились на ужин, успев и приодеться.

---

[39] Примечания: 39

Дословный перевод слова «трагедия» с древнегреческого.

[40] Примечания: 40

Купол Тысячелетия (Millennium Dome) — амбициозный выставочный комплекс, выстроенный в Лондоне в честь наступления XXI века. Поначалу вызывал резко негативные отзывы.

[41] Примечания: 41

Аллюзия на понятие «новая рабочая история» — направление в современной историографии; основное направление — изучение путей формирования американского рабочего класса в XIX в., судьбы рядовых рабочих и членов профсоюзов.

Пустые разговоры, их «друг в друга вера», А за словами пошлыми о вере, если приглядеться, За этой самой верой — ложь, измена. И от тщеты всего рыдаешь словно в детстве. Он был народ-изгой, больной проказой, Все потеряло смысл привычный и значенье разом.

Он уши накрепко ладонями закрыл, От звуков этих захотелось в омут, Но он вернулся, как всегда спокойный, позвонил. Жюстине, аналитику, но «никого нет дома». По саду прошвырнулся, раз, другой, и поступил Как и всегда в минуты пост-облома: Поехал в ближний супермаркет натощак И там кого-то «запер» на парковке, просто так.

В тележку он набрал отборные плоды. Потом прошелся мимо касс, чтоб углядеть Хорошенькую самую кассиршу сей дыры — Вон ту блондиночку бы закадрить суметь. На вид ей было лет пятнадцать. Позади Оставив очередь, он выложил пред нею снедь: Жемчужный виноград и апельсины смело. Она была как куколка. Он улыбался как Ромео.

Кассирша тоже улыбнулась. Расположил к себе Красивым комплиментом и восторгом явным И уболтал ее увидеться в обед, А на парковке осадил того водителя нахально, Сказав: «Профессор», дав визитку как билет. А после, подождав девчушку,

славно наяривал ее (вместо обеда) с четверть часа
На пассажирском месте, съехав к лесу с трассы.

Он был ей благодарен. Но ничего не ощутил.
Какой кошмар. Миранда, бейджик сообщал.
Как в «Дивном новом мире».[42] Он был без сил.
И всю наличность ей не думая отдал.

Она расправила свой форменный винил
Халатика. Потом он высадил ее, как угадал,
Не доезжая до ее работы. Вот помахала уж рукой.
Он повторял: «О дивный новый мир». Тут волной

Накрыло вдруг его, и он упал на руль и зарыдал
В пустынном месте, вот ведь занесло.
В округе — ни души. Он все б сейчас отдал
За вкусный ужин. Так что, опустив стекло,

Чтоб высохли глаза, домой помчался. Вот не ждал:
Потеря камеры открылась. Впрочем, все равно.
Какие волосы у Амбер! Они достойны песни.
Воистину, у Амбер волосы прелестны.

Она потом затеяла игру. «Все просто: должен
каждый Мне дать любую вещь, принадлежащую ему.
Ну, скажем, ключ от дома, от машины, важно,
Чтобы вещица была вам дорога; а я пойму

Ее взяв в руки, и без утайки расскажу
О вас, о вашей сути всё как на духу.
(Он Астрид попросил

---

[42] Примечания: 42
Роман Олдоса Хаксли, где главную героиню зовут Миранда.

из спальни принести, Взяв с при прикроватной тумбочки, его ключи.)

Она глаза закрыла и взяла у Магнуса кольцо. Сказала, что не стоит прятать правду никогда. Но Астрид не хотела дать ей ничего. И ей сказала Амбер — верь своим глазам. Вот Ева протянула — он не понял что — И Амбер ей сказала нечто странное тогда. Его черед. Ключи она взяла и к носу поднесла. Ее дыханье ощутил он — так близка она была.

«Ты никогда не овладеешь тем, чем хочешь. Пока ты не поймешь, чего же именно ты хочешь. Ведь ты на самом деле не желаешь то, что хочешь. Ты лишь того желаешь, что недостижимо, — вот и хочешь

В азарте этого. А потому все то, чего ты жадно хочешь,

Вовсе не то, чего ты в самом деле хочешь. Твоя задача — осознать, чего ты все же хочешь, И почему всем сердцем этого ты хочешь.

Она роняет все ключи на стол. Сказала — «никогда». Мол, никогда желанного он не получит. И тем сильней ее желает он. Вот это да! Умно: отвергнутому дать надежду. Призрака так мучит К живой жене тоска глухая. О, когда ж Ее получит он! Ведь он не сдался, и желание могуче. Он

вышел в сад и стал, как мантру, повторять слова: Нет, я не сдался. И будет все ж она моя.

Потом, намного позже, он поймет: Она ведь знала, после той игры-шарады, Где держит он ключи от дома. Точно — идиот. И вспомнит о своих мучениях с досадой, Без сантиментов. Поразительно — ведь «ключик» тот Был у него под носом, только было надо Открыть глаза, увидеть знак и следовать ему. Но он не видел: слепому знаки ни к чему.

…истории, то есть в Средние века с этакой харизмой ей бы явно несдобровать; из истории известно, что не во все эпохи было безопасно обладать подобным почти животным магнетизмом, и были времена, когда с нее бы содрали принародно кожу, или протащили через всю деревню в порядке публичного унижения и потом раздавили под бревнами, или, побрив наголо, приковали цепями к столбу у местной церкви, как ту девушку в фильме Бергмана, там еще смерть шла по следам средневекового рыцаря, а чума превращала людей в безумцев. Господи, смотреть эти фильмы — отдельная работа. Они прекрасны. Но очень трудные, «неприступные», и ужасно мрачные. Как она понимает, само время, в которое происходит действие фильма, было

мрачное. С другой стороны, именно эти мрачные времена и порождали подобные фильмы. Тот самый фильм задумывался как аллегория на паранойю по поводу ядерной гонки, если Ева правильно помнит. Обязательно ли в мрачные эпохи возникало мрачное искусство? И правда ли, что искусство всегда отражает свое время, а не какое-то другое? Ева была членом одного симпатичного книжного клуба, в него входило шесть или семь женщин и один затюканный мужчина, они встречались друг у друга по очереди — одна из прелестей этого занятия была возможность побывать в домах других людей. За последние полгода их клуб обсудил два тягучих исторических романа — оба викторианских, в основном про секс — пера современных авторов, роман последнего лауреата «Букера» о путешествии мужчины на корабле с животными, фостерского лауреата, огромный культурно перегруженный бестселлер, который полгруппы не домучили и до середины, и одну очень милую повесть про городок Саутуолд. Майкл клуб не одобрял. Он считал, что это какое-то запредельное мещанство. Но: Ева была звездой их клуба, *настоящий* автор. По этой причине она пользовалась очевидным авторитетом, признаваемым примерно полови-

ной группы и втайне отвергаемым почти всеми, она это чувствовала.

Она смотрела, как Амбер, сидя рядом с Майклом, накладывает себе салат, и думала, как бы она выглядела с бритой головой. Наверное, все равно бы осталась красоткой.

Это красота от Бога, размышляла Ева, красота, от которой не убудет, — пусть ее унижают, пусть обреют наголо — не «стильно», как у Дэвида Бекхема, а по-настоящему, грубо и жестоко, на радость разъяренной толпе. Она представила, как Амбер стоит со склоненной, гладкой как яйцо головой, с заломленными назад и связаными позади деревянного столба руками, с пересохшими губами, безмолвная, прекрасная безумица, выставленная перед старинной церковью на позор и глумление народа.

А сейчас Ева говорит: Астрид! Ты должна снять на видео всю компанию. Такой прекрасный вечер после прекрасного дня, у нас прекрасный ужин, это надо запечатлеть.

Но Астрид — Астрид во всем своем великолепии, сводя Еву с ума своей идиотской подростковой манерой выковыривать содержимое тарелки — сначала мясо без всего, потом листья салата, но без латука, потом дольки помидоров отдельно от

огурцов, — заявила, что «потеряла» свою камеру ценой почти в штуку фунтов! Амбер пыталась ее выгораживать, взяв вину на себя; поступок, достойный скорее подростка, а не взрослой женщины. С той же милой непосредственностью Амбер перевела их внимание с этого события на свою фирменную игру в психологию, заявив, что может узнать о человеке всю подноготную, просто подержав в руке предмет, который принадлежал ему долгое время.

— Можете не сомневаться, — сказала Амбер. — Благодаря этому дару я ухитрилась прокатиться по трем континентам, почти не имея денег, и всегда иметь приличный ужин.

Все расхохотались, кроме Астрид, — не соизволила. Амбер попросила Магнуса дать ей кольцо с пальца (это Ева купила ему на день рождения в позапрошлом году). Майкл послушно снял кольцо. Амбер положила его на ладонь и профессиональным жестом поднесла к лицу.

— Это кольцо, — сказала она, помолчав, — очень дорого для тебя. Потому что это кольцо подарила тебе мать.

— Невероятно! — сказал Майкл. — Потрясающе!

Ева подняла руку, тихо, мол.

— Это было на Рождество, — сказала Амбер, закрыв глаза, будто прислушиваясь. — Нет, на день рождения. Да, на день рождения. Мама подарила тебе это кольцо на твое пятнадцатилетие.

Конечно, все это она узнала от Магнуса. Но тот ни за что не хотел признаться.

— Тише, прошу вас, — сказала Амбер. — Роды были трудные. Еще в утробе у тебя вокруг шеи обвилась пуповина.

У Магнуса отвалилась челюсть. Он повернулся и уставился на Еву.

Амбер снова подняла руки и поднесла кулак с зажатым в нем кольцом ко лбу. Конечно, ей кто-то рассказал. Не Магнус, так Майкл. Правда, Ева с трудом представляла, что Майкл запомнил такую подробность. Но у него сейчас странный период. Он такой непонятный, непредсказуемый. Не один раз Ева заставала его в полной прострации. А позавчера обнаружила в карманах его брюк (вывернув перед отправкой в стирку) вместе с презервативами — обычное дело — листок с коряво написанным алфавитом, и снизу — загадочно-бессмысленный набор слов: жать дать мать стрелять дать кровать снять трать.

Амбер блестяще разыграла свой спектакль. Честное слово — не придерешься. Почти сто-

процентно убедительно. В данный момент она говорила бедному Магнусу превосходно сформулированные и столь же превосходно обтекаемые фразы, подходящие к любой ситуации, о том, что значит быть правдивым и лживым по отношению к себе.

Ева ускользнула в сад. Под розовым кустом лежало несколько камешков. Она подняла один. Смахнула с него сухую землю, потом потерла о ногу. Отлично. Камешек был желтовато-белый, похожий на морские, и кое-где поблескивал.

Вернувшись в дом и дождавшись своей очереди, она подала Амбер камешек. Та подержала его. И рассмеялась.

Вот это? — сказала она.

Ева кивнула.

Ты уверена?

— Да, — сказала Ева. — Я храню этот камень много лет. И очень ценю.

— Что ты ей дала? Что у нее в руке? — спросил Майкл.

— Секрет, — сказала Ева.

— Хорошо, раз ты так хочешь, пусть будет секрет, — сказала Амбер и, взяв Еву за руку, повела ее на другой конец комнаты к дивану. Вот что она сказала Еве, словно улику сжимая в кулаке

случайный камешек из сада и доверительно склонясь к ней как гадалка:

— Ты рождена в удачное время в удачном месте, после завершения суровых эпох и начала более гуманных. (Это была правда, как нетрудно догадаться.)

У тебя была хорошая ранняя любовь и ранняя потеря. (Это тоже правда.)

Ты ведешь жизнь, о которой и мечтать не могли поколения твоих предков, мужчин и женщин, в результате усилий которых ты родилась в эпоху немыслимой в их время свободы и достатка. (Скажем, это правда в отношении почти всего человечества.)

Ты везучая.

Даже счастливая.

Ты знаешь больше информации, чем способна понять.

— Вот как? — Ева рассмеялась.

Амбер словно не слышала и продолжала:

— Тебе всегда было где с комфортом поспать и с удовольствием поесть — всю твою жизнь.

Так что же еще в таком случае тебе хочется узнать о себе?

И если бы они вдруг очутились сейчас в этой самой гостиной, что важного они могли бы у тебя

узнать — все эти мужчины и женщины, женщины и мужчины, сколько бы их ни было в ряду поколений, живших ради того, чтобы в конце концов на свет появилась ты, пища, негодуя, вся в крови собственной матери?

— Гм, — сказала Ева, у нее перед глазами стоял образ новорожденной Евы, залитой кровью, а Амбер уже встала с дивана, собираясь оставить ее одну и вернуться к столу, чтобы запудрить мозги Майклу; он уже держал наготове, кажется, связку ключей. — Нет, не уходи, ты же не ответила на один вопрос, — сказала она, понизив голос и схватив ее за запястье.

— На какой? — нахмурилась Амбер.

— Который только что задала.

— Я не знаю никаких ответов, — сказала Амбер.

— И тем не менее, — сказала Ева, продолжая удерживать ее.

Амбер взяла Еву за руку, раскрыла ее ладонь. Потом положила в нее белый камешек, хранящий тепло ее руки, и закрыла пальцы Евы в кулак. В тот же момент она сжала ее кулак обеими руками и потрясла, словно от души поздравляя с чем-то.

— Ты — гениальная симулянтка, — сказала она. — Молодец, отличная игра. Высший класс.

Вот снимок Евы Смарт в светло-сером льняном костюме, сделанный летом 2003 года в освещенном луной саду их загородного дома. Она спокойна и уверенна в себе. Спокойна и уверенна.

А это снимок Евы Смарт (42 года), сделанный летом 2003 года, когда она весь сезон работала над своей новой книгой в идиллическом летнем бунгало при загородном особняке, который снимала вместе с мужем, Майклом Смартом; посмотрите, как падает свет на подсыхающие чернила на странице с уверенными четкими строчками, и как она на мгновение застыла в задумчивости, и как фотографу удалось поймать это мгновение, и облачко то ли дыма, то ли пыли в луче солнца, и каким по-особенному значимым из-за этого кажется луч света, заглянувший в тот день в окно летнего бунгало.

А это снимок семьи Смартов, сделанный летом 2003 года перед дверью их загородного дома в Норфолке, который они снимали в тот год; Ева и Астрид Смарт стоят на переднем плане, обнявшись, а позади фигуры Магнуса и Майкла Смартов, рука Майкла лежит на плече Магнуса.

Все члены семьи улыбаются. Но кому предназначены их улыбки? Может быть, самим себе,

там, в будущем? Или фотографу? О чем говорят их улыбки? О том, что Майкл снова явился домой, пахнущий другой женщиной? О том, что Магнус вырос настолько точной копией отца, что Ева с трудом может находиться с ним в одной комнате? Или о том, что Астрид раздражает Еву до чертиков, что эта паршивка вообще не достойна иметь отца — она-то, Ева, живет с этим всю жизнь, — пусть спасибо скажет, что мать у нее жива-здорова!

Ева бесцельно бродила по саду, сама в шоке от своих чувств и от того, как упоительно испытывать дикую злость, куря по полсигареты, чтобы отогнать назойливых комаров с болот. Да что это за жизнь, если нужно искать предлог, чтобы покурить? Хотя есть ли в Норфолке болота, или она что-то путает? Хрен знает. А ведь это тоже притворство — изображать незнание? Девица взяла ее за руку и назвала симулянткой. Так она симулянтка? Симулянтка по жизни или только здесь, в Норфолке? Норфальшь. Ева почувствовала, что опьянела. Сердце колотится как бешеное. У Евы Смарт взбесилось сердце, ха-ха. Красиво сказано. Да просто гениально. Словно о сердце, принадлежащем совершенно незнакомому человеку.

Одна мысль о том, что она, Ева Смарт (42 года)

может быть совсем не тем человеком, которым кажется, заставляло ее сердце колотиться быстрее, чем все эти годы, даже быстрее ее «Кванта».

За несколько дней до этого Ева искала Амбер, чтобы рассказать ей свой сон и спросить, как она думает, что бы это значило. Еве приснилось, что Майкл получает любовные письма от всех студенток, с которыми он спал, и что эти письма аккуратно отпечатаны у него на ногтях обеих рук, словно на крохотных страничках знаменитых «самых маленьких Библий в мире» из Книги рекордов Гиннесса, причем шрифтом меньшего размера, чем в услуге «Ваше имя на зернышке риса». Письма можно прочитать, но только при помощи особого микроскопа, прокат которого стоит баснословно дорого, и Ева проснулась до того, как заполнила во сне все необходимые документы для проката.

За завтраком Ева сочинила версию сна, не затрагивающую их с Майклом отношения. За завтраком Астрид рассказала ей, что Амбер очень классно толкует сны. Но тогда Ева не могла ее найти. Та словно испарилась. В саду ее не было. В машине тоже. Впрочем, машина стояла на месте, перед домом, значит, она тоже где-то поблизости.

Она была не с Магнусом, который сидел в гостиной, уткнувшись в книжку. И не с Астрид; Ева видела, как та маялась в одиночестве, сидя под деревом с демонстративно-скучающим видом. И уж точно не с Майклом.

Ева взбежала по лестнице и громко позвала Амбер. Тут она заметила какое-то движение внизу. Но увы — это была всего лишь уборщица, она переносила пылесос через коридор в гостиную, волоча за собой шнур и прижимая его бокастое тулово к себе одной рукой, а запчасти и разные щетки — другой.

— Катрина, простите! — крикнула сверху Ева.

Та замерла. Она стояла неподвижно, в ожидании, по-прежнему спиной к Еве.

— Вы, случайно, не видели где-нибудь в деревне нашу гостью? — спросила Ева. — Ее зовут Амбер.

Не поворачиваясь, Катрина помотала головой и продолжила свое шествие с пылесосом, но явно бормоча что-то под нос. Ева толком не расслышала.

Вот что ей послышалось: *ее зовут янтарь.*

?

Ерунда какая. Уборщица пошла с пылесосом под мышкой в сторону прихожей.

Не то чтобы Ева боялась попросить Катрину

повторить, что она сказала. Нет, конечно. И не то чтобы Еву в принципе настораживала эта женщина, на вид из бедных, преждевременно увядшая, пожалуй и придурковатая, взгляд все время в пол, никогда не смотрит Еве в глаза и разговаривает с ней либо повернувшись спиной, либо глядя куда-то в сторону, что определенно говорит о полном отсутствии ответственности, а кроме того, о том, что шторы в гостиной никогда не будут сняты и отданы в прачечную, сколько бы Ева об этом ни просила, и вообще, она напоминает упрямую уборщицу из какого-нибудь комедийного телесериала, но странным образом (как это выходит?) Еве порой кажется, ощущение, что это она, Ева — некий персонаж, что это ее жизнь куда менее насыщена, чем тусклое существование Чистюли, которое Ева так рисует в своем воображении: комната с дешевыми обоями да супермаркет на окраине деревни с товарами по низким ценам. И этой своей оскорбительной манерой отвечать, отвернувшись в сторону, и невнятным бурчанием вместо ответа на вопрос, который Ева и задать-то не успела, она оставляет Еву в тупом недоумении, словно человек, который должен был — за неплохую плату — немного облегчить Еве жизнь, вдруг избил ее и унизил.

Ева стояла на верхней площадке; снизу заревел пылесос.

Ева проснулась среди ночи. Майкл спал рядом, голова под подушкой. В комнате было светло как днем — из-за яркой луны. У изножья кровати двигались какие — то люди.

— Кто вы? — спросила Ева.

Она потрясла подушку Майкла. Он не просыпался.

Там было двое мужчин и три женщины. Одна женщина привалилась к спинке кровати, держа на руках крошечного и совершенно неподвижного ребенка. Предмет, который держала другая женщина, мерцал в темноте, словно горсть битого стекла. Один из мужчин, стоящий позади женщин, имел бывалый, даже суровый вид. Одежда и лицо второго поблескивали, будто от влаги. У последней женщины была старомодная прическа, как в исторических сериалах Би-би-си. В руке она держала продолговатый предмет, напоминающий трубу, светящийся на конце. Она направила луч света Еве прямо в глаза. Ева закрыла лицо ладонями. Когда ослепление прошло, она увидела, что все они исчезли, а там, где сидела женщина с ребенком, теперь стояла другая, пожилая женщина. Ева узнала в ней свою

мать. На ней был халат, словно она только что из ванной.

— Здравствуй, — сказала Ева. — Где ты была?

— Зачем ты об этом. Ты же знаешь, я умерла, — ответила мать.

Ева снова потрясла подушку Майкла. Он проснулся.

— Да, — словно отвечал на вопрос.

— Приходила моя мать, — сказала Ева.

— Да? — сказала Майкл озадаченно. — Сюда? Где она была? Где она?

— Она ушла, — ответила Ева.

— Хочешь, я тебе чего-нибудь принесу? — сказал Майкл. — Может, чаю?

— Да, — сказала Ева. — Спасибо, Майкл.

Майкл встал с постели и спустился вниз. Ева села в постели, прислушиваясь к обычным звукам спящего дома. Вот Майкл поднимается по лестнице. Он входит с двумя кружками в руках и подает ей одну ручкой вперед, чтобы она не обожглась.

— Спасибо, — сказала Ева. — Ты мой милый.

— Да ладно, ерунда. Дурной сон? — спросил он.

— Нет, — сказала Ева. — Это был очень хороший сон.

Они пили чай, поговорили немного и снова улеглись спать.

Был ли сон реальностью? Или реальность — лишь сном? Ева пошла в деревню, там, она знала, есть церковь. Она подумала, а вдруг поможет.

Но церковь была заперта. На двери была записка с объяснениями, у кого взять ключ.

Ева нашла дом «хранителя ключа». На звонок вышла женщина, вероятно его жена.

— Вы действительно приехали с целью осмотреть деревню? — спросила она.

Это была плотная женщина в фартуке. С той же характерной челюстью, что у Катрины-Чистюли. Она смотрела на Еву почти с угрозой.

— Да, — сказал Ева. — Я живу в доме Оррисов, мы с мужем сняли его на все лето.

— Нет, я не о том; вы действительно хотите увидеть достопримечательности? У вас имеется постоянное жилье?

— Разумеется, — ответила Ева.

— У вас есть при себе счет за электричество или газ? — спросила женщина. — Или другой документ, где указано ваше имя и адрес?

— С собой нет, конечно, — сказала Ева. — Я не знала, что это необходимо для входа в церковь.

— Что ж, теперь знаете, — сказала женщина.

— Но вы можете позвонить миссис Оррис, я уверена, она за меня поручится, — сказала Ева. — Вы

знаете миссис Оррис?

— Знаю ли я миссис Оррис? — сказала женщина. — Так это вы приехали с семьей?

— Несомненно, — сказала Ева.

Она записала имя и адрес Евы. Потом закрыла дверь перед ее носом. А через три минуты принесла ей старинный ключ с бородкой на грубой веревке.

— Вы собираетесь помолиться или просто поглазеть, а? — спросила женщина.

— Пожалуй, и то и другое, — сказала Ева.

— Хорошо, ключ вы получите, но не передавайте его никому постороннему, знаете, тут только отвернись, как там устроится шпана, так что если вы передадите кому-нибудь ключ и в церковь проникнет какой-нибудь бродяга и мы не сможем его оттуда выгнать, то вся вина будет на вас, вам придется все улаживать и полностью оплатить причиненный ущерб.

— Ага, — сказала Ева. — Конечно. Жизнью клянусь.

— И не забудьте принести ключ обратно! — крикнула ей женщина в спину, пока она шла по садовой дорожке меж розовых гвоздик и кустов роз.

Ева направилась обратно через кошмарную

деревню к церкви.

У церкви был солидный, поросший мхом фундамент и мощная, старинная тяжелая дверь. Но, попав внутрь, Ева была разочарована. Ничего примечательного. Пусто, утилитарно, современно — не спасала даже старинная каменная кладка. Некрасиво. И никакой духовной ауры, что бы под этим ни понималось. Впечатление заброшенного, убогого святилища. Ничего, наводящего на размышления об иной жизни, словно там вас ожидают те же мелочные заботы и все окрашено в ту же коричневую гамму. Ева подумала: коричневый — вот истинный национальный цвет, цвет Британии — цвет сепии, кофейным пятном покрывший всю викторианскую эпоху. Коричневый колер церемоний. Юнион Джек,[43] безусловно, должен быть коричнево-бело-синий. Крест святого Георга тоже не должен быть ярко-красным. Лучше — коричневый на белом фоне, словно вустерский соус на белой тарелке или может, кусок белого хлеба с тем же соусом. Юнион Джек реял практически над каждой деревушкой в английской глубинке. По дороге сюда они миновали бесконечные вереницы викторианских

[43] Примечания: 43
Общепринятое название государственного флага Великобритании.

домов, на две семьи и отдельных, россыпи двориков и магазинчиков темно-коричневого кирпича, словно забытые декорации к послевоенным сериалам для домохозяек, напоминающие одряхлевших собак, которые еле волокут задние лапы, так что добрый человек должен бы пожалеть их и, повинуясь зову гуманности, немедленно усыпить. Это конец эпохи. Коричневый конец эпохи.

Ева села на заднюю скамью, и ей на секунду стало неловко за подобные мысли. Она попыталась подумать о чем-то глобальном, но ей никак не удавалось отвязаться от мелодии, что крутилась в голове, — она забыла название группы, но в песне пелось о том, что скорее погибнет цивилизация, чем умрет наша любовь, и горы рухнут прежде, чем мы расстанемся. *С возлюбленной мы будем. Вместе навсегда. Так решили звезды. У нас одна судьба.* Подобная судьба ждала героев всех американских сериалов; у Уолтонов была лесопилка прямо за домом, их дочери выходили замуж, а сыновья продолжали отцовское дело или шли на войну, а потом возвращались с нее, и старший сын становился «голосом за кадром», ведя торжественную летопись жизни семейства на горе Уолтонов, названной в их честь, а Лаура и ее сестра Мэри вместе с матерью и отцом

фактически построили целый городок благодаря беспримерному трудолюбию, а также редкой семейной добродетели, и все ходили в церковь, в строительстве которой принимали участие. Даже когда белокурая красавица Мэри потеряла зрение, спустя несколько серий она вновь прозрела, еще бы, с ее-то прекрасными голубыми глазами — разве можно представить, что такие глаза ослепли навсегда? Отец с матерью с гордостью поглядели друг на друга, когда Лаура спасла целый сад — то ли от засухи, то ли от вредного древоточца, Ева уже не помнила тонкостей. Мама помогала девочкам (да и себе самой) постигать тайны природы, принимая вместе с ними роды у коровы; мать связывало с коровой особое взаимопонимание. На фоне заключительных титров Лаура вновь и вновь сбегала с холма, широко раскинув руки словно крылья, словно не в силах сдержать огромное счастье.[44] Позже, в семнадцать, она, как поет Дженис Ян,[45] «познала истину», потому что после сериала «Маленький

---

[44] Примечания: 44

Речь идет о популярнейшем «семейном» американском сериале!970-х гг. «Уолтоны» (Waltons). Действие начинается в 30-х гг.

[45] Примечания: 45

Ian, Janis (род. 1951) — популярная американская исполнительница песен в романтическом стиле.

домик в прерии» эта гениальная девочка, кажется, больше не снялась ни в одном фильме. По крайней мере, Ева не помнит ни одного фильма с ее участием — а ведь у нее была характерная, запоминающаяся внешность, если она, конечно, не исправила себе прикус.

Ева забралась на скамью с ногами, но вскоре спустила ноги на пол и отряхнула брюки. Она стала вспоминать слова песенки «В семнадцать лет»: там по сюжету девушка воображает, что парни звонят ей и признаются в любви, — ей ничего не остается как только придумывать себе воздыхателей, потому что она дурнушка и никто не шлет ей «валентинок». А еще была печальная песня Марианн Фейтфул[46] про женщину, у которой в ее тридцать семь «все кончено», и она думает, что уже никогда ей не промчаться по Парижу с развевающимися волосами в спортивном кабриолете. Все кончено в семнадцать. И все снова кончено в тридцать семь. А мне-то уже сорок два, подумала Ева. С меня хватит. Ей припомнилась песня какого-то немецкого рокера — кассету принес им в класс для практики перевода учитель немецкого, — светлый щуплый

[46] Примечания: 46

Мариан Фейтфул (Marianne Faithful) — известная поп-певица 60-х — 70-х гг., подруга лидера «Роллинг Стоунз» Мика Джаггера.

юноша, вероятно, не старше двадцати двух. *Sie ist vierzig* — пел он- *und siefragt sich, wares nun schonalles?*[47] Ведь она уже никогда не побывает в Калифорнии, в свои сорок два, старая тетка? Ей уж никогда не порезвиться в море с Джимми Дином и остальными кинозвездами, о которых она грезила. *Оставь надежду всяк сюда входящий.* Ева-15, оторвав взгляд от парты, взглянула на Еву-42 — мол, прикинь, сколько лет коту под хвост! — и подмигнула. Ева-42, сидя в церкви, позади которой под травой и могильными плитами покоились сотни усопших, вдруг подумала, интересно, как идут ее книги на «Амазоне». Интересно, есть в этой дыре интернет, чтобы пойти и проверить.

Потом она подумала, а *пошли* бы ее книги (ко дну?) на настоящей Амазонке, если бы она бросала их через борт корабля.

Эта картина — она стоит на палубе и смотрит, как тонут ее собственные книги, — была так нелепа, что она от неожиданности расхохоталась в голос. Звонкий смех наполнил всю церковь. Какая невоспитанность. Когда она перестала смеяться, эхо еще долго стояло у нее в ушах.

---

[47] Примечания: 47

«Ей уже сорок, и она думает: неужели это всё?» (нем.). Строка из песни знаменитого немецкого рок-певца Удо Линденберга (род. 1946 г.).

Она закрыла церковь и вернула ключ суровой хранительнице.

— Что у тебя с коленом? — ни с того ни с сего спросила как-то вечером у Евы Амбер.

— Ничего, — сказала она. — А что?

— Когда ты сидишь, то все время держишься за него вот так, под таким углом, — сказала Амбер.

— Да нет, — сказала она. — А вообще странно, что ты спросила, — я действительно сильно повредила колено, но это было много лет назад, все давно прошло. Вот странно. Я и не замечала за собой этой привычки. Неверное, я до сих пор тревожусь за него.

— Колено выздоровело не до конца, — сказала Амбер, — раз ты все время за него держишься.

— Но я ничего не чувствую, — сказала Ева.

— Зато я вижу, — отвечала Амбер.

Она подошла к Еве и опустилась перед ней на колени. Затем обхватила ее за колено обеими ладонями и начала разминать его мышцы большими пальцами. От колена по всему телу Евы расходилась волна паники.

— Право не стоит, у меня ничего не болит, — сказала она.

Амбер словно не слышала. Она надавливала на колено очень сильно. Ладони у нее были го-

рячие.

Осторожно, — сказала Ева.

Ага, — сказала Амбер.

Она начала массировать колено рукой, и у Евы возникло странное ощущение — обычно оно возникало у нее в самолете в неприятный момент взлета, — сердце ушло в пятки, тело напряжено в ожидании худшего, ноги уперты в пол, руки крепко сжимают подлокотники.

Ева решила нарушить молчание. И стала говорить, что в голову взбредет.

Позже вечером, когда они собирались ложиться, оказалось, что Майкл на нее всерьез обиделся.

— Ты никогда не говорила, что у тебя больное колено, — сказал он. — Мы вместе столько лет, а ты никогда об этом не упоминала, ни единого раза. Почему, Ева?

— Ты не спрашивал, — ответила Ева и улеглась в кровать.

Майкл: Так что же случилось?

Ева: Я упала с лошади.

Майкл: С лошади? Ты что, занималась верховой ездой?

Ева: Это было до тебя.

Майкл не слушал, ему на самом деле было

все равно, что с ней случилось. Он метался по спальне как балованный мальчишка в поисках своей любимой подушки. Ева откинула одеяло, чтобы он увидел: подушка у нее под коленом.

Ева: Я возьму ее на эту ночь, ладно?

Майкл: Ты же знаешь, это невозможно. Я не могу без нее спать.

Ева: Тебе что, трудно взять другую? Так я точно засну, мне нужно положить что-нибудь под мою бедную коленку после этой экзекуции, а твоя подушка как раз идеальной формы.

На самом деле ощущения в колене были прекрасные, но она не хотела признаваться в этом Майклу. На самом деле она чувствала себя лучше, чем за все последние годы, и Еве было досадно, хотя она и понимала, что это эгоизм, что Майкл ни разу за их долгую — больше десяти лет! — совместную жизнь не заметил, что у нее больное колено. Для этого им понадобилась какая-то незнакомая девица. Сколько еще мелочей от него ускользнуло? И сколького не замечала она, привыкнув молча принимать его «странности»?

Она отдала Майклу подушку; он тут же погасил свет и водрузил подушку на ухо.

Ева неподвижно лежала в темноте, сложив руки на животе. Лежала, а ее раздражение все

росло и росло.

Она очень осторожно выбралась из постели, надела халат и тихонечко спустилась вниз.

Амбер лежала на заднем сиденье своей машины. Увидев Еву через опущенное окно, она ногой распахнула дверцу и свернулась калачиком, освобождая местечко для Евы.

— Не спится? — спросила она.

Ева помотала головой.

— Хочешь прокатиться?

— Если ты не занята, — сказала Ева.

Амбер расхохоталась и дернула плечом.

— По уши, — сказала она.

— Ну, то есть, я хотела сказать не «занята», а «устала», — поправилась Ева. — Если ты не устала.

— Да ни капельки, — сказала Амбер. Она перелезла через спинку на водительское сиденье и открыла переднюю дверцу для Евы.

Сорок миль в час по проселочным дорогам Норфолка, фары освещают ошалевших насекомых и серые придорожные кусты. У обеих, у Евы и у Амбер, локти на опущенных до конца стеклах, их овевает прохладно — теплый ночной ветерок.

Я чувствую себя преступницей, — сказала Ева.

Люблю ехать куда глаза глядят, — сказала

Ева. — Гораздо больше, чем ехать куда-то.

Мы прямо как Тельма и Луиза, — сказала Ева.

У-ух! — сказала Ева.

— Мне было двадцать три года, — сказала Ева, — я ехала в лондонском метро, а напротив сидел парень, ужасно симпатичный парень. Он читал какую-то книгу. Это меня и зацепило — книга была умная, а у него на груди была табличка работника «Карри».[48] И на этой самой табличке было написано его имя, Адам. Я подождала, пока он поднял голову и заметил мой взгляд, и тогда сказала: ты в жизни не поверишь, но меня зовут Ева. А он ответил: ты в жизни не поверишь, сколько девушек подходят ко мне и говорят, что их зовут Ева. Потом улыбнулся и как ни в чем не бывало уткнулся в свою книгу, словно я перестала существовать. Я впервые осмелилась на подобный поступок — то есть я не заговаривала первой с парнями, разве что здоровалась, и уж тем более не обращалась с такой тирадой к человеку, которого увидела впервые в жизни. Я встала, собираясь выйти из вагона, но сначала подошла к нему, наклонилась, — кстати, он читал книгу про одного польского режиссера, Адам

[48] Примечания: 48

«Карри» (Сипу) — сеть закусочных быстрого питания в Великобритании.

всегда интересовался вещами, которые входили в моду и вызывали общий интерес только через несколько лет. Так вот, я наклонилась к нему и сказала: да, но до тебя не дошло — я настоящая Ева, та самая, и потом я вышла, это была не моя остановка, но мне позарез надо было выйти. Я поднялась по эскалатору, вышла на улицу и встала там на ветру, злясь на себя, дуреху, но в то же время испытывая восторг. Я повторяла себе: «он того не стоит» — ну понимаешь, он же работал в «Кэрри», и была права, потому что, как оказалось позже, он был лишен честолюбия, напрочь, можно сказать, что Адам обладал «античестолюбием». Но в результате я стояла в совершенно незнакомом месте, абсолютно не представляя, что это за район, теперь мне надо было покупать новый билет, потому что я вышла на улицу, и я повернулась, чтобы пойти к метро, — и тут вижу его, прямо за своей спиной, как в старых фильмах, еще и дождь капал, классический кадр, ха-ха, и тогда я говорю привет, и он говорит привет, и я спрашиваю, ты что, специально вышел за мной из вагона и поднялся по эскалатору наверх? А он говорит: да нет, вообще-то это моя станция, я живу за углом, и он показал куда-то. А потом спрашивает: ты правда Ева? И я сказала, да. Тогда

он говорит, хочешь, выпьем где-нибудь кофе? И я сказала, да.

Закончив, Ева откинулась на сиденье.

— Здорово, правда? — воскликнула она. — Как это он сказал: *ты правда Ева?*

— Боже, какая нудотина, — сказала Амбер.

— Чт… Что? — спросила Ева.

— И это все? — сказала Амбер. — Это и есть момент истины, кульминация, встреча-двух-сердец, только между нами девочками, звон свадебных колоколов, и все пустились в пляс? Нет, подруга, Богом клянусь, тебе придется поведать мне байку повеселее, на х…, иначе я сейчас захраплю прямо за рулем.

— Ты что, заснешь? — засмеялась Ева.

— А дальше пойдет рассказ о том, как ты рожала своих деток, как это было ужасно или как легко, да насрать мне, вот же бля, — сказала Амбер.

— Что ж, с Магнусом, как ты знаешь, были трудные роды, но в результате мы оба полностью оправились. Если честно, это после Астрид я как-то совершенно расклеилась. Я до сих пор это ощущаю. Но малыши так чудно пахнут! Поверишь, я все бы отдала, только бы еще раз вдохнуть запах своего маленького, — сказала Ева.

Амбер швырнула недокуренную сигарету в

окно — она была в ярости. Похоже, шутки кончились. А машина неслась все быстрее. Амбер словно всем весом давила на педаль газа. И с каждым словом выжимала из двигателя еще и еще.

— Иссус уписался на х..., все эти бесконечные сраные вечные кретинские сюси-муси, — уже кричала она.

— Прошу тебя, сбавь скорость. И хватит ругаться, — попросила Ева.

— Заехать бы тебе со всей дури под дых, — сказала Амбер. — Вот тогда тебе будет что вспомнить.

Она сняла руки с руля и шарахнула по нему раскрытыми ладонями. Машину повело и тряхнуло.

— Не надо! — крикнула Ева.

Машина затряслась, сильно накренившись вправо, когда Амбер на скорости еле вписалась в левый поворот.

Еве стало по-настоящему страшно.

Ева поехала в Лондон на встречу с издателем. После Норфолка Лондон показался ей нереально шумным и суетливым.

Аманда, глава издательства, пригласила ее пообедать в «Алистер Литтл» в Сохо — теперь они могли себе это позволить. По дороге Ева остановилась и дала нищему фунтовую монету.

Аманда порылась в сумке, чтобы последовать ее примеру. Пока они шли от конторы к ресторану, Ева останавливалась и подавала каждому, кто просил милостыню, — просто чтобы посмотреть на реакцию Аманды.

— Держите, — сказала Ева, протягивая жалкому потрепанному мужчине купюру в пять фунтов.

Тот застыл в изумлении. Потом засиял. Он пожал Еве руку. Аманда немного подумала, потом заглянула в кошелек, в отделение для купюр, и достала десятку, новенькую, коричневую.

Ну ни хрена себе, подумала Ева.

Мужчина дернулся, будто в танце.

— Благодарю вас, дамы, — сказал он. — Удачного вам дня.

Ресторан был заполнен людьми, которые пришли посмотреть, кто еще обедает в этом ресторане.

У Аманды всегда был такой вид, как будто она составила и зазубрила список вещей, который надо обсудить с Евой и потом, по мере их «непринужденной» беседы, мысленно ставила галочку напротив каждого пункта. Шестьдесят семь с половиной тысяч, и продажи растут, сказала она, разделавшись с пунктами «семья» и «отпуск». Это потрясающе. Спрос на первые пять книг тоже

совершенно фантастический. Ну и конечно я хочу задать вам вопрос, ответ на который жаждут услышать ваши поклонники. Как продвигается новое «Интервью»?

— Помаленьку, — сказала Ева.

— А по срокам, как вам апрель? — спросила Аманда, заглядывая в ежедневник.

— Апрель будет что надо, — ответила Ева.

— Отлично, — сказала Аманда.

— Я решила написать о человеке, который умирает, — сказала Ева.

— Да, замечательно, — сказала Аманда.

— Я имею в виду — умирает, всё, конец. Финита. Капут. Конец фильма. Занавес, — сказала Ева.

— Что ж, очень интересная идея, — сказала Аманда. — Хотя «Интервью», как правило, написаны в ином ключе, не так ли? Я хочу сказать, концепция «Интервью» жизнеутверждающая, каждое — своеобразный гимн жизни, не так ли?

— Меня сейчас занимает история о палестинском мальчике — о парнишке двенадцати лет, которого застрелили солдаты, — сказала Ева.

— Когда? — спросила Аманда. — То есть в каком году это было?

Она ничего не понимала.

— В прошлом месяце, — сказала Ева.

— В прошлом месяце? — спросила Аманда. — Что я могу сказать. Это будет значительный удар по спросу.

— Он бросал камни в израильский танк, — сказала Ева. — А что, если написать о человеке, который пока жив, но завтра утром умрет? Например, о каком-нибудь иракце?

— О ком? — просипела Аманда с еще более ошарашенным видом.

— Об и-рак-це. Ну, вы об этом слышали.

— Вы знаете, это имеет слишком прямое отношение к политике, что противоречит принципам нашего издательства, — сказала Аманда. — Честно говоря, я не понимаю, зачем менять исторический фокус, который вывел «Интервью» на пик популярности, иными словами — лично я, как и, безусловно, ваши читатели, убеждена, что именно по этой причине ваши так хорошо про… то есть так популярны, и аудитория уже привыкла к определенной концепции как раз из-за исторической основы…

— Я еще не решила, — перебила Ева. — Может, я вообще не стану писать.

— Если дело в авансе… — сказала Аманда.

— Мне стало казаться, что я написала уже достаточно, — сказала Ева.

— Но вы, вы же только что сказали, что апрель будет что надо! — поставив бокал вина на стол, произнесла Аманда Фарли-Браун, «Джупитер Пресс», с разнесчастным видом.

— Полагаю, это зависит от движения Гольфстрима и поведения соответствующих атмосферных фронтов, — сказала Ева.

— Что зависит? — почти прошептала Аманда.

— Будет ли апрель что надо.

Аманда покраснела и сидела не зная что сказать. Еве вдруг стало стыдно. Она не слишком хорошо знала Аманду. Не знала, как она живет, есть ли у нее трудности, почему она ведет себя именно так, а не иначе. Какие проблемы могли быть у двадцатисемилетней женщины, главного редактора небольшого издательства, недавно вошедшего в крупный издательский холдинг? У бедной Аманды был такой вид, будто ее на завтра приговорили к расстрелу.

— Успокойтесь, — сказала Ева. — Я же пошутила.

— В смысле? — сказала Аманда.

— Книга продвигается, — сказала Ева. — Срок — в самый раз.

У Аманды явно отлегло от сердца.

— Вот оно что, — сказала она. — Отлично. Пре-

красно. Замечательно.

Она покачала головой и отметила что-то в ежедневнике.

— Действие происходит в Шотландии, — сказала Ева. — Думаю, книга публике понравится. Если вкратце, это история про местную сельскую девушку.

— Про местную девушку — это замечательно, — сказала Аманда, усиленно кивая и быстро что-то записывая.

В поезде Ева смотрела на собственное отражение в окне, оно двигалось, убегало и снова возвращалось на фоне мелькающего пейзажа — зарослей кустарника, полей, небольших городков, деревьев, и вдруг испытала приступ омерзения; причем если бы напротив нее сидел — чем черт не шутит — журналист с диктофоном и микрофоном и спросил бы ее почему? — она вряд ли сумела бы внятно объяснить.

Она отвернулась от своего отражения. И попыталась представить, что никакой Амбер не существует. Вот приеду обратно, думала она, а за городом уже лето. Я буду работать над историей деревенской девушки для новой книжки «Интервью». И напишу больше половины.

Но это все равно что представить, будто на све-

те не существует вопросов, или забыть мелодию, которую выучил наизусть давным-давно. Точнее, которая сама втемяшилась в голову. Ева читала, что мелодии буквально «врезаются» нам в мозг подобно миниатюрным лезвицам.

На станции Еву встретил Майкл.

По дороге он разглагольствовал о Петрарке и Сидни, структуре текста и ее вариациях. Очевидно, что он по уши влюбился в Амбер, но на этот раз с нашего «гуся» не просто «стечет вода». Более того, на этот раз охотница ранила гуся, и он в полной растерянности, потому как ему снесло полбашки и он застыл на берегу пруда, пошатываясь на слабеющих лапках. Посмотришь — гусь как гусь. А приглядишься — труп.

Когда они приехали, Ева сразу вошла в гостиную и увидела картину: Амбер сидит на диване, положив руку на ширинку Магнуса. Магнус тут же вскочил.

— Не переживайте, — сказала Амбер. — Он совершеннолетний.

— У меня молнию заело, а Амбер мне помогла, — сказал Магнус.

Из сада с шумом примчалась Астрид, первым делом бросилась к дивану и с разбегу упала на Амбер, обняв ее изо всех сил.

Амбер шутливо зарычала.

— Привет! — крикнула Астрид матери, повернув голову. — Нам было так классно! Мы с Амбер ходили на рыбалку.

— Рыбалку? Чудесно, — сказала Ева.

— Ага, — сказала Амбер.

— Мы ходили к реке и специально старались ничего не поймать, — сказала Астрид. — Мы бросали в воду лески без крючков!

— Но ведь это бессмысленно! — сказала Ева.

— Вот именно! — ответила Астрид.

— Абсолютно, — сказала Амбер.

Они с Астрид вместе захихикали, потом Амбер встала, ухватив дочь Евы под мышку, и, крутанувшись на каблуках, завертела ее в воздухе.

Так проходили дни. Проходили безвозвратно, словно волна физически обрушилась на округу и все стало каким-то дымчатым, с размытыми контурами, затуманенным, расплывчатым, словно живешь под водой, день, ночь, снова день…

— Скажи, что ты чувствуешь теперь, вспоминая, что случилось с той девочкой? — спросила однажды Ева у Амбер уже в начале конца.

— С какой девочкой? — спросила Амбер.

— Ну, с той, которую ты… — сказала Ева. — С той девочкой. Твоя авария.

— Какая девочка? — сказала Амбер. — Какая авария?

Так что же еще в таком случае тебе хочется узнать о себе? Был ли сон реальностью? War es nun schon alles? Ты настоящая Ева? Как продвигается новое «Интервью»? Какая девочка? Какая авария?

Амбер, дивный силуэт в дверном проеме сарая, абслолютно черный, солнце светит ей прямо в спину. Она подходит к Еве, сидящей у стола с ноутбуком, останавливается вплотную и кладет руки ей на плечи, словно собираясь снова хорошенько встряхнуть.

И вдруг целует Еву в губы.

Ева не ожидала, что ее так взволнует поцелуй. Она словно очутилась в каком-то жутком месте. Здесь все было пугающе иначе, словно она вдруг обрела сверхзрение, словно невидимые руки надели ей на голову шлем, и ей стали видимы все не-имеющие-названий, невообразимые цвета за пределами человеческого спектра, и мир за пределами шлема словно замедлил свой бег, чтобы показать ей провалы пространства между обыденными предметами, показать, что вещи связывает лишь хрупкие нити, протянутые между этими провалами.

Амбер шла по саду к дому. Что-то насвистывая. Сунув свои дивные руки в карманы и сжимая и разжимая дивные кулаки.

Ева выключила ноутбук и захлопнула крышку.

Майкл был на кухне, он нарезал что-то на идентичные по размеру кубики. Астрид выбежала ей навстречу из гостиной. Магнус вышел из своей комнаты и как раз спускался по лестнице. Ева дождалась момента, когда все могли ее слышать.

— Прощай, — сказала она Амбер.

— А? — сказала та.

— Всё, конец, — сказала Ева. — Прощай.

— Ты куда-то собралась? — спросила Амбер.

— Я — никуда, — ответила Ева.

— Мама! — крикнула Астрид.

Она застыла как вкопанная. Магнус застыл как вкопанный на лестнице. Прекратился стук ножа по дереву; Майкл застыл у стола, с ножом, занесенным в воздухе, на полпути.

— Это надо признать, — сказала Амбер. — Твой путь лежит в никуда.

— То есть? — спросила Ева.

— Ты — труп, — сказала Амбер.

— Вон из моего дома, — сказала Ева.

— Это не твой дом, — сказала Амбер. — Ты лишь арендатор.

— Вон из дома, который я арендую!

Я родилась почти через век после рождения одного француза, чья фамилия переводится как «Свет» и который однажды ночью в конце 1894 года — тогда ему было уже за тридцать — никак не мог заснуть, бессонница замучила, вообще нездоровилось, так вот, он сел в постели, потом встал, начал бродить по дому, и вдруг — эврика! Ну конечно! Нужен шаговый механизм! Как в швейной машинке, благодаря которому она пропускает материю! Он сажает за работу главного инженера на своем заводе. И сам садится за стол и начинает вручную проделывать маленькие дырочки в им же изготовленной фотобумаге. Это они с братом придумали деревянный ящик с «глазом». Он записывает все, что попадает в зону его обзора, с помощью черных, серых и белых теней на протяжении 52 секунд.

Прибытие Парижского экспресса. Зрители первых рядов в ужасе ныряют под стулья! Рабочие выходят из заводских ворот. Зрители в восторге! Мальчик дурачит садовника с помощью шланга. Зрители падают со стульев от смеха! Вот компания играет в карты. Зрители захвачены зрелищем: над головами игроков листья как живые колышутся на ветру! Сотни поездов прибывают

на сотни вокзалов. Сотни рабочих выходят из сотен заводских ворот. Сотни мальчишек дурачат сотни садовников. Сотни листьев колышутся на сотнях задних планов. *Специальное объявление для рабочих и работниц: Не стоит мокнуть под дождем и снегом — теперь вы можете развлекаться целый час всего за 1 пенс от 12.00 до 14.00 в любой день, кроме субботы! Приходите и посмотрите живые картины под названием «События дня»!* Лев нападает на человека. Пара в поцелуе. Похоронная процессия королевы Виктории. Финалы футбольных чемпионатов, скачки «Гранд Нэшнл».[49] Самые Знаменитые Аэропланы Мира в сопровождении Знаменитого «Уориковского Синефона».[50] «Мюзик-холл» переименован в кинотеатр «Сентрал-холл» под управлением благородных Маккензи. Перед сеансами у них играет пианистка, для придания заведению респектабельности. «Волшебная лампа Аладдина». «Что будут делать женщины». «Сундук раджи». Женщина встает из сундука в пещере и как по волшебству вокруг появляется сонм танцовщиц.

---

[49] Примечания: 49

Крупнейшие скачки с препятствиями; проводятся ежегодно весной на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля.

[50] Примечания: 50

Один из первых звуковых процессоров, изобретенных в США, 1909 г.

Цензор закрасил красными чернилами тела танцовщиц на каждом кадре. Красные потеки так и бросаются в глаза на фоне слишком оголенных шей и ног танцовщиц.

Красный означает страсть или нечто связанное с огнем. Зеленый — цвет идиллии. Синий означает ночь, темноту. Янтарный — это светильник, зажженный во тьме.

«Спасенный из орлиного гнезда». «Поэт-самоубийца». Бомбастус Шекспир испробовал двенадцать различных способов самоубийства. Он терпит неудачу, но в результате все равно умирает. Чистый ужас от начала до конца. Мужчина выходит на сцену и рассказывает сюжет по мере развития сюжета на экране. Маленькую девочку похищают цыгане, спрятав в бочке. Но бочка падает в реку и плывет прямо к водопаду. Торговец мукой заключает фантастическую сделку, в результате которой сотни его рабочих обнищают. Но, оступившись, падает в собственные закрома с зерном, и экран расцветает золотом, покрывая задыхающегося мерзавца забвением. Кинотеатр «Сентрал-холл» переименован в «Альгамбру». Проект здания был специально разработан в полном соответствии с законом о кинематографии

1910 года[51] с целью обеспечения комфорта и безопасности и с честью выдержит сравнение с любым современным кинотеатром высшего класса в Лондоне или Глазго. Там есть кафе. Там играет полноценный оркестр: пианино, виолончель, скрипка, ударные. Зал рассчитан на 1000 человек. Сцена длиной в тридцать четыре фута украшена по бокам фигурами в восточном стиле. Главный управляющий кинотеатра лично потрясает цепью в специальной бочке за кулисами в момент гонки колесниц в «Бен Гуре». Каждый четверг два брата приплывали на пароме с Блэк-Айла[52] вместе со своими собаками посмотреть кино и всегда сидели на одних и тех же местах. Однажды братья не явились, но одна из собак, серый охотничий пес по кличке Гектор, сидела на своем привычном месте и досмотрела сеанс до конца.

Драки, пожары, восстания, бури: это Бетховен, «Вильгельм Тель»[53], Вагнер. Интриги, кражи

---

[51] Примечания: 51

Первый закон в Великобритании, регулирующий кинопрокатную деятельность, в частности обязующий кинопрокатчиков заботиться о комфорте и безопасности зрителей.

[52] Примечания: 52

Полуостров на сев. Шотландии.

[53] Примечания: 53

Опера Дж. Россини.

со взломом и т. п.: Григ, Лист, Бетховен. Любовь, мелодрама: «Дорогой мой старый друг», «Тень твоей улыбки», «Вытри свои слезы».[54] Поцелуи: зрители на дешевых местах свистят и улюлюкают. Все знают — если пленка испещерена белыми полосками, словно струями дождя, значит, фильм — первый класс. Чаплин — король этих «дождевых» картин. Его тросточка вся в мелких щербинках, словно состоит из позвонков. Он поднимает котелок перед предметом, о который споткнулся на дороге. Останавливается, чтобы осмотреть дырку в башмаке. Проносящаяся мимо машина толкает его, и он летит в пыль. Поднимается. Чистит одежду карманной щеточкой. Садится под дерево. Полирует ногти, прежде чем приступить к трапезе — черствой горбушке ржаного хлеба. *Несколько управляющих кинотеатров сообщили, что после двух недель проката комедий Чаплина шурупы кресел в кинозалах разбалтываются, поскольку из-за смеха зрителей возникает мощная вибрация.* Пока, Чарли, кричат в экран мальчишки, когда фильм кончается. Далее героиня, привязанная к ленте конвейера, неуклонно движется к циркулярной пиле. *Мужчины — лишь*

---

[54] Примечания: 54
Знаменитые джазовые композиции 30-х гг.

подросшие мальчишки. Прошлое возникает прямо у вас в комнате, поляна посреди леса, мертвец прямо посреди комнаты. *Ты трус! Узнав правду, ты просто сбежал! Я сделаю все, чтобы твой сын никогда не увидел тебя.* Иисус помогает прозреть ребенку. *О, кажется… Кажется, я вижу свет.* Свет любви. Мэри Пикфорд говорит монахине, что хочет вернуть своего ребенка. Та отрицательно качает головой. *Знаю, сестра Лючия, вы думаете, я сошла сума. Но это не так.* Полиция расстреливает бастующих шахтеров. *Язычник-китаец вкушает плоды двухтысячелетней цивилизации.* Лилиан Гиш вот — вот отрубят голову в буйстве Французской революции. *Когда женщина любит, она прощает.* Констанс Талмадж[55] живет в горах и отказывается выходить замуж. «Голубая и красная кровь». «Десять заповедей». «Кэмпбеллы идут». «Гордость рода». Новый фильм Сесила де Милля,[56] дама принимает ванну. Наутро в мире происходит революция дизайна ванных комнат. «Пуританские страсти». «Соблазн». «Играя с душами». «Дон Жуан». «Приключения Дороти

---

[55] Примечания: 55

Знаменитая американская актриса (1897–1973).

[56] Примечания: 56

Сесил де Милль(1881–1959) — легендарный голливудский кинорежиссер и продюсер.

Дэйр, дочери Бесстрашного». «Руфь из рода Роки». «Жемчужина армии». Герцог выходит из своего служебного автомобиля. Шофер герцога обходит машину спереди, чтобы изучить повреждения от удара бомбы. *«Исчезнувшая нация», «Стертые границы», «Плодородная земля, обращенная в пустыню», «Король в изгнании», «Корреспонтенты «Пате Ньюс» на передовой».* Из окопа вылезают то ли семь, толи восемь человек. Один падает навзничь, он мертв. Кинотеатр «Альгамбра»: ресторан, кафе, удобная парковка. *Я так хотел бы иметь твой оживший снимок.* В конце фильма зрители сидят не шевелясь, словно в ступоре. Оркестра уже нет. Европейские фильмы не идут. Американских в три раза больше, чем раньше. В городе шесть кинотеатров. А городок-то небольшой. Но в каждый кинотеатр двухчасовые очереди. «Импайр», «Пэлес», «Плейхаус», «Квинс», «Плаза», «Альгамбра». Там сиденья с деревянными спинками. Там стены в стиле ар деко. Колонны. По верху колонн идет позолоченный ряд витиеватых букв: К (ино) — Т (еатр) — А (-льгам- бра). На окнах золотистые шторы с такими гигантскими волнистыми рюшами, которые лежат роскошными чувственными волнами. Люстры подвешены под затейливым куполом

потолка на такой высоте, что поменять лампочки в них под силу разве что Богу. Сержант — майор в отставке, участник Второй мировой, тщательно распыляет в проходах содержимое хромированного баллончика «Сентинель Герм-спрея», *чтобы перед каждым сеансом, день за днем воздух в зале был обработан антисептиком и имел приятный запах. Придай квартире* современный дух. *Пусть «Сентинелем» пахнет все вокруг. Scentinel Sales New Hygiene Ltd., 266–268 Holloway Rd, London N7.*

Места на балконе дороже. Там, внизу, зрители что — то выкрикивают в экран с американским акцентом. И балкон и партер хором возмущаются на сеансах британских фильмов, где люди в вечерних нарядах разговаривают сдавленными голосами. Мультфильм, короткометражка, киножурнал, анонс культурных событий, малобюджетные, полнометражные картины, Боже, храни королеву. Зрители приносят в зал перекусить. *Полноцветная звуковая версия «Вокруг света» на волшебном ковре «Мувитона».*[57] 4 пенса за просмотр «Прекрасной Земли» — не дороже батона хлеба. «Мир меняется». «Я — вор». «Дама Ниоткуда». «Женщина против женщины».

---

[57] Примечания: 57

Одна из четырех систем в американской киноиндустрии, синхронизирующих звук и изображение.

«Давай поженимся» в паре с «Опасным приключением». «Марш времени». «Международное соглашение». Все шесть кинотеатров закрывают на две недели из-за угрозы вторжения. Но уже спустя неделю открывают. Только неоновые огни не горят. «Великий диктатор». «Парень встречает девушку». Управляющий «Альгамбра», г-н О. Х. Кэмпбелл, выходит на сцену посреди картины с Фрэнком Синатрой. Победа в Европе!

Все ликуют. Победа над Японией! «Большие надежды». «Унесенные ветром». Из зала выносят ревущих детей посреди сцены пожара в «Бемби». У многих теперь собственные телевизоры, и они смотрят «собтсвенные» коронации. Экраны в кинотеатре теперь в три раза больше. «Синерама». «Синемаскоп». «Уайдскрин». «Нэчерал Вижн».[58] Лев кидается с экрана прямо в зал. «Величайшее шоу мира». И снова «Бен Гур». И снова «Десять заповедей».

Муравей ползет по лезвию травинки, растущей из трещины в могильной плите Сесила де Милля. В «Плазе» больше не показывают кино. «Квинс» сгорает. «Эмпайр» закрывается. В «Плейхаусе» устраивают «Бинго-клуб». «По парку

---

[58] Примечания: 58

Названия систем аппаратуры 30-х гг. для показа широкоэкранных или широкоформатных фильмов.

босиком». «Вдали от безумной толпы». Натали Вуд и Роберт Редфорд смеются по дороге домой из кино в «Проклятой собственности». Кинотеатр снесен. Снесен. «Бинго-клуб». Снесен. Церковь Адвентистов седьмого дня. Снесена. Снесена. Открытый авторынок. Снесен. Супермаркет. Снесен. Магазин мебели. Снесен. Церковь. Снесена. Ночной клуб. Снесен. Снесен. Дискоклуб. Снесен. Ресторан. Уникальный фасад. «Бинго-клуб». Снесен. Снесен. Снесен. Снесен. «Порше» Стивена Макквина разбивается на гоночном треке. Он поправится? Империя Бредфордов. Империя Пламстедов. Империя Пенджей. Иппордром Колчестера. «Глазго Нью-Савой». «Эгберт — Риволи». Кинодром «Дингл». «Киркуолл Феникс». «Харрогейт Скала». «Саут-Шилдс Скала». «Колизей Лидс». «Кирсалди Риалто». «Клэпхам Маджестик». «Альгамбра Дарлингтона». «Альгамбра Перта». «Льютон Пэлес». «Ларгс Пэлес». «Страуд Пэлес». «Бристоль

Пэлес». «Майда Вейл Пэлес». Изображение уходит в точку. В черный экран. Когда разрушают стены, все показанные здесь фильмы поднимаются из потревоженных могил, прозрачные, словно души мертвых, восставшие из тел.

Берт Ланкастер целует на трапеции Джину

Лоллобриджиду, высоко-высоко над зрителями.

Гостиная в великолепном старом особняке, где проходит многолюдный прием, наполняется усыпляющим газом через систему вентиляции, и все падают на пол.

Клоун, снаряжающий самолет Величайшей Армии бомбами, демонстрирует их зрителю. Бомбы, заостренные книзу, висят подобно паре женских грудей.

С тысяч полей битвы встают тысячи погибших и куда-то бредут. Они идут и идут и превращаются в огромную толпу. Хромоногие, забинтованные, с бескровными лицами, они поддерживают друг друга и походят вовсе не на зомби, а на обыкновенных бродяг, они идут к домам живых людей и глядят и глядят, подойдя вплотную к окнам.

Женщина дирижирует миниатюрным оркестром, музыканты росточком не больше ее ладони.

Простая деревенская девушка стоит под дождем золотых монет. Минуту назад у нее не хватало даже на еду. Вот впереди открывается дверь. За ней — Волшебная страна.

Представители агентства появляются из воздуха посреди комнаты; хозяева объясняют им, что им нужно перевезти все вещи в новый дом на другом конце города. Те кивают — и снова исче-

зают, только что были тут, раз — и нету. Хозяева в недоумении. Они качают головами, скребут в затылке. И вдруг книги начинают сами по себе слезать с полок, потом прыгают на подоконники и бросаются вниз. Видно, как они бодро шагают по улице, шевеля крылышками-страницами. Из буфета сами по себе начинают выбираться тарелки. Выстраиваются в шеренгу, топают к окну — и вниз. За ними — чашки. Самоубийцы. Что интересно — ни одна не разбивается. За чашками маршируют вилки-ложки. Вот за окно полетели стулья. Из шкафов начинает вылезать одежда. Вот и ботинки, сначала взрослые, за ними — детские, поменьше, идут себе деловито — и за дверь. Ковры сами скатываются в рулоны — и вылетают в окно. Дом сам освобождается от вещей.

«Пале-де-люкс», Альгамбра, место моего зачатия, чье имя я ношу.

Рабочие выходят из заводских ворот и идут по домам. Кончился бесконечно длинный день.

КОНЕЦ

...света. Даже если он будет всего лишь 1 км в диаметре, казалось бы такой пшик, и будет двигаться со скоростью 20 км в секунду — с черепашьей скоростью, все равно это будет конец, конец всему и вся. Даже если он шарахнет где — нибудь в Америке и людям в других концах Земли будет по барабану, потому что Америка для них — на краю света. Он шарахнет где-то в Америке, и горящие куски из огромной воронки, которая образуется там, в Америке, взлетят высоко в небо и в конце концов обрушатся вниз, в числе прочих мест — на Англию. И тогда вся Англия будет охвачена пожаром — не только Лондон или Ислингтон. Будет гореть Норфолк. И Страдфорд. И Ричмонд, и Кью, и тот городок рядом с Бедфордом, куда им иногда приходится тащиться, потому что там живут родители Майкла, — он тоже будет гореть, и Хебден, и все-все города, где Астрид еще не бывала, тоже будут полыхать. Астрид всего на две гласных короче астероида. Астрид-астероид. Пояс астероидов находится между Юпитером и Марсом. Астероид

есть груда космических булыжников, спаянных в одну гигантскую глыбу силой собственной гравитации, как правило, от 1 км в диаметре и больше. «Звезда на стероидах». Вот что сгубило динозавров. Возможно, один-единственнный, каких-то 10 км в диаметре — и все, динозавры в одну секунду стали ископаемыми. Но ведь совсем недавно, всего девяносто пять лет назад, если точнее, ерунда с точки зрения исторического времени и относительно ничтожный процент «лет тому назад», небольшой, смешного размера астероид упал посреди Сибири, — кстати, не чудо ли, погибло всего шесть человек, хотя тот взрыв равнялся по силе взрыву 1000 ядерных ракет. Человечеству поразительно, невероятно повезло, что он упал в Сибири, а не в более людном месте.

Ей не страшно думать о конце света. В воздухе будут сталкиваться бурундуки и скунсы, полыхая темно — алым, словно головешки в форме бурундучков или скунсоподобные бомбочки, и тут же весело горят обломки того знаменитого моста в Сан-Франциско, и останки киностудий, и тот замок, и аттракционы в Диснейленде, и Эмпайр-стейт-билдинг, пыша жаром, словно гигантские угли, взлетая разом на тысячи миль в небо и затем обрушиваясь сверху вниз, наращивая ско-

рость и в конце концов врезаясь прямехонько в циферблат Биг-Бена, и в здание Парламента, и в мост Ватерлоо, и в «Лондонский Глаз»,[59] медленно заваливающиеся набок, а людей, находящихся внутри, швыряет о стены кабинок, словно закрученных гигантской лавиной, и все здания горят, горит «Тейт модерн», горят картины, ресторан, сувенирный магазинчик — всё.

Астрид зевнула.

Сегодня она проснулась очень рано.

Уже утро, но за окном по-прежнему темно. Она смотрит в окно, на небо за крышами домов. Чуть ниже свет фонарей, выше — полная темнота. Отопление пока не включили. Холодно. Сейчас на ней курточка одной из трех новых красных пижам. Поверх курточки — две из нескольких новых красных кофточек, застегнутые на все пуговицы, и наконец новый красный кардиган, тоже полностью застегнутый.

— Нельзя, чтобы вся одежда была красного цвета, — сказала ей мама. — Нельзя носить все одного цвета.

— Это разные оттенки красного, — сказала Астрид.

---

[59] Примечания: 59

London Eye — колесо обозрения в Лондоне, построенное на берегу Темзы в марте 2000 г., самое большое в Европе.

— Кроме того, мне кажется, что красный — не твой цвет, — сказала мама.

Астрид фыркнула и взяла с полки красный кардиган. Мама вздохнула и понесла его на кассу.

Зато Майкл не замечает, или ему по фигу, одежду какого цвета выбирает Астрид — а именно он расплачивается за все покупки, пока мама в отъезде, так что к ее возвращению гардероб Астрид практически полностью «покраснеет».

Она натянула пижамные штанины на пятки — слава богу, они ей немного велики. Ничего, она подрастет.

Уже во многих домах горит свет, люди встают, хотя еще так темно и рано, видимо на работу собираются или еще куда. На новом электронном радиобудильнике 6:35 — он посылает сигнал прямо в Гринвич и получает обратный с указанием самого точного времени. Комната Астрид пахнет новой кроватью, новой мебелью. Сначала этот запах ей страшно нравился, но вскоре начал раздражать. Буквально у всего есть запах. Потому что практически все — новое, на самом деле, и в ее комнате, и почти везде в доме.

Вид голого паркета — это было нечто. Как и вид голых стен. И до сих пор у нее дух захватывает от одного воспоминания. Вернуться домой, войти в

прихожую — а там абсолютно пусто, это как впервые в жизни услышать собственное дыхание. Как будто кто-то взял и врубил уровень громкости твоего дыхания на полную мощность.

Астрид в принципе не жалеет о старых вещах, разве что чуть-чуть. Больше всего ей понравилось, что дом оставался таким же обалденно пустым и через три дня, которые они провели в отеле, и они спали в одолженных у кого-то спальных мешках, на полу, пока не привезли новые кровати.

Удивительный факт: отсутствие дверных ручек, именно ручек, а не других вещей, более крупных или ценных, например плиты «Ага», или компьютера, или редких изданий книг, заставили маму разрыдаться. Она была в отъезде уже больше трех недель. И день ее возвращения по-прежнему неизвестен. У нее что-то вроде кругосветного турне. Это вроде бы крайне важно для карьеры. По мнению же Астрид — крайне безответственный шаг.

Когда они вернулись из Норфолка и вошли в опустевший дом, мама застыла на месте и глядела круглыми глазами, как и все остальные, на голые стены прихожей, потом — на стены каждой комнаты в доме. Они с Майклом даже смеялись

поначалу, стоя рядом или проходя мимо друг друга, озираясь с изумленным видом, словно оказались героями какого-то грандиозного розыгрыша. Потом мама попыталась открыть дверь на лестницу вниз и не смогла, потому что ручки на двери не было.

И тогда она зарыдала.

Они были ручной работы, говорила она. Она твердила и твердила эту фразу как полоумная. Все ручки были ручной работы.

Для нее символом конца стали дверные ручки. Очевидно, конец для разных людей означает разное. Лично Астрид кажется, что дверные ручки — жалкий конец. Это конец, все повторяла мама. Господи, это конец.

Кровати, стулья, полки, дверцы встроенных секций, шкафы с одеждой, все-все предметы с полок, из ящиков, из шкафов. Даже журнальные постеры «Бастед» и других групп со стен комнаты Астрид. Даже синяя изолента, которой они были приклеены. И комоды, и всякие мелочи типа ножниц, эластичных бинтов и т. п., даже какие-то ненужные веревки в ящиках комодов. Не осталось ничего. Ни единой позабытой пуговицы. Как будто полы начисто вымели. Ни скрепочки в трещинах паркета. Единственное, что воры поче-

му-то оставили, — это автоответчик. Он пикал на полу у двери в столовую, мигая своей маленькой красной лампочкой. Они услышали этот звук сразу, как только открыли дверь, обычно пиканье автоответчика слышно сразу, всегда, когда возвращаешься домой и распахиваешь дверь, так что удивителен был не сам по себе звук, а его неестественная, оглушительная громкость. Так казалось потому, что из дома было вынесено все. Сам телефон воры взяли, поэтому Майкл позвонил в полицию по мобильному. Наш дом, сказала Майкл, буквально обчистили. Голос его звучал незнакомо, потому что унесли все ковры, даже дорожки с лестниц, так что все в доме звучало совершенно дико. Стоило кому-то произнести хоть слово — все звучало нереально громко.

Итак, по порядку: они вернулись из Норфолка и припарковали машину. Потом мама отперла дверь. Переступив порог, Астрид услышала пиканье автоответчика. Потом вдруг заметила, что место, где всегда стояла вешалка, какое-то не такое. А именно: никакой вешалки не было. Потом она увидела, что нет не только вешалки — и поняла, на обычном месте не было и книжного шкафа, она помнила вечный абрис шкафа в прихожей. А потом поняла, что стены в каких-то

подозрительных пятнах, — и до нее дошло, что раньше там висели картины. Вот забавно, думает Астрид, она действительно не сразу вспоминала, а порой ей вообще с трудом удавалось припомнить, что находилось на том или ином месте, теперь пустом, осиротевшем.

Потом они прошли в комнаты, в гостиную, детскую, на кухню, созерцая *отсутствие* вещей, которые исчезли все до единой.

Ну, вы поняли.

Выходит, единственное, что у них осталось — разумеется, не считая несчастного автоответчика, — это вещи, которые она, Магнус, мама и Майкл привезли с собой из отпуска, вещи, лежавшие в багажнике джипа, которые они брали из дома в Норфолк. Воры унесли даже краны с раковин. Сняли ручки с регуляторов на батареях, — кстати, этот факт уже доставил им неприятности, потому что на дворе конец октября, и пока не до конца решено с ремонтом и т. п., и в доме иногда бывает по-настоящему холодно, а порой — слишком жарко, если регулятор стоит на максимуме, потому что ни одну батарею в доме нельзя отрегулировать без помощи плоскогубцев.

Были в этом и свои плюсы, потому что теперь

уж Астрид ни за что не влетит за потерянный мобильник, потому что она сказала, что он лежал в ее прикроватной тумбочке, которую, это ясно, украли, как и все остальное.

Мама расспросила всех соседей, но никто не видел и не слышал ничего подозрительного. Муры видели, как грузовой фургон ездил туда-сюда около двух недель назад. Но у нас ничего такого и в мыслях не было, сказали они маме и Майклу. Мы думали, вы переезжаете. И ждали, когда риэлторы поставят табличку, чтобы обратиться к ним по поводу оценки нашего дома.

Нет больше писем ее отца с той фотографией. Они были в портпледе у нее под кроватью, там же, где хранилась обувь, всякие пакеты, постеры, и все это украли.

Астрид смотрит вниз, на дорогу. Потом переводит взгляд дальше по дороге. По улице уже идут люди, садятся в машины и т. п., но она никого не узнает. Не то чтобы она хотела увидеть кого-то из знакомых. Но люди так уж устроены. Мы всегда ищем в людях нечто, что сделает их не чужими.

В свете фонаря с дерева срывается лист. Она следит за его полетом на землю. Потом снова смотрит на светлую полосу над крышами домов. Где-то там, в космосе, летает более миллиона

астероидов, и это лишь те, которые зафиксировали ученые и астрономы. На самом деле их может быть в разы больше. Т. е.

Она уже почти отучилась говорить вслух «т. е.» и тому подобные словечки. Это, конечно, как бы капитуляция. Через три месяца ей будет тринадцать лет. В обычной жизни, спустя эти три месяца, ей пришлось бы достать все свои старые игрушки, и кукол, и кукольные домики, из обоих детских шкафчиков и отдать их каким-нибудь знакомым малышам — Пауэллам, Пакенхемам или детям из бедных — в отличие от Смартов — семей, которые умирают в больницах; Магнус прошел через это, но в ее случае будто кто-то сам достал и роздал их без ее участия. Впрочем, ей интересно, где очутился Гарри, и Кролик, и коллекция бархатных лошадок, и бесчисленные мишки — во всех мыслимых стадиях поношенности или новизны.

— В раю, наверное, — сказал Майкл, когда она задала этот вопрос вслух.

— Послушай, — обратилась она к Майклу недели две назад, когда они с ним сидели в саду, потому что в доме орудовали рабочие из магазина ковров, укладывая их заново на лестницы и в те комнаты, где ковры лежали. — Вот интересно,

почему мне могло бы прийти в голову сделать одну вещь?

— Какую вещь? — спросил Майкл.

Магнус целыми днями сидел дома без всякого дела. Его на два месяца официально отстранили от школьных занятий. Они узнали об этом из сообщения на автоответчике в день приезда. Он и Майкл сидят в своих комнатах дни напролет. Лично Астрид думает, что, будь она отстранена от занятий или уволена с работы, по крайней мере сходила бы в библиотеку, или в книжный, или в бассейн, чем торчать целый день дома протирая задницу — довольно придурочное занятие.

— Ну, если бы я увидела зверька, с виду мертвого, — с какой стати мне бы захотелось ткнуть его палкой? — сказала Астрид.

— Чтобы узнать, живой ли он, — сказал Магнус.

— Но зачем, — продолжала она, — мне совершать такой жестокий поступок, а что, если он не мертвый, что, если он живой и только кажется, что мертвый?

— Чтобы узнать, живой ли он, — повторил Магнус.

Распаковывая свои вещи после приезда, Астрид обнаружила две пленки. Она поехала на автобусе

в «Диксоне»,[60] где, она знала, была демонстрационная камера той же модели, подключенная к монитору. Все было включено. Она открыла крышку камеры, вставила кассетку, и оказалось, что это запись с мертвым зверьком на дороге; она просмотрела всю запись до конца прямо в зале. Зверек лежал на дороге, мертвый. Астрид увеличила звук. Послышались слабые звуки — насекомые, ветер, птицы. Потом она увидела чью-то руку — да это же ее собственная рука снимает с двери щеколду. Потом одновременно с гудением пылесоса появилась макушка женщины, которая убирала в их доме, вот ее, Астрид, голос, она что-то спрашивает, Катрина ей отвечает. Потом она пошла вниз по лестнице, изображение подрагивает, ее от этого слегка подташнивает, вот уже пол, потом резко — яркий свет, отраженный в объективе. И после этого — ничего, лишь белесый шум. Все это не на шутку взбесило Астрид, она-то надеялась, что на пленке окажется Амбер, ведь эта запись была сделана давно, как раз в самом начале.

Ей запрещено разговаривать об Амбер. Ей запрещено даже упоминать ее имя.

---

[60] Примечания: 60

Самая крупная крупная сеть магазинов недорогой электроники в Великобритании.

— История закончилась, — сказала мать. — Время вышло. Забудь об этом, Астрид. Я серьезно. С меня хватит.

В результате Астрид додумалась всякий раз, когда их машина останавливалась у светофора — и в оставшиеся дни пребывания в Норфолке, и на протяжении всего пути домой, — бормотать как заклинание: красный, янтарный, зеленый; или: зеленый, янтарный, красный (естественно, в зависимости от чередования цветов светофора). Когда до мамы дошло, что это значит, она психанула и наорала на Астрид, требуя немедленно прекратить и все такое. И Астрид ушла в подполье. Теперь она говорила: почему *намбы* не пойти туда-то? и так далее. Она спрашивала у Магнуса в присутствии мамы, что означает слово амбивалентный.

Она громко комментировала, сидя в машине, как вон та корова с амбициозным видом шагает вот в тот край луга или что старик мог *самбы* перейти дорогу. В присутствии матери она расспрашивала продавщицу в магазине о том, в чем разница между лампами с предохранителем на три и на тринадцать *амбпер*. По мнению продавщицы, вторая лампа дает больше света.

— Астрид, — сказала мама.

— Что? — сказала Астрид.

— Не нарывайся, — сказала мама.

— Ненавижу тебя, — прошептала Астрид, задыхаясь от ярости. Мимо проехала красная машина, и она решила заменить про себя слово «янтарный» на «красный». Смотрите, сказала она вслух, какая красивая красная машина. Вот проехала еще одна, и она сказала, правда, очень красивый оттенок красного.

Теперь у нее все красное: красная одежда, красное покрывало, новая красная зубная щетка в новом держателе в ванной, ковер в комнате красноватого тона и т. п.

Астри Пре-красная.

Мама, конечно, догадывалась, что дело нечисто, но не до конца.

Но сейчас мама в отъезде, так что Астрид уже не нужны лишние «б», слова на амб-, красный пароль и все остальное. С Майклом совершенно неинтересно играть в «красный». Астрид решила как-нибудь упомянуть Амбер при Магнусе, но пока ее всякий раз в последний момент что-то останавливало. Она не понимает, что именно. Ей почему-то кажется, что это будет подло, даже жестоко — все равно что ткнуть лежащего зверька палкой. Но тем не менее она обязательно скажет

что-нибудь такое Майклу, чтобы посмотреть, как он отреагирует.

Она вытащила кассетку и вставила в прорезь вторую, потому что ужасно сильно надеялась, что это та запись с рассветами, первая запись «начала начал». Она нажала кнопку перемотки, потом пуск.

Сзади незаметно подошел парень-консультант и хлопнул ее по спине.

— Эй, — сказал он, — ты че, читать не умеешь?

На мониторе, присоединенном к камере, была надпись: Уважаемые покупатели, убедительно просим вас не включать модели самостоятельно. При необходимости обратитесь к продавцу-консультанту.

Астрид нажала паузу.

— Назови три причины, почему я должна подчиниться, — сказала она.

— Потому что я так сказал, — сказал парень. — Потому что камера — не твоя. Она продается. Вот купишь — и делай с ней что хочешь.

— Не стоит быть таким безапелляционным, — заметила Астрид.

— Че? — сказал парень.

— Во-первых: твои причины — полный отстой, — сказала Астрид. — Во-вторых, это де-

монстрационная модель, так? А значит, будет списана с бюджета компании в числе прочих. Так что ты мог не хамить и дать мне спокойно досмотреть кассету. Я прекрасно знаю, как с ней обращаться, не собираюсь ее ломать и все такое. И в-третьих: если ты еще раз хлопнешь меня по спине, я напишу на тебя заявление в дирекцию магазина о домогательствах к тринадцатилетней покупательнице, потому что хлопок по спине — это физическое оскорбление, а я бы не хотела никуда жаловаться, потому что это — тоже отстой.

— Чего-чего? — сказал парень. Вид у него был ошарашенный. И вдруг он рассмеялся.

— А ты остра на язычок для своих лет, — заметил он. — Но, к сожалению, еще не доросла, а то бы я пригласил тебя куда-нибудь.

— Ага, я бы так и побежала, — ответила Астрид, рассматривая камеру.

Он оказался ничего. Позволил ей досмотреть вторую кассету, не приставая и не мешая. Но на пленке не было ничего, кроме чередования убыстренных кадров перехода от тьмы к свету, и снова, и снова. С каждым началом дня тьма на экране вновь рассеивалась. И постепенно превращалось в молоко, хотя в воспоминаниях

Астрид все дни тогда начинались далеким темно — синим тоном.

И ни одного предрассветного кадра с Амбер.

Ни одного. Словно она стерла себя нажатием кнопки, или хуже того — ее вовсе не существовало, Астрид просто ее выдумала.

Астрид просмотрела пленку дважды. Потом вытащила кассету, захлопнула крышечку камеры и направилась к выходу из магазина.

— Что так рано? — окликнул ее тот парень-консультант. Он был намного старше Астрид — примерно возраста Магнуса. — Ты забыла свои кассеты, — сказал он. — Они что, не нужны тебе?

— Я все посмотрела, — сказала Астрид.

— А что там на них? — спросил парень. — Может, ты?

— Нет, — сказала она.

— Если дашь мне номер своего мобильного, — сказал парень, — я дам тебе три чистых кассеты, за так. Согласна?

— Не нужны мне кассеты, — сказала Астрид.

— Как это — они всем нужны, — сказал парень.

— У меня больше нет камеры, — сказала Астрид.

— Может, тебе нужно что-нибудь другое? —

спросил он. — Батарейки, наушники для плеера или айпода? Кстати, у тебя плеер или айпод?

— Мне ничего не надо, — сказала она.

— Ну тогда просто дай мне свой номер, — сказал парень. — Пожалуйста. Не бойся, я подожду, пока тебе стукнет пятнадцать. Честное слово. Через два года в сентябре твой телефон зазвонит, и ты услышишь: привет, это та самая девчонка с небесно-голубыми глазами? А ты меня помнишь? Не хочешь сходить со мной сегодня в кино в кинотеатр по соседству?

— Я не могу дать тебе свой номер, — сказала Астрид.

— Почему? — спросил парень ей в спину через распахнутую дверь. — Я что, урод какой-то?

— У меня нет мобильника, — сказала Астрид.

Теперь его голос доносился до нее уже через головы прохожих.

— Эй! Я дам тебе отличную скидку на мобильник!

Так что когда Астрид спохватилась и вспомнила, как она *расстроилась* из-за того, что на кассетах не было ничего стоящего, остановившись перед витриной какого-то магазина, чтобы проверить, глядя в отражение, правда ли ее глаза небесно-голубые, оказалось, что сейчас она

расстроена не так уж сильно, и все благодаря мелкому происшествию в магазине.

Впрочем, она помнила почти всё и без всяких записей. Вот позавчера вдруг, т. е. без всякой причины она вспомнила, как однажды они с Амбер шли мимо какой-то фермы, и из ворот вылетела огромная псина и стала лаять на них, словно вот-вот собиралась броситься, прямо слюной брызгала, и тут Амбер заорала, затопала ногами и пошла на нее не переставая кричать — и собака отступила, и прекратила лаять, словно от изумления, и отступила, а Амбер осталась стоять на дороге победительницей.

Астрид и не подозревала, что это сохранилось в ее памяти.

Она уже не может точно вспомнить, как выглядела Амбер. Нет, ну как досадно, что кадры с их уборщицей остались, а с Амбер — ни одного.

Она помнит, что однажды Амбер сделала что-то ужасно смешное, настолько смешное, что она, Астрид, хохотала и не могла остановиться и даже каталась по траве, но сейчас вот не может вспомнить, над чем же она так смеялась. Зато она помнит само ощущение смеха. Еще она ясно помнит свои ощущения, когда они с Амбер стояли прямо напротив каких-то местных, и что тех

страшно напрягало, что они их так откровенно разглядывают. Такие вещи, ощущения, и стоило помнить, а не лица людей, или как они были одеты, и где именно они стояли, и сколько их было. Ведь никто никогда не потребует у нее доказательств, что это были за люди; это не ее забота. Пусть этим займутся другие. Ее призвание — в ином. *Быть* на месте, видеть.

Еще Астрид не верит, что ее мать уехала в какое-то там кругосветное турне, как она им объявила. Астрид считает, что дело тут в другом. Это — отстойное выполнение родительских обязанностей. И последствия будут о-го-го. Это — доказательство нулевой ответственности. Это событие из той же оперы, что развод родителей, смерть или тяжелая болезнь бабушки или дедушки — например Альцгеймера, когда они переезжают в семью родственников, такие жалкие, и уже никого не узнают, и не могут самостоятельно принимать пищу — из-за этого зрелища у некоторых детей также возникают пищевые нарушения, или привычка наносить себе увечья, до чего Астрид, конечно, не докатится, поскольку это страшно заурядно; навскидку она может вспомнить по крайней мере трех девочек, которые наносят себе порезы и не скрывают этого,

причем лишь одна из них не полная дура; Астрид знает еще двух-трех девочек, которые стараются не демонстрировать эту привычку, а еще у них в школе точно есть три девочки с явными пищевыми заскоками, уж о них-то трудно не знать. Так что обитателям этого дома, их чокнутой семейке крупно повезло, что она, Астрид, не из тех, кто выкинет такую глупость.

Зельда Хауи — как раз одна из трех девочек с очевидным пищевым нарушением.

Поразительно, как быстро все забывается, даже вещи, которые ты как будто отлично запомнил, которые ты искренне желал бы помнить всегда. Поразительно, как работает — и отказывает память. Лицо человека может оказаться пятном. Но зато она почему-то помнит происшествие с той собакой, а иногда, скажем, лица или просто воспоминания возникают в голове ни с того ни с сего, и ты вдруг видишь какие-то вещи с удивительной ясностью, как вряд ли бы увидел, если бы специально старался. Бред какой-то. Например, Астрид уже не помнит, как выглядела Амбер. Она перебрала фотографии из их поездки, но перед отъездом мама, по всей видимости, тщательно изъяла те, на которых была Амбер. Астрид хранит одну фотографию в пижамных штанах, на

ней она, Магнус, мама и Майкл стоят в дверях их убогого дома в Норфолке, а снимает их Амбер.

Интересно — мы же говорим про фотографии, что их кто-то *снимает.* Получается, что можно сказать, будто Амбер сняла с гвоздя и увезла эту фотографию, однако вот она, у Астрид в кармане.

Астрид отлично помнит момент, когда Амбер их фотографировала. Она стоит на подъездной дорожке из щебня, расставив ноги, камера прижата к лицу, и спрашивает: готовы? А они стоят, замерев, готовы.

Если честно, это один из редких удачных снимков Астрид, потому что она не очень фотогенична и, как правило, терпеть не может своих фотографий. А на этой ее глаза и правда голубые-голубые. Словно две яркие голубые вспышки, озарившие лицо.

Она достает фотографию из кармана и немного выгибает ее, чтобы четче разглядеть под светом фонаря. Она изо всех сил старается как бы не видеть свою мать, смотреть только на себя, Магнуса и Майкла, позади них видна дверь дома, у их ног — часть подъездной дорожки. Ведь это тот самый момент, который Амбер *сама* видела в крохотный видоискатель камеры. Поразительная мысль: вот они стоят, запечатленные

на снимке, стоят перед домом целую вечность, однако на самом деле они — не более чем доля секунды в воспоминаниях Амбер. Получается, что фотография фиксирует вечность, на деле являясь доказательством того, что всё есть лишь краткий миг в глазах вечности.

В данный конкретный момент вечности на снимке они все смотрят на Амбер, а Амбер — на них.

Когда Астрид воспринимает эту сцену, увиденную чужими, не ее собственными глазами, ей уже проще смотреть на мать.

Право, на фотографии та выглядит очень мило. Улыбается. Такой искренней счастливой улыбкой.

Которая раздражает Астрид всё больше и больше. Она прячет фотографию обратно в карман. Она делает усилие, чтобы не расплакаться. Это не так уж трудно.

Когда мама вернется домой, Астрид снова съездит в «Диксонс» посмотреть, работает ли так еще тот парень и помнит ли ее, как обещал. Она скажет, что пришла выбрать себе мобильный телефон. И если он пригласит ее куда-нибудь, она согласится и пойдет. Это точно взбесит ее мамочку, у которой засела в голове дурацкая

мысль ни за что не дать Астрид выйти замуж за продавца-консультанта. Как-то ночью Амбер рассказала об этом на ухо Астрид в ее комнате в их норфолкском доме.

— Он ей не понравился, потому что, когда они познакомились, он работал в какой-то закусочной.

— Не верю, — сказала Астрид.

— Придется, — скказала Амбер. И со всей силы дернула Астрид за волосы.

— Больно, между прочим, — сказала та.

— Так тебе и надо, — ответила Амбер. — Ты такая же пустышка, как они. А как бы ты хотела? Знаю: «Он отказался от карьеры, уже признанным врачом и перспективным нейрохирургом, несмотря на свой юный возраст». Нет, вот как: «Он был компьютерным гением и переходил из компании в компанию, зарабатывая все больше денег и оказывая все больше влияния на электронные средства коммуникации. К примеру, это он изобрел спам-рассылку, заработав на этом миллионы. А потом заработал еще больше, изобретя способ блокировать спам-рассылку от «заражения» электронной почты. Но вскоре ему все это обрыгло по причине бессмысленности и он решил поработать простым продавцом».

— А где? — спросила Астрид.

— В магазине альтернативных, экологически чистых, натуральных и безопасных продуктов где-то на севере Англии, он называется «Хебден», — сказала Амбер.

Астрид кивнула.

— Ему нравится север. Вот почему у вас с Магнусом скандинавские имена, — сказала Амбер.

Астрид лишь пожала плечами, немного смущаясь, устроившись под теплой рукой Амбер.

— Все было не так, — сказала Амбер. — На самом деле у него был врожденный дар. А именно — он обладал талантом наведения чистоты. С очень раннего возраста он умел начищать предметы до блеска. Ему было приятно очищать вещи от грязи. Когда он подрос, то стал уборщиком — таким образом достигнув предела своих мечтаний. Сейчас он убирает разные дома по всей Англии, постоянно переезжая с места на место. Он почти ничего не зарабатывает. Ему нужна малость — сводить концы с концами. Но он настолько идеально делает свою работу, что от этого мир становится лучше. Он придает предметам и самой жизни сияние.

(Астрид Беренски.)

— Дети, не верьте ни единому слову из того, что

говорила вам эта женщина, — сказала им мама сразу после, потом еще раз — как-то в машине, и еще несколько раз повторяла, уже в их опустевшем доме, который постепенно наполнялся новыми вещами.

— Мама права, — сказал Майкл. — Боюсь, так и есть. Эта женщина — аферистка, обманщица, лгунья. Она наследница докторов-шарлатанов, что ездили в фургонах и продавали страждущим фальшивые лекарства. Современная авантюристка.

Магнус кивал с разнесчастным видом.

Только Астрид видела красный цвет. Она видела Амбер верхом на лошади, в ковбойской шляпе и ярко — красном мундира шерифа. Объезжая свой участок, Амбер слегка кивнула Астрид, пустив лошадь медленным шагом.

Интересно, что любовь к красному цвету говорит о злобе, испытываемой человеком. Представьте, что вы видите все вещи в красной гамме, словно обрели инфракрасное зрение. Когда в сентябре снова началась школа, в первый же раз, когда на уроке английского Лорна Роуз, как всегда, посмотрела на нее своим фирменным уничтожающим взглядом, Астрид не стала делать вид, что не заметила, и молча злиться, а вста-

ла с места, что заставило старую мисс Химмел оторвать глаза от сборника поэзии (она читала стихотворение о последнем кролике в Великобритании, и люди ездили на специальную экскурсии, чтобы взглянуть ни него) и сказать, в чем дело, а ну-ка садись, но Астрид не послушалась, она прошла между рядами к парте, за которой сидела Лорна, встала перед ней и посмотрела ей прямо в глаза, а та засмеялась нервным смехом, у нее был совершенно обалдевший вид, а Астрид, стоя перед ней, сказала тихо, но отчетливо, так, чтобы только Лорна ее слышала: доиграешься. Мисс Химмел сказала, Астрид, немедленно сядь на место, а Астрид сказала, я просто сообщила Лорне нечто важное, на что мисс Химмел сказала, ты можешь сообщать Лорне что угодно в свободное время, а не отнимая время у меня и у всего класса, если, конечно, вы не собираетесь поделиться со всеми и объяснить нам, в чем дело. Тогда Астрид сказала, лично я не возражаю и готова все рассказать, но, может, Лорна хочет оставить это между нами, и мисс Химмел спросила: ну так что, Лорна? В чем дело? И та ответила, пусть это останется между нами, мисс Химмел, и мисс Химмел сказала, все, Астрид, последний раз говорю тебе — сядь на свое место. Астрид напоследок еще раз

посмотрела Лорне в глаза. А затем вернулась за свою парту, и весь класс продолжил разбирать стихотворение, и с тех пор они ни разу не «доводили» ее, напротив, Лорна Роуз, Зельда и Ребекка из шкуры вон лезли, если так можно выразиться, чтобы завоевать ее симпатию, а Зельда звонила ей домой и жаловалась, что дедушка продолжает жить вместе с ними и ей тяжело, и как от одного его вида за столом ее начинает выворачивать, и как ей за это стыдно.

Вот что странно: когда Астрид вспоминает об этой сцене в классе, она видит ее в своем воображении в виде ролика, причем в страной цветовой гамме — яркой и размытой, так бывает, когда регулятор яркости вывернут на максимум.

А еще — и это ее совершенно убило — она совершенно не жалела о папиных письмах. На самом деле они ничего не доказывали. И неважно, что они пропали. Вообще-то она испытала облегчение от того, что не надо постоянно про них думать и ломать голову, что же случилось. Ее отец мог быть кем угодно и где угодно, как сказала Амбер.

«Боишься или представляешь?»

Как странно думать об Амбер, как о человеке из прошлого.

Но это так.

Но это не значит, что прошлое умерло, думает Астрид, рассматривая фотографию, на которой Майкл обнимает Магнуса за плечо и оба смеются, и мама так мило улыбается, и они с Астрид обнимают друг дружку за талию.

Все кончено. Время вышло. Я серьезно.

(Машина Амбер еще на дорожке, она заводит мотор. Мама стоит в дверях, загораживая проход. Слышно, как шины шуршат по щебню, вот машина выезжает по подъездной дорожке на дорогу, и вскоре шум машины стихает вдали. Мама отходит от двери и удаляется в дом. На месте, где еще минуту назад стояла машина Амбер, — пусто.)

На табло новых электронных часов 7:31, с точностью до тысячной доли секунды.

Восход сегодня ал. «Багровая ночь — прощай работа. Багровое утро — пастуху забота». Бордовое ночное небо предвещает солнечный день. Но бордовый восход означает дождь и бурю — таковы старинные народные приметы для предсказания погоды. Еще одна вещь всегда поражала Астрид: пастухи издавна занимались тем, что присматривали за овцами, лежа все лето под деревьями, наигрывая на свирели, глядя на овец, пасущихся вокруг — и выбирая, каких из отары зарезать, каких оставить, а в школе они пели «Господь,

наш пастырь» и читали притчи о том, как Бог охраняет малых детей и ягнят — но не всех, а только верующих в Него, ведь вообще-то люди постоянно едят баранину, а ягненок превращается в барана за три-четыре месяца и отправляется на бойню.

«Напугай овечку». Они едут в джипе, Майкл с мамой сидят впереди, они в хорошем настроении, дурачатся и смеются.

В полях по соседству с их норфолкским домом паслись сотни овец. Наверное, все молоденькие, привезенные сюда после этой истории с ящуром.

Вспоминая о жизни в глуши, Астрид порой вспоминает самые нелепые подробности — например, фонарь, одиноко стоящий на краю поля у дороги, ведущей от их дома к деревне, чуть не по пояс заросший высокой травой. С какого перепугу память хранит странные вещи вроде этого несчастного фонаря?

Нет, Астрид не понимает.

Согласно публикациям в прессе, доказано и является официальным фактом, что на планете становится темнее, что в большинстве регионов Земли теперь на десять процентов, чем всего лет тридцать назад, а в некоторых — на целых тридцать. Возможно, все дело в промышленном

загрязнении. Точно никто не знает. Это все равно что прокрутить назад все восходы, как на ее записях, прокрутить как один непрерывный, медленный фильм о затемнении, тьма будет захватывать дневной свет столь микроскопическими долями, что поначалу этого просто никто не заметит.

Словно театральный занавес долго-долго опускается на сцену.

С одной лишь разницей — это не конец. Как может наступить конец всего? Нет, это только начало. Начало всех вещей, начало века, века двадцать первого — безусловно, века Астрид, и вот она, поглядите — несется, как ветер, навстречу веку с миссией выкорчевывать все гнусное и глупое, это Астрид Смарт, астероид с условным названием «Смарт» несется к Земле, все ближе, ближе до самого момента столкновения, и в какой бы точке мира ни находилась сейчас ее мать, может быть, она тоже проснулась и смотрит из окна своего номера, так же, как Астрид из окна своей комнаты, и видит, как с неба что-то стремительно падает, дождь — не дождь. Вот выглянет она из номера и, возможно, увидит мир за долю секунды до того, как прямо перед ней в землю врежется глыба 10 км в диаметре и

с дверей снесет все ручки, а из номера вынесет всю мебель и вообще все вещи, уничтожит все дома во всей округе, ведь глыба может рухнуть где угодно, и последствия скажутся повсюду, а не только в Америке или в Англии, и в это мгновение ее мать наконец осенит, что она занимается полной ерундой, что все это время она должна была *видеть*, должна была находиться здесь, а не где-то там, в другом месте.

Почему нет слова «страдляне» — ведь есть же «земляне», ведь именно так, наверное, стали бы называть пришельцы с другой планеты, попав к нам, случайно пострадавших жителей Земли.

Веди меня к своему вождю, страдлянин.

Небо багровое, собирается буря, и все эти смешные бурундучки снова рискуют превратиться в огненные бомбочки. Ну ладно: Биг-Бен пока на месте и по — прежнему показывает точное время, и Парламент на месте, и «Тейт Модерн», и «Глаз»,[61] и в реке все та же сероватая вода, и над ней огромное багровое предрассветное небо, да и надо всем Лондоном тоже, и багрянец уже во все окно Астрид…

…он же окончательный ответ = Магнусу разре-

---

[61] Примечания: 61
См. сноску на стр. 234.

шили вернуться в школу со следующего семестра, начало учебы — пятого числа. Письма, сообщавшие об этом, пришли вчера. Случившееся было названо в них «инцидентом». Нив одном из двух писем не упоминалось ее имя. Одно пришло на имя Евы и Майкла, второе — на имя Магнуса. То, которое прочитал Майкл, практически слово в слово повторяло текст второго. Мы просим вас проявить уважение и соблюдать конфиденциальность касательно инцидента. Рады сообщить, что. Инцидент официально считать исчерпанным.

Окончательный ответ = им ничего не будет.

Окончательный ответ = всем по большому счету наплевать.

Сегодня — среда. Последний день года. На улице уже темнеет, хотя еше только обеденное время. Магнус бесцельно бродил по безжалостно ярко освещенному торговому комплексу. Теперь он зашел в кинозал, свет уже погасили, анонсы прошли, и уже идет фильм. На экране актер, притворяющийся премьер-министром, притворяется, что влюбился в актрису, которая притворяется официанткой. Сеанс как раз начинался, так что Магнус быстро купил билет. Действие происходит на Рождество. На экране — сплошь расфуфыренные люди и дома, словно

фильм — не что иное, как непомерно длинная социальная реклама, а может, какого — то продукта, только Майкл не уверен, какого именно. Смотреть такое кино — это все равно что ужасно хотеть есть, а иметь, вот досада! — лишь выбор между жрачкой, что продают в кинотеатрах. В зале нестерпимо пахнет хот-догами и поп-корном. Естественно. Каждый, у кого есть хоть капля мозгов, знает — они специально закачивают этот запах в зал, чтобы зрители перед сеансом покупали жрачку. Многие люди вокруг Майкла отправляют в рот еду из пакетов, не отрывая глаз от экрана.

Эскалаторы будут все так же ходить по своим колеям, снова и снова. Магнус как-то заметил этот круговорот и никак не мог отделаться от этого образа. Он остановился и стал наблюдать за людьми, которые спускались на эскалаторе вниз, как каждая ступенька столь точным движением уходила в прорезь под пол, словно в жадной глотке, а люди сходили с нее и шли дальше, вперед, в неизвестное будущее, и та же судьба ждала новые и новые ступеньки. На одной из них была какая-то наклейка или обрывок обертки, застрявший в ребристой поверхности, что делало ее заметной. Магнус несколько раз проследил

ее путь вниз и обратно на самый верх и снова в небытие. Потом стал подниматься на эскалаторе, наблюдая, как верхние ступеньки одна за одной исчезают в узкой пасти механизма, как то же самое вот-вот произойдет и с его ступенькой. Он так увлекся, что эскалатор просто выбросил его вперед, он споткнулся, и люди, стоявшие позади, налетели на него.

— Простите, я не хотел, — сказал Магнус.

Это правда. Он не хотел.

Он встал у начала эскалатора, ведущего вниз, пока снова не показалась ступенька с наклейкой. Это оказалась этикетка от бутылки воды, сильно затертая от многократной прокрутки и ног десятков людей. Но ему пришлось ждать еще полный круг, потому что в тот раз на нее встал какой-то старик. Когда ступенька вернулась, он шагнул на нее и совершил путь до самого низа. Потом поднялся на другом эскалаторе на самый верх, чтобы повторить свой маневр. Но наверху ему пришло в голову, что он ведет себя не вполне нормально, и когда он оглянулся и понял, что как раз приехал на этаж с кинозалом и фильм уже начинается, то быстро купил билет.

Может быть, это в самом деле неплохой фильм, и только он, Безмозглый Эсклаторщик, не в состо-

янии внятно решить, так это или не так.

Окончательный ответ = он должен испытывать облегчение. Майкл помахал у него перед носом письмом из школы и сказал, все хорошо, все закончилось. Просто как дважды два. Я позвоню маме, расскажу про хэппи-энд.

Эскалаторы все движутся и движутся по своим неизменным траекториям, послушно выполняя круговые движения, перевозя людей вверх и вниз с утра до вечера, до самого закрытия торгового комплекса, когда их отключают на ночь, а утром снова включают, и все начинается сначала. Пока комплекс не работает, кинозал темен и пуст, все места в нем пусты, и здесь темно как в пещере, как внутри камня, или луны, темно, как внутри человеческого мозга под черепной коробкой.

— Теперь можно об этом забыть, — сказал Майкл, держа письмо в руке. — Постарайся забыть.

Просто, как дважды два. Можно об этом забыть, потому что старый год на излете и начинается новый, это останется в прошлом году, а в новом будут происходить уже новые события. Надо «отпустить» от себя неприятности, словно шарик, наполненный гелием, который он все это время держал за ниточку с упорством, характерным для маленьких детей, и вот теперь он может

разжать кулачок — и шарик полетит резко вверх, в небо, а он будет смотреть, как тот делается все меньше и меньше, уносясь все дальше и дальше, до тех пор пока уже не сможет различить его в вышине. *Можно забыть.* Простое действие вычитания. Он минус *это.* Хорошо бы очистить память особым лазерным устройством, как в «Людях в черном».[62] Магнусу нравятся «Люди в черном». Ему, как правило, нравятся фильмы в любом жанре. А может, нравились — в то время, когда он знал, кто он такой и какие у него предпочтения. В школе он участвовал в дискуссиях об искусстве, о том, что кино — кардинально недопонятый вид искусства, что «Гражданин Кейн», пожалуй, — самый великий фильм всех времен, так как совершенно гениально снят с разных ракурсов и все такое (впрочем, лично его «самый — самый» фильм — «Резня»[63]). Этот же фильм имеет явное отношение к британскому кинопроизводству. Вот какой-то актер изображает, что влюбился в актрису, изображающую его уборщицу-португалку, потому что увидел,

[62] Примечания: 62

Фантастическая комедия, кинохит 1997 года.

[63] Примечания: 63

«Резня бензопилой в Техасе» (The Texas Chainsaw Massacre), 2003 — трэш-фильм ужасов, римейк одноименного фильма 1974 г.

как она раздевается перед тем, как нырнуть в озеро, а потом как она вышла с взъерошенными мокрыми волосами, став гораздо красивее, чем в момент их первой встречи. Магнус косится на край экрана, на линию, где встречаются свет и тьма. Интересно, думает он, почему это полотно в кинотеатрах называют экраном. От чего он, собственно, защищает?

Конкретно этот — от простой кирпичной стены.

Он размышляет о том, что человеческий глаз воспринимает окружающий мир как бы вверх ногами и передает его, словно перевернутую картинку, вглубь, на «экранчик» за глазным яблоком, а затем мозг мгновенно переворачивает картинку с головы на ноги.

Через несколько сидений на его ряду сидят две девушки, явно захваченные фильмом и жадно следящие за сюжетом. Ну правильно, в сущности, это сопливый фильм, так что Майкл напрасно ждет от него великих открытий или хотя бы капли оригинальности. Он принадлежит к разряду фильмов, на которые водят девушек.

Он представляет, что в зале рядом с ним сидит Астрид. Уж она бы не стала молчать и маяться. Она бы вслух заявила, что это отстой. Она бы

сказала это громко и с раздражением, и люди в зале обернулись бы и зашикали на нее. Она еще слишком маленькая, чтобы уметь притворяться в таких случаях. Он улыбнулся в темноте. Вот недавно, накануне Рождества, она подожгла кучу листьев прямо у сарая, и, конечно, вспыхнуло все строение. Майкл не растерялся, он кинулся со всех ног к сараю, прихватив огнетушитель. А потом стоял вместе с ними в саду и смеялся, глядя на обгоревший сарай. Он вообще ничего, Майкл. Потом они все вместе пили кофе на кухне, за круглым столом — случай небывалый, по крайне мере, за *этим* столом такого не бывало. Новый стол — не такой, как прежний: не квадратный, а круглый. В тот вечер именно этот факт — что стол круглый — сыграл важную роль. Интересно, маме понравится новый стол, когда она вернется домой? Астрид до сих пор не желает говорить с ней по телефону. Она не стала говорить с мамой даже на Рождество. Однако Магнус не раз заставал ее на кухне, когда она украдкой перебирала пачку открыток от мамы — уже весьма солидную.

— Я думал, ты из принципа не хочешь их читать, — заметил Магнус.

— А я и не читаю, — сказала Астрид. — Просто сняла их с холодильника, чтобы открыть дверь

и достать молоко, и, поскольку они были у меня в руке, я случайно них взглянула, только и всего. Это совершенно разные вещи.

Письма с сообщением «окончательного ответа» пришли вчера утром. А днем Астрид сидела и смотрела документальный фильм «Шершни-убийцы из преисподней». Магнус сел рядом на диван, и она рассказала ему, что эти шершни-убийцы, в десять раз длиннее пчел, живут где-то в Южной Америке и посылают своих разведчиков на поиск пчелиных ульев. Те прилетают с донесением, и тогда шершни нападают на улей, убивают пчел и пожирают мед. Но пчелы тоже не дураки, они каким-то образом выяснили, что эти шершни умирают при температуре 116 градусов.[64] Но пчелы тоже умирают при определенной температуре — 118 градусов. И вот в следующий раз, когда рядом с ними появился вражеский разведчик, все пчелы как по команде окружили его и стали вибрировать, словно единый пчелиный организм, пока температура в центре не достигла — только представь — ровно 117 градусов. Охренеть, — заключила Астрид.

— Астрид, послушай, можешь назвать меня

---

[64] Примечания: 64

Здесь и далее имеются в виду градусы по шкале Фаренгейта.

говнюком? — спроил Магнус.

— Чего? — сказала Астрид.

— Можешь назвать меня говнюком?

— Ты говнюк, — сказала Астрид.

— А теперь, пожалуйста, повтори несколько раз, — сказала Магнус.

— Ты говнюк, ты говнюк, ты говнюк, — сказала Астрид, не отрывая глаз от телевизора.

Существует ли формула печали? Формула помогает прийти к точному результату, даже если не знаешь, зачем он тебе. Может, есть формула, которая помогает понять, почему и каким образом ты получил неверный результат? Вот пришли письма. Таков окончательный ответ. Но что-то тут не то.

— Замечательно, сынок! — сказала ему Ева по телефону, ее голос в трубке скакал и прерывался. — Какая (…) новость. Потрясающая новость. Слава Богу. Мы (…) веру в тебя. (…) школы оказалась неравнодушной. Теперь ты можешь (…) все это и спокойно жить дальше. Да, начнется настоящая жизнь. Ты будешь (…) к экзаменам. Все это (…) в наступающем году (…) не чувствовать груз (…) всю оставшуюся жизнь.

А можешь придумать что-нибудь похуже? — спросил Магнус, наблюдая вместе с Астрид, как

пчелы роятся над тельцем шершня-разведчика.

Нет, — сказала Астрид. — Говнюк — самое сильнее ругательство, которое я знаю.

(Он не может рассказать Астрид о том, что стряслось. Одним из условий возвращения Магнуса в школу было обещание не произносить *ее* имя и не рассказывать о произошедшем на людях, а также его попросили не распространяться об этом и в личном общении. Проявить уважение и соблюдать конфиденциальность касательно инцидента.)

— Ты шершень-убийца из преисподней, — сказала Астрид.

— Неплохо, — сказала Магнус, украдкой кивая, потому что ему немного полегчало. Полегчало от мысли, что за плохой поступок его с чистой совестью и высокой точностью сожгут невинные пчелки.

— Или поршень-убийца из преисподней, — сказала Астрид.

Магнус, сидя в кинотеатре, громко смеется вслух. Те две девочки на его ряду поворачиваются и смотрят на него в темноте, потому что на экране не происходит ничего смешного, никто не шутит и в зале тишина. Актер, изображающий премьер-министра, читает псевдосмелую речь против

американской политики. А все потому, что секунду назад подсмотрел, как актер, притворяющийся американским президентом, поцеловал в ушко актрису, изображающую официанточку.

Другие персонажи острят по поводу того, какая якобы толстушка актриса, играющая официантку, хотя лично Магнусу не кажется, что она такая уж толстая, вовсе нет, по крайней мере, он не замечает.

Паскаль побился об заклад сам с собой, что, возможно, Бог существует, а значит, существуют рай и ад. И он решил, что если поставит на кон свою жизнь, то есть проживет ее так, словно Он существует, то точно попадет в рай. Но если он умрет, а там ничего нет, то на самом деле это не будет иметь никакого значения. По мысли Паскаля, нет причины рисковать своей судьбой ради пустоты. Он считал, что такой спор просто не имеет смысла.

— Спорим, у меня есть тайна, про которую ты не узнаешь никогда в сто тысяч миллионов лет, — сказал Магнус.

— Ты понял, что ты гей, — сказала Астрид.

— Да нет, я серьезно, — сказал Магнус. — Спорим, если бы ты вдруг узнала про меня одну вещь, то больше никогда не захотела бы со мной разго-

варивать и перестала бы считать своим братом. И возненавидела меня на всю жизнь.

Он говорил это как бы в шутку, представляя себе, что это шутка.

— Ты понял, что я — лесбиянка, — сказала Астрид.

Передача про пчел закончилась.

— Я и так тебя ненавижу, — сказала Астрид. — Нет такой тайны, узнав которую, я бы возненавидела тебя больше, чем сейчас.

И мило так улыбнулась ему. Он тоже улыбнулся Астрид. Еле сдерживая слезы. Началась передача, посвященная основным события 2003 года, который подходил к концу. Английская команда по регби стояла, выбросив кулаки вверх, перед громадной орущей толпой.

Это как-то связано с твоим исключением и с тем, что эта бодяга закончилась? — спросила Астрид. На экране — кадры с американскими солдатами, развалившимися в королевских креслах в покрытой обломками зале взорванного дворца. Затем — воздушная съемка полицейского кордона, оцепившего небольшой зеленый лесок. Да, летний кошмар. На фоне зелени на экране большими нарочито неровными буквами всплывают слова ЖЕРТВА МАНЬЯКА.

Все кончено. Просто, как дважды два. а) Вот Магнус нажимает кнопку автоответчика, который словно притаился и ждет его, как ждет хозяина верный пес, все-таки нашедший долгий путь домой, испытав по дороге невероятные приключения, ждет, сидя прямо посреди внезапно опустевшей гостиной в опустевшем доме.

Три сообщения. Одно — Майклу (из университета, по поводу студентки, угрожающей судебным процессом). Одно — Еве (из юридического отдела издательства, по поводу жалоб родственников). И третье, эхом громыхавшее вокруг Магнуса в пустой гостиной, — от г-на Милтона с требованием, чтобы Ева и Майкл незамедлительно связались с администрацией.

Магнус вертится в постели с боку на бок.

Наверное, его засняли камеры наблюдения на выходе из компьютерного класса — с датой и т. п. Или его вычислили по какой-то хрени, оставшейся на жестком диске. Может быть, уборщицы с другого этажа показали, что видели их в школе в тот вечер после занятий.

Окна кабинета Милтона выходили на футбольное поле, сейчас по причине каникул — пустое. Майкл был весь в своих мыслях — как раз на этой неделе ему звонили с работы, — а Ева явно

нервничала, потому что Милтон без конца бросал взгляд на побледневший, но еще заметный синяк, что поставила ей Амбер, — когда Ева объявила, что прогоняет ее, та резко отвела локоть назад и со всей силы врезала Еве прямо в глаз. А Милтон все бубнил: школьное расследование, трагическое самоубийство, местные газеты, причастность их сына Магнуса, необходимость отстранения от занятий до полного окончания расследования.

Ева с Майклом кивали, оба как в гипнозе. Ева обняла Магнуса за плечи. Милтон все рассказал. *Ее* мать обнаружила рыдающего Джейка Строзерса на тротуаре перед домом. Она увела его в дом, а потом позвонила Милтону.

(В общем, дело не в камерах, не в жестком диске и не в уборщицах. Это оказался Джейк Строзерс. «Любовь».)

Милтон заговорил о своем огромном облегчении. Этот случай сравнительно слабо освещался в прессе. (Антон вообще не упоминался. Т. е. Антон ушел от последствий.) Милтон был уверен, что в любом случае родственники не будут возбуждать уголовное дело. Случай в любом случае случай в любом случае случай.

Все вдруг замолчали и посмотрели на Магнуса.

— Да, это правда, — сказал он.

— Это сделал я. b) Они едут домой, Магнус сидит на заднем сиденье, обхватив себя руками, внутри — его собственные кости, а между ними — пустота, полое пространство; мальчик-пустышка. Ева с Майклом сидят впереди, усердно кивают, произносят слова: огласка, избежать, необходимо. Оба обнимают его, когда все выходят из машины. Магнус ложится в постель в шесть вечера и засыпает. Словно гигантская рука сняла каменную плиту с его плеч. Гигантская рука наконец-то протянулась с неба, выудила его из толпы, взвесила, повертела туда-сюда и теперь в любую секунду поднимет в небеса и поднесет к гигантскому глазу, чтобы рассмотреть хорошенько. c) Магнуса вызвали на допрос к следователю в конце ноября. Сначала секретарь проводила его в кабинет Милтона, и тот прочел ему пафосную речь. Как он, Милтон, удивился, узнав о его, Магнуса, причастности к этому делу. Как он буквально не мог поверить своим ушам. Как поэтому поначалу он считал правду «относительной». Что он, Милтон, прекрасно понимает, что Майкл, конечно, не думал о таком исходе. Как школьная администрация старалась защитить Магнуса. Он говорил о важности усердной учебы в этом

экзаменационном году. О дурном влиянии и как его избежать. Об общении с Джеком Строзерсом, которого исключили из школы. К счастью для Магнуса, полиция не пожелала вмешиваться в дело о явном самоубийстве. К счастью для Магнуса, родственники приняли мудрое решение не подавать никаких исков. Убедительная просьба к Майклу, которому, как личности, безусловно, присуща деликатность и понимание, когда стоит и когда не стоит «открывать карты», подумать о том, что 1) трагическую потерю, которую понесла школа в результате прискорбного инцидента, следует постепенно оставлять в прошлом. И 2) осиротевшей семье следует дать возможность вести нормальную жизнь и не усугублять их горе бесконечными сплетнями и домыслами. Ты меня понимаешь? Единственный вопрос, обращенный к Магнусу за все время их разговора.

Магнус все понимает, он кивает и дает все обещания. 1. и 2.: (а+Ь) = с = окончательный ответ. = инцидент официально исчерпан.

Просто как дважды два. Чистая математика. Найти простое в сложном. Конечное в бесконечном.

— Да, — сказал Магнус, — это связано с отстранением и с тем, что эта бодяга закончилась.

— Ну и что? — спросила Астрид. — Что там стряслось?

Вот Боб Хоуп рассказывает армейский анекдот времен Второй мировой войны. Его выступление показывали, потому что он умер. В уходящем 2003 году.

— Неважно, — сказал Магнус.

Астрид закатила глаза вверх.

— Прямо умираю от любопытства, — сказала она.

Все армии времен Второй мировой радостно заржали.

— На самом деле есть кое-что похуже говнюка, — сказала Астрид.

— Что? — спросил Магнус.

— Ты, — ответила Астрид.

— Спасибо, — сказал Магнус.

— Не за что, — сказала Астрид, «прыгая» по каналам. 2003 год канул в режиме «дайджест». От этой мысли ему на грамм полегчало. Он поглубже откинулся на спинку дивана.

Магнус, сидя в кинозале, представляет, как Джейк сидит на тротуаре, но вот у него за спиной открывается дверь, выходит милая такая женщина, помогает ему подняться. Она проводит его в гостиную, садится рядом на диван, потом уходит,

чтобы приготовить какао или чай, в общем, какое-то приятное теплое питье, приносит и подает ему, и он начинает плакать навзрыд, так что слезы попадают в кружку, тогда она забирает ее и ставит на стол, а сама берет его руки в свои и говорит, ну все, все, хватит, это все равно не поможет, ну же, успокойся, все позади. А потом она поднимается, уходит в другую комнату и звонит Милтону, г-н Милтон, у меня один мальчиков, которые.

А может быть, все было совсем не так. Может, она была агрессивная и злая, вне себя от горя, с лицом, красным и измученным от слез и бессонницы, может, она схватила его за руки и силой втащила в дом, бросила на пол в гостиной и орала, и кляла его на чем свет стоит, и швырнула в него чашку, которую держала в руке, и вообще начала швырять в него все, что попадалось под руку — тарелки, картины, вазу, столик, все подряд, — пока они оба не выдохлись от крика и горя, от груды поломанных вещей, валявшихся повсюду, и просто оба сидели в изнеможении, уставясь в пространство, пока женщина не поднялась, подошла к телефону и позвонила г-ну Милтону. Она сказала — что же? Здравствуйте, г-н Милтон, это миссис ******, мать ********* ******, чье имя

теперь табу, мать той погибшей девочки, здесь у меня один из мальчиков, которые.

То ли мать, то ли брат и обнаружили ее — в ванной. Магнус знает ее младшего брата в лицо. Он тоже учится в Динз. Все в школе знают его в лицо, и теперь он скоро узнает, кто такой Магнус; все ведь знают, кого отстранили.

Они будут проходит мимо друг друга в коридорах школы.

Нет, шум, который слышится Магнусу на фоне музыки из фильма, не может идти от эскалаторов. Это просто невозможно. Просто нереально услышать посторонний звук в этом зале, оснащенном особой звукоизолирующей системой. Наверное, это шум от самого проектора. Фильм явно подходит к концу, потому что все части мозаики постепенно складываются. Актеры, игравшие в разных эпизодах сюжета, наконец встретились — кто на школьном рождественском представлении, кто в аэропорту, улыбаясь и маша друг другу рукой, словно все они живут в одном мире и знают друг друга сто лет. Актриса, притворяющаяся уборщицей-португалкой, согласилась выйти замуж за актера, который прославился, сыграв в экранизации романа Джейн Остин. Все смеялись над толстой актрисой, изображающей толстую

сестру уборщицы-португалки. Фильм был как бы о любви. Но смысл, который извлек из него во всяком случае Магнус, это: девушки, старайтесь не быть толстушками, иначе все будут над вами смеяться и никто не захочет взять замуж.

Сбоку от него плачет какая-то девушка. Магнус думает, интересно, она плачет потому, что ее растрогал фильм, или потому, что считает себя толстой. А девушка все плачет и плачет. Толстой ее никак не назовешь. Подружка обняла ее за плечи. Магнус вдруг подумал, надеюсь, у Астрид есть подружка, которая вот так положит ей руку на плечо в кино, если та вдруг расплачется. Но стоило ему представить Астрид в слезах в кинотеатре, да еще после такого фильма, как ее образ в его воображении показывает ему, да и всему залу, средний палец.

Но вдруг Астрид все-таки пошла бы на подобный фильм, и он растрогал ее, как вот это девушку дальше по ряду? Что, если настоящая Астрид, в настоящей жизни, ничуть не похожа на ту Астрид, что существует у него в голове? Очень даже возможно, что она — другая. Девчонки по-другому ведут себя друг с другом, как и мальчишки.

Через минуту Магнусу придется выйти из зала. Титры уже кончаются. Ему придется покинуть

это место, похожее на уютную пещеру, где по стенам бегают тени, где так легко воображать, что в мире нет ничего, лишь тени. А снаружи движутся эскалаторы, они всё ходят по кругу, как цирковые лошади. Там море вещей, которые нужно покупать и покупать. Конец года. Люди смотрят на других людей, но не видят их. Что он сделает, встретив ее младшего брата в новой четверти нового года? Сделает вид, что не заметил? Посмотрит словно сквозь стекло? А ее брат тоже притворится, что не замечает Магнуса. Хуже. Вдруг он посмотрит прямо ему в лицо?

…Несколько мужчин были прикованы в глубине пещеры, и все, что они видели в жизни, все, что они видели в этом мире, — это тени, которые бросал на стены костер. И они все время наблюдали за этими тенями. Они наблюдали за ними целыми днями. Они считали, что это и есть жизнь. Но потом одному из них удалось вырваться из пещеры и попасть в большой мир. А когда он вернулся в пещеру и рассказал им про дневной свет, они просто не поверили. Они решили, что он чокнулся. Магнус не помнит, чем закончилась эта притча. Может, человек, который побывал в настоящем мире, действительно сошел с ума? Или он снова покидает пещеру, единственное

«родное» место, и отправляется куда глаза глядят, лишившись друзей и той жизни, которую только и знал, находясь в пещере? Или те, кто по-прежнему прикован цепью там, в пещере, убивают его, потому что он достал их своими безумными рассказами?

Плачущая девушка со своей подругой ждут, пока он пропустит их к выходу. Он поднимается, пропускает их и идет за ними из зала, а затем к магазинам торгового центра. Он ощущает свою ответственность. Он идет на расстоянии, охраняя их без их ведома, спускается за ними по эскалатору вниз, стараясь не упускать из виду спины девушки, которая плакала, а теперь перестала и смотрит по сторонам покрасневшими глазами. Ее подружка что-то говорит. Та кивает, что-то отвечает. Вот обе засмеялись. Так-то лучше. Кстати — ему заодно удалось спуститься по эскалатору, не думая больше о движении эскалатора.

Он идет за ними дальше.

Потом он стоит у входа в магазин «Аксесорайз» и ждет их; магазин закрывается. Когда они выходят из магазина, держась за руки, он сначала идет впереди, а потом пропускает их и продолжает идти за ними на расстоянии, мимо других магазинов; все уже закрываются. Они

выходят из торгового центра, переходят улицу и растворяются в массе людей, направляющихся к метро, и Магнус стоит в полном одиночестве посреди зимней улицы, здания по обе стороны словно растут прямо из земли и кажутся ему двухмерными, словно городские декорации в старом фильме. Один мощный порыв ветра — и они повалятся ниц.

У нее был брат, вот как Магнус — брат Астрид.

Она показывала ему средний палец, обзывала по — всякому, относилась как к последней дряни, смотрела телик, развалившись на диване, и он платил ей тем же — точно, как поступали друг с другом он и Астрид.

Вот она закрыла за собой дверь в ванную. Потом, возможно, встала на край ванны. Она больше не могла. Она встала на краю ванной и посмотрела вниз, но чуда не произошло, там никого не было.

Окончательный ответ.

Знак равенства — Магнус вспомнил, как рассказывал об этом Амбер как-то днем, стояла такая жара, что даже в старой каменной церкви было душно, — изобрел Лейбниц.

— Правда? — сказала Амбер. — Это точно?

Ее рука, ее нежная рука обхватила его член,

вытащив из шортов, и ничего не делала, просто держала его. А его рука, нежные пальцы его руки были у нее внутри, в шортах, тоже просто были там. Они только что трахались и скоро начнут опять.

— В каком смысле, «точно»? — спросил Магнус.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Амбер.

— Просто знаю, — сказал Магнус. — Я просто это знаю, и все.

Он начал возбуждаться. Она часто так подначивала его между секс-марафонами, чтобы «завести». Постепенно он это просек и уже не поддавался на такого рода разговорчики. Но тогда, вначале, еще попадался на крючок.

— Откуда ты знаешь, что это правда? — спросила Амбер.

— Ну хорошо, — сказал Магнус. — Предположим, я прочитал об этом в книге, потому что я точно не помню, откуда узнал об этом факте, но поскольку я прочитал об этом в книге, то, очевидно, он является правдой.

— А почему сведения из книги непременно являются правдой? — спросила Амбер.

— Потому что скорее всего это был учебник, школьный учебник математики, — сказал Магнус, — а, как известно, учебники пишут люди,

которые изучали тот или иной предмет долгое время и разбираются в нем досконально, так что имеют право писать учебники для тех, кто разбирается хуже. Кроме того. У каждого учебника есть редакторы, которые тщательно проверяют все факты, прежде чем отправлять его в печать. А если я узнал об этом не из учебника, то тогда от учителя, а дальше — смотри выше.

— Что — у учителей тоже есть редакторы, которые проверяют факты, прежде чем учителей отправят в типографию?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю, — сказал Магнус. — Хватит. Не грузи меня. Пожалуйста.

— Я просто хочу сказать, а вдруг это был не Лейбниц? — сказала Амбер.

— Это был Лейбниц, — сказал Магнус.

— А вдруг нет? — спросила Амбер.

— Это был Лейбниц, — повторил Магнус.

У него встал.

— А если ты ошибаешься? — сказала Амбер, обхватив его член пальцами и водя ими к головке, обратно к яичкам и снова к головке.

— Просто, гм-м, просто я хочу тебя, — сказал Магнус.

— Что? — сказала Амбер.

— Я не прав и прошу пощады, — сказал Магнус.

— А-а, — сказала Амбер.

Она повернулась, так что его пальцы выскользнули наружу. Она повела бедрами, сбрасывая шорты на пол, и встала, оставив их на старом дощатом полу.

— Точно? — сказала она, садясь на него.

— Сто процентов, — сказал Магнус, уже уйдя с головой в сладчайшее, горячее мгновение. Сто процентов, как эта летняя жара, сейчас, в середине зимы, это кажется нереальным, сто процентов, как безумное упоительное траханье, бесконечное — но ему пришел конец! — в доме, в церкви, в Амбер. Я тебя не люблю, сказала ему Амбер. Не забывай об этом. Всё просто — как простое число: мужчины твоего возраста идеально подходят женщинам моего возраста, потому что я как раз приближаюсь к пику своей сексуальной мощи, а ты уже достиг своего.

Она действительно сказала «простое число», такая шутка в стиле Амбер, или она сказала «просто», а остальное он додумал сам? Сидя дома у одного из новых компьютеров в какой-то из бесчисленных день периода «остранения», он бродил по всемирной сети, вводя в поисковик

Ask Jeeves на Ask.com самые разные дурацкие вопросы, например, кто убил Кеннеди, где Осама бен Ладен, как умер Платон, кто такой Зенон Элейский и когда Лейбниц придумал знак равенства — и что же, Магнус обнаружил, что на самом деле его придумал не Лейбниц, а, по всей видимости, некий шотландец по имени Роберт Рекорд в 50-х годах XVI века. Единственный факт его биографии, который выискал Магнус, состоял в том, что Рекорд скончался в долговой тюрьме.

В какой-то момент Магнус напечатал: Куда унесло Амбер? — и нажал кнопку поиска.

Nuke Cops tm — Команда Amber — «бомба» нынешнего сезона.

Кликни здесь. Команда Amber — «бомба» нынешнего сезона… msmx пишет «Наш сайт был значительно переработан по сравнению с первоначальным вариантом McCop.

Унесло-Amber

POETVILLE. «Унесенные», автор Амбер Линн Фауст, copyright 23 сентября, 2003.

Все пропало. Из друзей никого не осталось. Ты один, сам себе господин.

Лампа «Унесенные ветром»-Фентон из Collectibles: Стекло. Уникальная лампа «Унесенные ветром», цвет Amber, высота 22, 1/2, год

выпуска 1971. Зажигается как верхняя полукруглая часть отдельно, так и основа…

Осветительные приборы Victoria Amber

Антиквариат Вашей Мечты. Изысканное крепление «Унесенные ветром» с декоративными янтарными гвоздями (Amber) по периметру, кроме того, модель…

Унесенная в собачий рай — Amber

Amber… Так звали мою собаку, золотистого чау-чау, девочка. Когда ей было восемь лет, она умерла от рака желудка. Надеюсь, она попала в собачий рай.

Система безопасности в Sellafield перешла в режим Amber.

Sellafield перешла в режим Amber в качестве меры предосторожности в соответствии с приказом правительства усилить бдительность и уровень защиты ввиду…

Amarillo Глоуб-ньюс: Amber Waves: Куда унесло все размещенные в сети… Воскресенье, 15 июня, 2003… 5:34. Время центральных штатов. Amber Waves: Куда унесло всех ковбоев? Автор: Кау Ledbetter…

Amber: Рецензии и Размышления

Когда на вашем экране появится иконка устройства РееК, кликните ее, чтобы подтвердить

появление он-лайн устройства A.M.B.E.R.

Ask Jeeves. Добро пожаловать, пожалуйста, введите слово для поиска.

Магнус вбил: ****** ******

По вашему запросу ****** ****** ничего не найдено. Пожалуйста, начните новый поиск.

Магнус вбил: К***** м*****. Для верности он еще раз пересчитал количество звездочек. А потом нажал «поиск». Ресурс выдал сборник гитарных аккордов с основными джазовыми мелодиями, ссылку на сайт музея в Лос-Анджелесе и еще на сайт шрифтов и эффектов, применяемых в комиксах.

После этого Магнус вошел в зону free galleries — в первый раз за все это время. Его буквально оглушил стук собственного сердца, когда он зашел на первый сайт и перед ним развернулась картинка.

Ну и что. Подумаешь, обычный порносайт. Вполне такой безобидный. Какая разница.

Лесбиянки лижут друг другу попки в джакузи. Малышка Петра демонстрирует свою клевую киску. Премиум-сайт жесткого порно. Возбужденная бабуля мечтает об оргазме. Рыжая-бесстыжая старшеклассница с офигенными сиськами — и без комплексов. Сучка глотает всё! Малышка не

на шутку разыгралась в саду со своим мишкой. Девочки-конфетки в одной ванне. Горячая сучка демонстрирует свою розовую дырочку. Рыженькая Роуз с бритой киской. Стерва с большими сиськами дразнит камеру. Распаленный член кончает в ротики малышкам.

Премиум. Офигенно.

Он переместил «набранные адреса» в корзину и выключил компьютер. Не то чтобы это было «гадко» или он был «испорченным», раз смотрел на все эти тела. Это ведь всего лишь тела. Не то чтобы, как бывает в психологических триллерах, все девицы вдруг обрели ее лицо, ничего подобного. У всех были собственные лица. Просто он вспомнил ее лицо, и вдруг ему стало дико стыдно, причем больше всего он устыдился не чего-нибудь, а омерзительности этих «рекламных» описаний, идиотских до рвоты.

Привалившись к стене аптеки «Супердраг» в хмурый последний день года, Магнус размышляет об апории Зенона Элейского о просяном зернышке. Если одно просяное зернышко падает практически бесшумно, означает ли очевидный шум при одновременном высыпании тысячи зернышек, что тысяча «ничто» в сумме дают нечто? Девушки на порносайтах лежали шта-

белями, сотнями тысяч, и на каждом сайте еще тысяча ссылок на тысячу других ссылок. Чтобы просмотреть хотя бы сотую часть, пришлось бы не смыкать глаз. Девушки с этих сайтов показывают свои щелки, «щели в пространстве»[65]… Прямо Шекспир.

Существовал ли реальный Шекспир?

Что такое любовь на самом деле?

Куда унесло Амбер?

После Амбер, по выражению мамы, осталось чувство освобождения и острая необходимость прибраться. По словам Майкла, «Амбер оказалась куда тривиальнее, чем нам представлялось». Она обвела нас вокруг пальца (мама). Она пускала нам пыль в глаза (Майкл). Теперь она предстала перед нами в истинном свете (мама). Она использовала нас самым бесчестным образом (Майкл). Магнус думает о ней, о том, как она использовала его на чердаке, в саду, в церкви. Он вспоминает, как она сняла с него одежду в тот самый первый вечер, когда мыла его. Он вспоминает, как сам бродил по деревне, убитый ее отъездом, как из ресторана вышел мужчина, предложил ему зайти перекусить и рассказал об истории здания.

---

[65] Примечания: 65

У. Шекспир. Макбет. Акт 4, сцена I.

Забавно, думает Майкл, когда меня тошнило у этого самого ресторана — это было незадолго до Амбер, — этот же дядька вышел и наорал на меня. Нынешнему ресторану пришлось побывать кинотеатром, потом, когда мода на кинотеатры прошла, превратиться в бильярдный зал, потом здание было бесхозным, а теперь тут индийское заведение. Если так пойдет дальше, скоро здесь будет что-нибудь новенькое, правда, он не знал, что именно. Ясное дело, Амбер подружилась с ним, как и с большинством местных.

— Присядь-ка, — сказал мужчина, похлопав по стене своего пустого заведения. — Ты голодный? Нет. Вот жалость: у нас полно еды. Целые горы. А есть некому. Знаешь, что написали на стене мужского туалета? Ублюдок, жид мусульманский. Смотри: я не ублюдок. Не еврей. И не мусульманин. Такова жизнь. Так всегда, черт возьми. Вот твоя знакомая. Та девушка. Куда пропала, а? Не знаешь, да? Правда не знаешь? Жаль. Очень жаль.

Мужчина покачал головой.

— Она — просто жемчужина, да, — сказал он. — Истинная леди. То, что надо.

31 декабря 2003 года. Скоро наступит вечер. Надо идти домой. Он смотрит на часы. Останови-

лись. Стрелки показывают без десяти двенадцать — то ли полночь, то ли полдень. Что за фигня. Сейчас всего около четырех. Вот и магазины закрываются. Все эскалаторы всех торговых центров по всей стране останавливаются как по волшебству. Для эскалаторов наступают каникулы. Люди, которые по ним спускаются, либо уже пьяны, либо на верном пути к этому состоянию, т. е. направляются в центр Лондона, словно под действием неведомого магнита.

Значит, ему придется идти наперекор толпе.

На закате летнего дня у пустого ресторана мужчина подтолкнул Майкла в бок.

— Ты точно не голодный?

Магнус помотал головой. Тогда мужчина улыбнулся.

— То, что надо, а?

Магнус медленно поднимается по лестнице, одна ступень, потом другая, потом следующая. Вот он стоит на площадке перед дверью Астрид. Набирает в грудь воздуха. Стучит.

— Отвали, — говорит Астрид.

— Это я, — говорит Магнус.

— Ясное дело, говорит Астрид.

Она чуть-чуть приоткрывает дверь, чтобы посмотреть. Магнусу виден лишь один глаз сестры.

— Ну? — говорит она.

Он садится на пол прямо перед дверью на ковролин, что постелен в коридоре. Ковролин новехонький, так что у стыка с плинтусом все еще топорщатся нитки.

Я сегодня посмотрел совершенно отстойный фильм, — говорит Магнус.

— И? — говорит Астрид.

Сейчас она снова захлопнет дверь.

— Подожди, — говорит Магнус.

Астрид ждет. Но продолжает стоять, как всегда начеку, наблюдая за ним в щелочку приоткрытой двери. Но в любую секунду может ее захлопнуть.

— Здорово было, правда? — говорит Магнус.

— Ты же сказал, что фильм отстойный, — сказала Астрид.

— Нет, я про то, как мы жили в деревне этим летом, — сказал Магнус.

Астрид так и вылупилась на него. И открыла дверь пошире.

— А еще, по-моему, здорово было, — продолжал он, — когда мы вернулись обратно, а дома не осталось ничего старого.

Астрид тоже садится на пороге. И начинает теребить нитки ковролина.

— Это было гениально, — говорит она. — Про-

сто супер.

— Мне лично больше всего понравилось, когда было совершенно пусто, — сказал Магнус. — Можно было идти из комнаты в комнату, словно по пустыне.

— А еще все звуки — когда ходишь или говоришь — были абсолютно незнакомыми. Даже шум дыхания, — сказала Астрид.

— Ага, точно, — сказал Магнус.

— А когда мы разговаривали, то вокруг получалось эхо, как будто мы находимся в настоящем старинном замке, — сказала Астрид. — Или как будто мы находимся на сцене, потому что исчезли все ковры, раньше они были повсюду и вдруг — исчезли. И мы все как будто выходили на дощатую сцену — даже когда просто шли через комнату.

— Ага, — отозвался Майкл.

— Но ничего подобного, — сказала Астрид. — Мы были не на сцене, а в доме, своем собственном доме.

Магнус кивает.

— Кэтрин Массон, — говорит он.

— Что? — спрашивает Астрид.

— Это ее имя, — говорит Магнус.

— Чье? — спрашивает Астрид.

Магнус произносит *ее* имя еще раз:

— Кэтрин Массон.

И он через распахнутую дверь рассказывает Астрид все, по крайней мере все, что он про это знает или в силах рассказать, о начале начала

…все эти матросские шутки на его счет, он и сам-то без конца, против воли придумывал их пачками, чего уж говорить о «доброжелателях», как говорится, рады стараться — все хихикают про м-*оральную* гибкость, семян ары для избранных, *глубокое проникновение* в предмет, он стал излюбленным предметом шуточек *членов* студкомитета, да и не только их, но — он ничуть не сомневался — и злорадствующих коллег в профессорской, если, конечно, он не страдал манией величия и одновременно преследования, воображая своих коллег, отпускающих тонкие шпильки в его адрес, а также змеиный шепоток, ползущий по факультету, шелестящий в воздухе за запертой на ключ дверью его кабинета (если, конечно, это все же его кабинет, а не его преемника, он-то уже снес свои книги и папки с документами в помещение в цокольном этаже, сам, по собственному почину), а также более терпкий, немного застарелый запашок университетских коридоров, который быстро перестаешь замечать,

но ведь он никуда не девается, и подсознание безошибочно определяет, на каком факультете ты находишься. «Бомба» взорвалась лишь пару дней назад, и какой-то червяк пришпилил эту похабщину на официальном бланке прямо на дверь его кабинета рядом со списком желающих посещать его семинар и копией стихотворения Блейка, постель ублаготворенного желанья, Господи. Он вернулся в кабинет за пальто, тогда он в последний раз появился на факультете, тогда, в октябре, и бац — висит эта мерзость, рядом с официальным уведомлением о необходимости обратиться к профессору Динту для назначения нового преподавателя в связи со временным отсутствием такого-то. *Предупреждение от саннадзора факультета. Девушки: переживаете из-за слишком низких оценок? Хотите повысить успеваемость? Смело записывайтесь на индивидуальные консультации к профессору Смарту (юноши: не исключено).*

Факультет. По крайней мере, его не считают старым козлом: «юноши: не исключено». Вероятно, к этому времени Динт уже распорядился удалить эту бумажку (как, по всей видимости, и собственное чувство юмора десяток-другой лет назад.) А возможно, она все красуется на его

двери, Майкл точно не знает, он ведь не ходил на работу. Поразительно — он зашел в книжный магазин, и его накрыли воспоминания об университете — запахи, книги и т. п. Может, та пакость — единственное, что осталось на факультете, да еще табличка с его именем — если, конечно, ее тоже не сняли. Доктор Майкл Смарт, университетская притча во языцех.

Невероятно — но в той, прошлой жизни, целую жизнь, т. е. полгода назад, — он хотел подготовить новый цикл лекций по своему предмету, причем собирался начать уже в этом семестре, в начале семестра все носятся как угорелые с семинара на коллоквиум, словно в жизни нет ничего важнее. Притча во языцах — это клише, которое имеет, помимо метафорического смысла, т. е. «затертая до дыр фраза или реплика», еще и буквальный — застывший отпечаток в любом мягком материале. Майкл Смарт, пробу ставить некуда. Податливый материал. С отпечатком сплетни.

Впрочем, все было к лучшему. Все было. Для него это было освобождение. Что, в частности, дает ему право нырнуть ранним вечером, вот как сейчас, в книжный магазин и поступить именно так, как он и поступил — пронесся мимо

отделов художественная литература — литературная критика — история критической мысли, направившись непосредственно в милый уху кратеньким названием отдел спорта. Майкл Смарт, наконец обретший себя. Еще ни разу в жизни — в старой, ненастоящей жизни — он не позволял себе пройти мимо литотдела, не поинтересовавшись, что продается хорошо, что залежалось на складе, какие появились новинки, что на выкладках и какие книги из его собственного «рейтинга» находились на полках, — так он решал, хороший это магазин или так себе.

Но на протяжении нескольких месяцев стоило ему приблизиться к книжному магазину, его чуть не рвало. Он не мог даже взять книгу в руки, не испытав тошноты. Так что все к лучшему. Ведь все прошло. Он вернулся. В магазин, где продавались книги самых разных жанров.

Утром того же дня Майкл принял решение: он пойдет в горы и будет идти все вверх и вверх до опупения. Он принял решение в дороге, когда ехал по шоссе M25, в пробке, пялясь в мрачное, но, без сомнения, весеннее небо на горизонте, и слушал Радио-4, по которому какой-то чувак, имени он не уловил, рассказывал, какое это потрясающее чувство — идти в полном одиночестве,

внизу весь мир, преодолевать непреодолимое, добраться до высоты, на которой уже не попадается мусор, оставленный человеком. Так вот, этот чувак не раз видел по пути останки погибших альпинистов. Незахороненные тела людей, сорвавшихся со скал, или потерявших сознание в разреженном воздухе, или по какой еще причине не сумевших выжить, и таких было навалом (пардон) в горах, где природа бросала людям настоящий вызов. Мужчина описывал такой поступок — идти дальше по тропе, переступив через труп, — как акт духовного возрождения.

Стоял февраль. Февраль всегда полон надежд. Февраль — это практически весна! А весной возможно абсолютно всё. В книжном магазине стоял приятный аромат кофе. Он сейчас подберет книгу и пойдет выпить кофе, а заодно решит, стоит ли ее покупать. Как правило, он не пил кофе ближе к вечеру. Сегодня все правила — в жопу. Правила — это что-то заскорузлое, ушедшее в прошлое. Майклу нравилось просыпаться поздно. А надо ли тогда ложиться спать точно в такой — то час? Нет. Он — свободная личность. *Спорт.* Футбол — хоккей — скачки — мотогонки — альпинизм. Он снял одну из глянцевых книг с полки. На обложке был изображен компас. Майкл открыл ее. *Нави-*

гация — это здорово! Не думать об этом опасно для жизни. Судя по оглавлению, вроде книга правильная. *Погода в горах. Техника передвижения по снегу и льду. Безопасность на крутых склонах. Поведение на разной высоте. После меня — лишь следы. Содержимое вашего рюкзака.*

Да. Вот этим-то и займется отныне доктор Смарт. Только простыми, твердыми или сыпучими, или каменистыми склонами, а также различными видами пород, рыхлыми и влажными.

Твердый.

Влажный.

Почему слова так нагружены смыслом? Почему они немедленно обретают иное значение и обращаются в свою противоположность, и способны навредить себе и ему, Майклу? Неужели все на свете — чепуха? Все против него? *Какой прекрасный конец. Это было потрясающе. Вы изумительно кончили. Давайте еще. Вот так, то что надо.* Его бедой была открытость души, щедрость личности, желание отблагодарить каждую молоденькую шлюшку, которая сейчас смеет зубоскалить на его счет. Вот бы увидеть на опасном снежном склоне россыпь трупов всех этих девок-недоучек, и Марджори, и Тома, и этой

иссушенной ведьмы-лесбиянки из администрации, как бишь ее, он не помнил, похожую на надзирательницу в женской тюрьме — нет, хуже, на персонаж из сериала про женскую тюрьму, которая сидела напротив него с вытянутой рожей в профессорской на факультете. Фак-культете. Ну вот, опять. Видите, он может шутить даже над собственным низвержением, о действиях собственного тела пониже пояса. Вряд ли это был конец света. Впереди, выше всего этого, его ждали захватывающие красоты чистой природы в ее высочайшем проявлении. Вот на склоне рядом с тропой лежит труп Эммы-Луизы Саквил, конечно, не в натуральном, а в виртуальном виде. Одно письмо и электронная переписка. И выглядит все это омерзительно, словно она сама и лежит как куча мусора на заснеженном склоне.

Майкл взял с собой в кафе при магазине три книги. «Техника альпинизма», «Мастерство и лидерство в горах» и «Справочник альпиниста». Он заказал у девушки двойной эспрессо. И даже не взглянул на нее. Она хотя бы хорошенькая? Ему так не кажется. Вот чудно: он не встречал привлекательных девушек уже несколько месяцев. Он держал книжки под мышкой, обложками наружу, так что любой, кто взглянул бы на него,

мог рассмотреть фотографию на первой: скалолаза, поднимавшегося вверх по расщелине, высоко-высоко над верхушками редких деревьев. Вот он какой, Майкл. Точнее, вот каким вскоре непременно станет. Он взял свой кофе и уселся в кресло. И вот, усевшись, он вдруг почувствовал себя обманутым. Вот в Америке, к примеру, он бывал там несколько раз, опустившись в кресло кофейни любого крупного книжного магазина, он ощущал приятный такой, даже, пожалуй, победный зуд особой причастности, словно завоевал важную территорию, успев плюхнуться в кресло до того, как в него плюхнется какой-нибудь американец. Здесь же трое мужчин, сидевшие в креслах, казались неприкаянными, чуть ли не безработными или наркошами, и кресло, которое занял Майкл, пахло чем-то кислым, пролитым молоком, что ли.

Он открыл первую книгу. И задохнулся от обилия новых, чудесных слов. К примеру, *преодолимый.* Наконец он встретил слово, которое значило то, что значило. Дальше — больше: список терминов и названия различных видов снега и льда; плато и стеллы, колонны и иглы, обширные пространства, обрубленные колонны, снежная крупа. Крупа! Изумительно. Вот чего

так долго искал Майкл, абсолютно новый язык. Целый язык для обозначения палаток: палатка-купол, палатка-обруч, конусовидная палатка. Вам необходим плащ, говорилось в книге. И подшлемник или шапочка для горнолыжного спорта. «Тело теряет треть своего тепла через макушку». Поразительный факт! Майкл знал об этом, но как-то никогда до конца не осознавал — что тело теряет энергию подобно нагретой лампочке. Вам необходимо иметь непромокаемые брюки с молниями на штанах, чтобы при переодевании не приходилось снимать ботинки. Какая гениальная простота, нет, честно. Мозоли оказываются серьезной проблемой. Веревка — «мертвой» или «живой». Сам язык здесь был живой по причине непосредственной функциональности — более того, заряжен истинной, физически ощутимой верой. *На Британских островах практически все горы пригодны для восхождения.* Что ж, это радует. Очень практичная книга. Вот совет, как заметить выступ под снегом. Майкл отпил кофе. Какая гадость. Чашка зазвенела на блюдце, и Майкл поставил ее на низковатый столик. Сначала он поедет в Пик-Дистрикт, или в Сноудонию,

или в Брекон-Биконс, или в Йоркшир-Дейлс.[66] Он приедет на машине. Потом оставит машину на автостоянке у подножья горы или у миленькой гостиницы, где подают завтраки «от всего сердца». Он пролистал дальше. Между прочим, молнии становились причиной гибели небольшого количества альпинистов каждый год. При этом автор отмечал, что альпинисты рассматривают это как кару Господню и советовали не избавляться от ледоруба, в который попала молния, даже если он зудит или искрится, поскольку он может пригодиться позже. Майкл подумал, в каком смысле речь зашла о каре Господней: ради красного словца или в качестве предостережения. Он перевернул страницу. Там был список веревочных узлов. Узел альпиниста, узел-бабочка, двойной морской. Он вспомнил Филиппу Нотт. Подумал, интересно, *каков тот Ротт, что учит Филиппу Нотт.* Кто вяжет с ней двойной морской. *Узел альпиниста.*

Он закрыл книгу.

Все во власти Божьей.

Не было на Земле закона, по которому Майкл Смарт, уже не в юном возрасте, смог подняться

[66] Примечания: 66

Названия самых крупных национальных парков Великобритании в горных местностях Дербишира, Йоркшира и Уэльсе.

в такую высь.

— Вы слишком долго искушали судьбу/ Майк, — в неформальном разговоре обратилась к нему Марджори Динт (*Майк* — признак неофициальной беседы). — Любите, как говорится, кататься, любите и саночки возить (клише!). Одна девушка — еще туда-сюда, мы бы это замяли. С одной мы бы что-нибудь придумали. Не думайте, что мы сидели сиднем. И не говорите, что я вас не предупреждала, — я обращалась к вам и пять лет назад, и четыре, и три, и два года назад, и в прошлом году. Эта Саквил — лишь первая ласточка перед лавиной (сравнение никуда не годится, Марджори). На сегодняшний день мы получили семь жалоб, на ваше счастье, ни одна из них не составлена грамотно, только этой Саквил, но помяните мое слово, Майкл (о, Марджори, так, значит, все-таки разговор официальный?), это дело так просто не закончится.

Марджори Динт, выдающая реплики, словно строчки из сценария пошлейшего остросюжетного сериала Би-би-си.

Да, Майклу нравится спать с девушками. Это что, преступление? И им тоже нравилось. Это тоже преступление? Официально Марджори Динт предостерегала его при Томе и при той лесбиянке

из администрации. Официально это означало временное снятие с должности, выплату 50 процентов зарплаты, мы из кожи вон лезли чтобы выбить для вас хоть какие-то деньги, угроза *официального увольнения.*

Внутренние органы. Телесная оболочка. Теперь книга открылась на симптомах гипотермии. Майкл с изумлением понял, что у него имеются почти все. Безусловно, он ощущал озноб и усталость, причем постоянно. Безусловно, всю прошедшую зиму — то меньше, то больше — он ощущал онемение в кистях рук и ступнях. Да, действительно, порой у него начиналась дрожь. Да, у него наблюдалась физическая и умственная апатия, когда он был не в состоянии ответить на вопрос или совершить некие действия. Все это правда. Именно так он и чувствовал себя — постоянно. Да, у него случались нервные срывы и немотивированные всплески энергии. Да, у него дрожали руки, даже сейчас. Только поглядите, он чуть не грохнул минуту назад несчастную чашку, как он без конца ронял чашки и другие предметы у себя дома, на кухне и так далее. Он вдруг стал чрезвычайно неуклюж. Это что, тоже симптом? Ага. Да, он не мог как следует сосредоточиться. Особенно трудно ему было смотреть телевизор

в полной темноте, так любила Астрид. Да, часто у него вообще отсутствовали мысли. Да, и легкие судороги бывают. И он всегда очень бледен. Майкл глазам своим не верил, глядя по утрам в зеркало, — труп, да и только. Он понял: у него наблюдается *мертвенная бледность*. И не только у него; порой ему казалось, что все вокруг окрашено в мертвенно-бледный цвет. Может быть, у всего мира гипотермия? Причины: *изможение, переохлаждение на ветру, потеря присутствия духа, дурные предчувствия, страх, ощущение безнадежности — типичное завершение «главы последней сборника ошибок», слишком долгое нахождение в горизонтальном положении, суровые погодные условия, ощущение бесцельности стремлений в конце долгого рабочего дня.* Он обдумал все приведенные причины, одну за другой. И обнаружил в себе почти все.

Майкл встал. Его трясло. Это — «ощущение пустоты под ногами». Он положил книги на столик. Прошел в другой конец магазина, прочь от остальных «нежильцов». Спрятавшись за полкой с книгами жанра «нью — эйдж», он достал свой мобильный. Пробежался по записной книжке и вызвал номер Евы.

Скорее всего она не ответит.

Заговорил ее автоответчик.

Он нажал «отбой» и вызвал номер Чарис Браунли. Заговорил ее автоответчик, ее голосом, с ее уэльским акцентом. Он нажал «отбой» и позвонил ей на домашний. И снова услышал уэльский акцент автоответчика.

— Это Майкл, — сказал Майкл. — Майкл Смарт. Давно не виделись. Надеюсь, у тебя все в порядке. Я тут в книжном магазине и вот хотел спросить, то есть хотел с тобой посоветоваться. Я на мобильном, если получишь мое сообщение в течение часа, пожалуйста, перезвони, хорошо?

Возможно, ее нет в Лондоне. Она вечно в разъездах, то в Риме, то в Нью-Йорке. Ее муж тоже психотерапевт. Она с ним в связке. Совместными усилиями они сколотили огромное состояние, они постоянно были в отъезде, и поэтому их услуги стоили баснословных денег. Майкл перестал ходить к Чарис прошлой весной, почти год тому назад, потому что на ее последнем супер-эксклюзивно-дорогом сеансе они занимались тем, что составляли хит-парады своих любимых поп — песен. Он перестал посещать ее сеансы вскоре после того, как рассказал об этом Еве, которая тогда чуть не лопнула от смеха.

Майкл, дрожащий в ознобе посреди магазина,

не мог придумать, кому бы еще позвонить.

Он позвонил домой. Трубку сняла Астрид.

— Это я, сказал Майкл.

— Ага, сказала Астрид.

— Я буду дома где-то через час, — сказал он. — Надо оставить на кафедре кое-какие бумаги, гм, для студентов.

— Ага, сказала Астрид.

— Ты поела? — спросил Майкл. — Может, хочешь, чтобы я что-нибудь купил?

— А ты сам поел? — спросила Астрид. — Ты жутко исхудал в последнее время.

— Магнус дома? — спросил Майкл.

— Ага, — сказала Астрид.

— Ну ладно, — сказал Майкл. — Скоро буду. Мама не звонила?

— Не-а, — сказала Астрид.

И повесила трубку первая.

Как он несчастен.

Потом он спустился в нижний зал поискать книги Евы. В отделе истории их не было. В биографиях тоже. Они стояли в художке, какая глупость, причем здесь была только самая последняя, зато аж десять экземпляров. «Интервью от первого лица. Илзе Зильбер». Он снял книжку с полки и перевернул, чтобы посмотреть на заднюю об-

ложку с фотографией Евы. Она на ней моложе, улыбается. Майкл сделал несколько глубоких вдохов. Вдох ртом, выдох через нос.

— Ну и какой же хит-парад получился у тебя и какой у нее? И какой это оказало лечебный эффект? — спросила Ева, отдышавшись после приступа смеха. Она сидела на кровати. Майкл чувствовал себя болваном, но почему-то это было приятно. Он тоже сел на край кровати, ему было немного стыдно, но в то же время ужасно занятно. *Рэй Стивене, «Загадка». «Фор Сизонз», «Декабрь 1963» (Ох, какая ночь!»). Крис Монтез, «Чем чаще я тебя вижу». Элвис Костелло, «Армия Оливера». «Дайр Стрейтс», «Ромео и Джульетта».* Первое место у Чарис Браунли занимала композиция «Старленд Вокал Бэнд» — «Полуденный восторг». Услышав это, Ева захохотала по-новой.

О, как ты умеешь возбудить мой аппетит, — запела она. *— Потрешь два прутика на камне — и огонек горит. Моя ракета ввысь летит.*

Майкл засмеялся, сидя дурак дураком.

— А, часом, «Богемской рапсодии»[67] не было в ее хит-параде? — спросила Ева.

Майкл скорчил рожу, кивнул.

---

[67] Примечания: 67
Знаменитая рок-баллада группы «Куинн».

Ева снова зашлась от смеха.

— А «Представь себе?»[68]

Он поднял брови вверх и беспомощно пожал плечами. Ева так закатилась от смеха, что слезы на глазах показались. Он никогда раньше не видел, чтобы она так сильно над чем-нибудь смеялась. Он сидел и улыбался рядом с ней на кровати. Он сейчас любовался ею, но в то же время ему было неприятно.

(Твой выбор композиций выявляет то, что я полагаю твоим почти патологическим стремлением ради высокой самооценки снять с себя всю вину за происходящее, вот что приблизительно сказала ему тогда Чарис Браунли. Ты ведь помнишь высказывание Оскара Уайльда, Майкл. «Все мы невинны, пока мы не попались».)

Немая сцена: Майкл и Ева только что вошли в свой ограбленный дом, на друг друга не смотрят. На полу между ними автоответчик, единственный предмет в абсолютно пустой комнате. Автоответчик прокручивал все сообщения, потом выключался и снова включался. Там было одно сообщение, касающееся Магнуса, одно для Евы и, наконец, для Майкла.

---

[68] Примечания: 68

Одна их самых известных песен Джона Леннона.

Марджори Динт. Игры закончились, Майкл. Это Марджори. Позвоните мне. Прошу вас, будьте предельно осторожны в общении. Дело передано в юротдел.

— Клянусь тебе, я понятия не имею, о чем идет речь, — сказал Майкл.

— Не волнуйся, — сказала Ева. — Я знаю.

Она кивнула. И взяла его за руку.

И Майкл, глядя на фотографию Евы в книжном магазине, словно заново это понял, это происходило с ним ежедневно со дня приезда, и каждый день это осознание сваливалось как снег на голову, как грандиозная новость, как будто он страдал неким заболеванием мозга, которое позволяло ему удерживать информацию в голове не долее суток.

Поразительно.

До него дошло: Ева все знала. Знала давно, все это время, и ее это совершенно не трогало. А еще он понял, что они оба, и он, и она, ждали подобного сообщения.

Он сел на пол в углу, который образовывали полки с художественными произведениями на буквы С и Т, и великодушие Евы разверзлось перед ним подобно небесам.

И тут же закрылись, вмиг побелев. Превратив-

шись в белый потолок магазина. Он сидел на полу. Боже, какой стыд. С умным видом перебирая книги, профессор Майкл Смарт, официально отлученный от должности, взял первую попавшуюся книгу с таким видом, будто искал именно ее. «Путник и лунный свет». Некий Антал Серб.[69] Никогда не слышал. Перевод с венгерского 30-х гг. Майкл любил переводные книги. Похоже, эта книга была как раз что надо. Он открыл ее. *Никакая радость, что я испытал с тех пор, не захватывала меня так властно, как боль, как вселенская печаль при мысли, что мне никогда не добиться ее любви, что я ей безразличен.*

Майкл захлопнул книгу и поставил на место. Все, что ни тронь, ранило. Все страдало и умирало. Пора домой.

А что если взглянуть так. У них на пороге появляется красивая молодая женщина. В плохонькой одежде, голодная, бесприютная. Она стучится во все двери, ищет кто понаивнее; такая «проверка на вшивость». Одна ни в чем не повинная семья, этакие добрые самаритяне, приглашают ее в дом, кормят, оставляют на ночлег. А на следующее утро они просыпаются на полу, потому что она

---

[69] Примечания: 69
Венгерский ученый и писатель (1901–1945).

обокрала их подчистую. Кровати, посуда, даже завтрак со стола. Все исчезло.

Отец вскакивает на ноги. Смотрит на себя в зеркало. Вроде все как всегда. Только отчего-то болит в груди. И в спине тоже. Он проводит пальцами у себя по позвоночнику у лопатки и обнаруживает там отверстие. Небольшое, с детский кулачок. Стойте, внутри у него как-то подозрительно тихо. И тут до него доходит: пока он спал, коварная красотка вскрыла ему грудную клетку и украла сердце.

Он смотрит на жену. Она выглядит так же, как обычно. Он смотрит на девочку и мальчика. Они тоже выглядят как всегда. Он не может понять, украдены у них сердца или нет, и не представляет, как это выяснить. Задать вопрос вслух нельзя, это может разрушить чары и они бездыханно упадут к его ногам словно картонные фигуры, семейка големов. Да и он рухнет наземь. Главный голем.

Он знает, что ему необходимо забрать свое сердце обратно, неважно, где и у кого оно сейчас находится, — иначе он умрет. Он продолжает думать о молодой красавице, как она играла, как заигрывала с ним, какого труда ему стоило оттолкнуть ее, когда она прижала его к стене дома

и ждала его поцелуя, и как же он гордился, что сумел сказать *нет, это невозможно, я не могу.* Снова клише. Уместно ли тут слово «играла»? Или это какой-то устойчивый фольклорный оборот? Похоже на то, но возможно, Майкл специально употребил его для усиления значения «заигрывала».

Он поднялся, провел рукой по брюкам. Сейчас он подойдет к указателю у входа, чтобы посмотреть, где расположен отдел справочной литературы, и проверит слово в словаре. Затем пойдет на кассу и купит книгу Евы. Она стоила дешевле, чем та, про горы, кроме того, ему доставляла удовольствие мысль, что это будет первая собственная книга Евы в их доме с тех пор, как эта аферистка Амбер обчистила их дом.

Но в магазине не оказалось нужного отдела.

— Нет… нет такого отдела? — переспросил Майкл.

— Мы не продаем словари, — сказал паренек за кассой. — Когда-то продавали, но перестали. На месте справочной литературы теперь находится отдел иностранных пословиц и поговорок. Он расположен на третьем этаже, там же, где путеводители.

— Ясно, — сказал Майкл. — Спасибо.

Что это за книжный магазин без словарей?! Майкл — из-прошлого устроил бы им сцену, по крайней мере, отпустил бы колкое замечание. Нынешний Майкл достал бумажник, при этом воскликнув, ой, кажется, он оставил свои книги по альпинизму наверху, на столике в кафе.

— Не беспокойтесь, — сказал паренек. — Кто-нибудь из сотрудников увидит их и принесет в зал. Это наша работа. Восемь девяносто девять, пожалуйста.

Что это за книжный магазин, где нет справочной литературы? В голове не уклыдывается. (Клише.) Интересно, размышлял он, заплатив за книгу и направившись к выходу, каким конкретно образом факты «укладываются» у нас в голове? Ага, видите? Можно разобрать идиому «по косточкам», но смысла от этого не прибавится. Он остановился посреди промокшей улицы и откашлялся. На дворе февраль. Коварный месяц. Он снова откашлялся. Господи, что за стариковский кашель. Вот они, новые ощущения: глубокий такой кашель, словно проснулись никогда не существовавшие воспоминания о жизни в холодном и мокром месте, и вот результат — больные легкие. Смахивает на туберкулез. Может, это и есть туберкулез. Болезнь вернулась, трубят по

всем телеканалам; вроде как появился новый штамм, устойчивый к антибиотикам. Взять того же Китса, умер в двадцать шесть лет, так же вот по-стариковски кашляя. Ките любил свою Фанни. Уй! Ниже пояса ни с того ни с сего возникла резь, словно от сильного удара. Все, надо идти к врачу. Надо записаться к терапевту и пройти полное обследование. Например — пойти на факультет и обратиться к профессору Смарту. *Что вас беспокоит?* Видите ли, профессор, на прошлой неделе я проснулся весь в синяках и кровоподтеках, везде, по всему телу, по ногам, рукам, груди, и без всяких на то причин, профессор, я не бежал эстафету по просторам родины, меня никто не избивал. А еще я постепенно начинаю понимать. *Начинаете понимать?* Да, впервые в своей жизни. А еще я не могу удержаться от глупых каламбуров, и мне от этого физически больно. *Сестра, пометьте: пациент злоупотребляет инверсией.* А еще у меня нет жизненных стимулов. Мне так плохо. *Вам плохо?* Да, доктор. *Гм. А как вы спите?* Практически не сплю. Мне нравится только одно: гнать и гнать на машине, день и ночь, часами напролет и без остановки, хотя, конечно, не по встречке, я еще не совсем «того». Кроме того, сегодня в книжном магазине я заметил, что у меня налицо

все типичные признаки гипотермии. А теперь я кашляю как заведенный. *А какой у вас аппетит? Знаете.,* я как-то совсем не хочу есть. Не знаю почему. *Ну хорошо. А теперь я вас послушаю.*

Но что, если врач приложит стетоскоп к его груди и вдруг озадаченно посмотрит на него, поскольку не услышит даже слабого сердцебиения?

Он вступил на участок тротуара, где в асфальт была вделана панель из плексигласа, под которой клубились вьющиеся растения, похожие на водоросли, липнущие снизу к стеклу. Ему стало не по себе от этого растительного буйства. Если начистоту, он по-настоящему струхнул, эти проклятые водоросли, придавленные плексигласом, были в два пальца толщиной. С недавних пор подобные мелочи повергали его в бессильный гнев. О, трехметровое лицо девушки на огромном рекламном щите чем-то напоминает ее. А девушка в телерекламе «имодиума», смеющаяся на пару с папашей по поводу триумфальной победы над диореей, — просто неудачная пародия; на миг ему показалось, что женщина в следующем ролике, с улыбкой смотрящая телевизор, лежа в образцовой палате частной клиники, — она, и тут же он подумал — да ничего общего. Как-то вече-

ром он остановился, судорожно ловя воздух ртом, увидав затылок длинноволосого парня, спускающегося в метро. Или та женщина, пронесшаяся мимо него в автомобиле в противоположную сторону, к острову Догз,[70] ну прямо одно лицо — вжик, и исчезла. Но у нее была другая машина. Нет, это была не она, невозможно. Растения под плексигласом — они напоминали ее. Не просто напоминали. В каком-то смысле они *были* ею, в этом городе, чье имя — суета сует, навеки лишенном прелести после отпуска, проведенного этим летом в захолустной дыре. Вот, например, сейчас Майкл шел мимо магазинов по Тотнэм Корт-Роуд, но эта улица была не более чем морок, а улицы, уходящие от нее налево и направо были плодом помешательства и больного воображения. Гудж-стрит была галлюцинацией. Карта метро как иллюзорное представления о цели и направлении. Шоссе М-25 — дурацкий закольцованный «квест». Реальный мир обретался где-то далеко — там, где она.

Только представьте себе: она методично обчищает комнату за комнатой, перенося вещи к входной двери и глубокой ночью перетаскивая

[70] Примечания: 70

Догз (Isle of Dogs) — один из группы Фарерских островов, расположенных между Шотландией и Исландией.

по асфальту к фургону. У нее был сообщник, мужчина, без сомнения. Куда без сообщника. Кто-то же должен был таскать тяжелые вещи; кроме того, надо было прибраться после трудов праведных. Хотя, может, это был не мужчина. Это могла быть та угрюмая женщина, которая прибирала в их норфолкском доме. Может, они вообще работали в связке; одна подбирала подходящие дома для сдачи в аренду, а другая «обрабатывала» арендаторов. Может, они были больше чем сообщницами. Как-то раз, направляясь к станции, он видел, как они разговаривали по дороге в деревню.

Возможно такое? Возможно. Конечно нет: она одиночка. И работала одна. Ездила по стране в своей раздолбанной белой машине как инфернальная ипостась сотен государственных участковых фельдшериц, которые добровольно ехали к черту на кулички и стучались в дома незнакомых людей, чтобы провести полный осмотр их органов. Их *телесных оболочек. Чтобы насморк вас не мучил, мы сейчас платок вам вручим.*

— Эй, девушки, вас подвезти? — крикнул он им, опустив окно. — Я еду к станции. Могу подвезти вас до деревни, если хотите.

Их уборщица открыла заднюю дверцу и плюхнула свой пылесосище на заднее сиденье. Что ж, сам напросился. Амбер помахала им на прощанье и пошла обратно к дому. Он смотрел и смотрел в зеркало заднего вида на ее прекрасные плечи, пока она не исчезла за поворотом дороги. И нет ее. Уборщица восседала на заднем сиденье с таким видом, будто ехала в такси; она сидела вплотную к пылесосу, перекинув его толстый резиновый шланг через шею. У пылесоса был «прикольный» дизайн — с нарисованной рожицей, глазами и улыбкой.

— Ну и странная штука, наши привычки, — сказал Майкл. — Мы антропоморфизируем даже технику для уборки дома, а?

— Это Генри, — ответила уборщица. — Лучший домашний помощник.

— Я хотел сказать, что, когда производитель делает пылесос или что-нибудь еще с таким «человеческим» дизайном, он стремится к тому, чтобы мы, придя в магазин, выбрали именно эту модель, а не другую, — сказал он.

— Я знаю, что значит «антропоморфизировать», — сказала уборщица.

— Ох, да я вовсе не имел в виду, что вы не знаете, — сказал он, но она уже смотрела в окно с

полнейшим равнодушием.

Она была такая некрасивая, с огрубевшей кожей, впрочем, как большинство жителей деревни, словно с самого рождения они не ели ничего, кроме сырых корнеплодов, выкопанных на ближайшем поле.

Майкл глубоко вздохнул.

— Где вас высадить, Катрина? — спросил он. — Кстати, а где ваша машина?

— Можно на круге. У меня нет машины, — сказала Катрина.

— Мне казалось, у вас «кортина», — сказал Майкл, и только потом вспомнив, что «кортину» они придумали с Евой, в шутку. Но женщина, казалось, не обратила внимания. Может, она немного туповата. (Но ведь она знает слово «антропоморфизировать»!)

— Вам не трудно здесь без машины? — спросил Майкл.

— Где — здесь?

— Ну, здесь, то есть, ну вы понимаете, я хотел сказать, вам ведь приходится таскать с собой все эти приспособления и чистящие вещества туда-сюда из дома в дом, — сказал он. — Нелегко, наверное.

— Он совсем не тяжелый, — возразила Катри-

на. — И у него есть маленькие колесики.

— А, — сказал Майкл, — ну да, да.

— Вот здесь, пожалуйста, мистер Смарт, — сказала она. — Большое вам спасибо.

Она выбралась из машины, вытащила из нее пылесос и аккуратно закрыла дверцу.

— Постойте, — сказал Майкл.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака бумажник, открыл его, достал три двадцатки и протянул ей через окно.

— Кажется, моя жена не платила вам за ту неделю, — сказал он.

— Вы не должны мне платить, — сказала женщина. — Уборка входит в аренду.

— Думаю, не помешает, — сказал он.

Катрина не улыбнулась. Но деньги взяла.

Станция метро «Гудж-стрит». Майкл вытянул перед собой руку. Она дрожала, но несильно. Перед тем как, миновав турникеты, спуститься в тряском лифте на платформу, он снова достал мобильный. И вызвал номер Евы.

Автоответчик.

— Привет, это я, — сказал Майкл. — Как ты там? Надеюсь, все нормально. Хотел тебе кое-что сказать. У меня для тебя парочка новостей. Точнее, три. Во — первых, я умудрился где-то переохла-

диться. Да, забавно, я понимаю. Но, кажется, это серьезно. Во-вторых, без конца звонят из правового отдела «Джупитер — Пресс». Что-то связанное с родственниками. Может, ты перезвонишь им? И третье, на основном счете осталось всего две тысячи, а Астрид просит денег на школьную поездку, а Магнус хочет съездить в Лурд.[71] Ха-ха. Да, я понимаю. Но шутки в сторону. Я вызывал страховщиков по поводу украденного. Для оценки им необходимо три месяца. То же самое они говорили три месяца назад. Что будем со всем этим делать? Позвони мне. Поскорее.

Он захлопнул крышечку мобильного, купил билет в метро, вошел в лифт и спустился в преисподнюю с видом человека, точно знающего, куда он держит путь.

Магнус и Астрид в гостиной смотрели телик. В полной темноте. Майкл включил верхний свет.

— Всем привет, — сказал он.

Неразговорчивый приятель Магнуса, Джейк, тоже сидел с ними.

— Здравствуй, Джейк, — сказал Майкл. — Как дела?

Джейк что-то пробурчал, «спасибонормально».

---

[71] Примечания: 71

Город в юго-западной Франции, у подножья Пиренеев. Важный центр паломничества католиков.

Майкл снова выключил свет.

— Спасибо, — сказала Астрид.

Майкл сел в единственное свободное кресло.

Этот Джейк постоянно околачивался у них дома; и часто оставался ночевать. Майкл начал задумываться, не слишком ли много, вообще говоря, они с Магнусом общаются и не стоит ли сказать об этом Еве, а вдруг они балуются наркотиками, но как-то ночью, полчаса простояв под дверью Магнуса и слушая их оживленные разговоры про Паскаля и Тейяраде Шардена[72] и что делать, когда родители вот-вот разведутся, он перестал говорить Джейку в полночь, а разве твоя мама не волнуется, когда тебя нет дома в такое время?

Сидя в темноте, троица смотрела передачу, посвященную Геббельсу

— Что это за передача, Астрид? — спросил Майкл.

— «История Великобритании».

Программа передач торчала из подушек его кресла. Майкл пролистал ее до нужного места, нашел время и канал. Потом загнул страницу и попытался прочитать текст в слабом свечении

---

[72] Примечания: 72

Тейяр де Шарден (1881–1955) — французский теолог и философ, священник иезуит, один из создателей теории ноосферы.

телевизора.

ИСТОРИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
7.00 Нацисты: Уроки
истории 8.00 Нацисты: Уроки
истории 9.00 Нацисты: Уроки
истории 10.00 Нацисты: Уроки
мировой истории 11.00 Нацисты:
Уроки мировой истории 12.00 Нацисты:
Уроки мировой истории 13.00
Война XX века 14.00 Война
XX века 15.00 Война XX века
16.00 Война XX века 17.00 Ужасы
Востока 1 8.00 Ужасы Востока
19.00 Нацисты: Уроки
истории 20.00 Нацисты:
Уроки истории 21.00
Нацисты: Уроки истории
21.00 Нацисты: Уроки истории
22.00 Нацисты: Уроки
истории 23.00 Нацисты: Уроки
00.00 Нацисты: Уроки
истории 1.00 Внимание

— Полагаю, мы смотрим «Нацисты: Уроки истории», — сказал Майкл.

— Если тебе не нравится, можешь не смотреть. В доме полно комнат, — сказала Астрид.

Знаешь, ты с каждым днем все больше напоминаешь маму, — сказал Майкл.

— Ни фига, — сказала Астрид и тут же переключила канал.

— Я в хорошем смысле, — сказал Майкл. — Вообще — то, я люблю твою маму.

На экране группа людей занималась ремонтом абсолютно пустого дома. Потом появились данные о том, на сколько дом поднимется в цене после завершения отделочных работ. Майкл застонал.

— Ну это уже конец, мы ждем фильма, е-мое, — воскликнула Астрид.

— Да нет, я не про передачу, — сказал Майкл. — Просто мне не здоровится. Астрид, не ругайся, пожалуйста.

— Не здоровится — это как? — спросил Магнус.

— Гипотермия, — сказал Майкл. — Типичный случай.

— Вам нужно в приют, — сказал вдруг Джейк.

— Что? — спросил Майкл. — Чудненько. Спасибо, что подсказал. «Приют». Чудесно.

— Вам нужно находиться в тепле и, по возможности, не сидеть на голой земле. Вам нужно

горячее питье, еда и дружелюбное окружение.

Это было самое длинное высказывание Джейка в истории. Майкл подумал, жаль, Евы нет, он бы в красках описал ей эту сцену вечером перед сном.

— Кто-нибудь должен лечь вместе с вами в спальный мешок, чтобы согреть вас, — продолжал Джейк.

— Давай-ка на этом остановимся, Джейк, — сказал Майкл.

— А мы будем наблюдать постепенное замедление вашего пульса, — сказал Джейк.

— Ты даже не представляешь, как близок к истине, — сказал Майкл.

— Отличный способ расслабиться — принять позу младенца, — продолжал мальчик, — причем лицом к полу.

Магнус тем временем сходил на кухню и поставил чайник. Он принес Майклу чашку чая. Тот был очень тронут.

— Может, хотите поесть? — спросил Магнус.

— Нет, спасибо, — сказал Майкл.

— Вам не повредит, — заметила Астрид.

— Ты так думаешь? — спросил Майкл.

— Яйца так прекрасны, — сказала Астрид. — Когда съедаешь яйцо, словно съедаешь кусочек прекрасного.

— Вот как? — сказал Майкл. — Замечательный образ.

— Вам сварить или поджарить? — спросил Магнус.

— Или прямо сырые? — спросила Астрид.

— Поджарить, — сказал Майкл.

— Это вреднее всего, — сказал Джейк.

— Спасибо тебе, Джейк, — сказал Майкл.

Магнус ушел на кухню. Майкл свернулся в кресле калачиком, положив голову на подлокотник. Он смотрел рекламу вверх ногами. Именно так и следовало всегда смотреть рекламу. Это придавало ей абсолютную сюрреалистичность. Начался фильм. Старый, черно — белый, тридцатых годов. Маргарет Локвуд. «Леди исчезает».[73]

— Это Хичкок, — сказал Майкл.

— И он еще запрещает мне ругаться! — сказала Астрид.

— Ха-ха-ха, — хохотнул Майкл.

Фильм был просто гениальный. Полфильма — безумие, какой-то хаос не связанных событий, сюжет — словно плохо слепленнымй фарс, но в конце концов все части мозаики собираются в идеальное целое. Группа англичан из-за силь-

---

[73] Примечания: 73
Знаменитый фильм А. Хичкока, 1938 г.

ной непогоды застряла в какой-то гостинице где-то в горах в Восточной Европе, а потом все отправляются домой в одном поезде. Но вскоре обнаруживается, что пропала одна милая пожилая леди, и юная красавица, ее попутчица, пытается убедить всех, что дама была с ними, что она существовала в реальности, а почему-то все немцы, едущие в том же поезде, в том числе странноватый нейрохирург, вступают в сговор, чтобы выставить ее чокнутой. Только спортивный молодой англичанин верит ей, хотя тоже не вполне. В фильме много шуток насчет подавленной сексуальности, Фрейда и т. п., а в конце оказывается, что дело касается национальной безопасности.

КОНЕЦ.

Майкл вытянул руки над головой и от души, громко зевнул.

— Потрясно, — сказал Магнус.

— Отличный фильм, — сказал Майкл.

Джейк пробормотал что-то одобрительное.

Майкл снова потянулся. Место говоря, он прекрасно себя чувствовал. Может, сандвич с яйцом сделал свое дело. Может, неожиданная чуткость Магнуса, как только он пришел. А может быть, тот факт, что сам фильм был шедевром, одним

из тех, который он точно должен был видеть раньше, не мог не видеть, он бы поклялся в этом не задумываясь, однако на самом деле он никогда его не видел и даже не подозревал о столь блестящем сюжете, хотя это была самая что ни на есть махровая классика, без сомнения, его миллион раз показывали по телику, а он все прохлопал.

А может быть, сыграла роль сама обстановка, когда идешь смотреть классный фильм в темном помещении среди других людей. Как бы то ни было, сейчас он ощущал прилив сил, словно преодолел границы собственного «я». И вот что: он даже не думал о своем «состоянии», ни на секунду не вспомнил за весь сеанс!

— Там сказано, что его снимали в Ислингтоне,[74] — сказала Астрид. — Вы видели, видели? В самом конце, после слова «Конец», там было сказано, это снимали здесь!

— Да, у канала, — сказал Майкл. — Там раньше была киностудия.

— Не может быть! — сказала Астрид.

— Да, все именно так, — сказал Майкл. — Там снимали всякие костюмированные фильмы. Я уверен, его тоже снимали там.

---

[74] Примечания: 74
Район в центральном Лондоне.

Не может быть, — повторила Астрид.

Она включила верхний свет. Майкл зажмурился, яркий свет резанул по глазам. Мальчики напоминали длинноногих нескладных жеребят; кресла, в которых они сидели, были им будто малы. Казалось бы, в таком возрасте дети склонны проявлять внимание к другим. Астид танцевала по комнате. Худенькая, длинноногая, длиннорукая. На ней была футболка с надписью: «Я та девочка, которой боятся твои родители».

— Астрид, — сказал Майкл. — Тебе не холодно в одной футболке?

— Надо же, киностудия, где снимали фильм, находится здесь! — твердила она. — С ума сойти. Прямо здесь, у нас под носом, в Ислингтоне!

Она плюхнулась на подлокотник кресла, в котором сидел Майкл, словно ребенок, которым она вот-вот перестанет быть. Слова, выведенные у нее на груди, почти касали глаз и губ Майкла. «Я — девочка — боятся». Потом она приоткрыла свой нежный ротик, обнажив язык и мелкие зубы, и почти касалась губами его лица, рта, вертясь и елозя.

— Четно-честно правда-правда-правда? — спросила она.

Майкл сделал вид, что у него зачесались глаза.

Он потер их, потом откинулся на спинку, не открывая глаз. И пару раз уверенно кивнул.

— Когда я тебя обманывал? — сказал он.

…дороги, где на перекрестке из земли торчали почтовые ящики, ох, насмотрелась она на них за это время, и они уже не казались ей особенно трогательными, так, дальше идет проселочная дорога, а через несколько миль от нее ответвляется уже совсем узкая дорожка, которую она прозевала в первые две попытки. Дорожка привела ее к другой тоже почти неезженной, которая шла вдоль весеннего распускающегося леса и выходила на поле, а за ним на другое, третье, где паслись невообразимо прекрасные лошади. Холеные, само совершенство. За оградой под электрическим током, увешанной табличками «Проход воспрещен», лоснились и зеленели поля без конца и края. А между кромкой леса и многочисленными конюшнями тут и там виднелись дома. Без всяких оград. Некоторые были с иголочки, явно сооруженные по дорогим проектам, дома обеспеченных владельцев конных заводиков. А иные — менее презентабельные, поросшие мохом, некоторые совсем обшарпанные, с отваливающейся штукатуркой и латаной-перелатаной крышей, пошедшей волнами от многолетнего

воздействия ветра и дождя. Большинство, вероятно, были летними «резиденциями», куда хозяева приезжали на время. Ведь от города сюда добираться всего два часа. И все, даже самые запущенные, были похожи на домики из детских сказок. Все без исключения — просторные. У всех были крылечки и двери из плексигласа. И у входа в каждый, даже в необитаемые как минимум несколько лет, стояли шесты с украшениями в виде звезд и ленточек, неподвижных в безветрии.

Ева припарковалась прямо на траве, напротив какого-то дома. Как и все остальные, он стоял посреди обширного участка травы. Причем ее не косили уже давно. Через три сотни ярдов, за деревьями прятался еще один дом, позади него — третий, и еще, и еще, позади поселка простирался прекрасно различимый в свете Луны далекий контур горной гряды, чье название она запомнила еще по школьному атласу. Катскилл, умница. Ум. Ницца. Это Ева-15 сочинила и записала в свой потрепанный дневник на уроке географии, посвященном слоям и коре Земли. Значит, Ева-43 ехала по верной дороге. Она знала точный адрес наизусть вот уже больше тридцати лет.

Ни на одном из домов не было номера. Пара домов вообще казались бесхозными. Вот этот,

напротив нее, похоже, пустовал не первый год. В доме по соседству было тихо и темно, зато рядом с другим, что подальше, стояло несколько машин. Свет в доме погасили совсем недавно. Ева слышала, как люди зовут друг друга, как лают собаки.

По ее прикидкам, дом напротив был тот самый, который снимал ее отец, где он жил со своей второй семьей до самой смерти. Но дом выглядел заброшенным. Может, это и не его дом. На эту честь мог претендовать любой из окрестных особняков. А те, кто приехали в дом по соседству, с машинами и собаками, могли оказаться его родственниками, — впрочем, это было маловероятно: фасад дома выходил на другую дорогу. Но они могли знать точно, где тут дом ее отца, — если бы она сообразила постучаться к ним и спросить, пока еше не все улеглись спать.

В этой стране луна светила столь ярко, что при желании можно было ночью читать газету — если такое желание возникало. Вот сейчас Ева достанет газету и сядет на крыльцо заброшенного дома почитать.

Она вышла из машины. И уселась на капот.

Она находилась в самом сердце штата Нью-Йорк. Вдали виднелись горы Катскилл. Стоял май. В руках она держала газету, купленную этим

утром в Нью-Йорке. На первой странице была крупная фотография мужчины, упакованного в черный пластиковый мешок. Это был самый настоящий труп. Отрешенное лицо человека, недавно отошедшего в мир иной. Мешок был застегнут почти до конца, но можно было разглядеть следы побоев на лице, разбитый нос, сломанные зубы, закатившиеся глаза. Рядом с трупом стояла девушка в полицейской форме. Хорошенькая, с улыбкой на губах, она выставила вверх большой палец, мол, отличный снимок. Ниже шел репортаж о женщине-пленнице семидесяти с лишним лет. Как-то раз ее вывели из камеры и стали натравливать собаку, чтобы заставить саму бегать на четвереньках, как собаку. Один солдат уселся ей на спину и так катался по тюремному двору, как на лошади. Были и другие снимки военнопленных, которых заставляли — под угрозой оружия или травли собаками — раздеваться. Потом солдаты надевали им на головы мешки и приказывали ложиться друг на друга, голышом, пока не получался штабель из живых голых тел, на фоне которого солдаты охотно снимались, радостно улыбаясь, словно на милом семейном празднике.

Ева, рассматривая эти фотографии, вдруг по-

няла, что в ее сознании происходит нечто очень странное. Она читала об этом феномене: несмотря на то, что фотографии посылали в мозг информацию о неких реальных событиях, чем больше она смотрела на них, тем меньше испытывала эмоций или вообще «брала в голову». Чем дольше она рассматривала эти фотографии, тем меньше *верила*, что это происходило с реальными людьми, и тем более обыденным занятием казалось складывать людей в штабеля, в принципе такое можно было устроить где угодно и потом сделать себе забавную фотографию, встав перед живой поленницей с широкой улыбкой.

Она совершенно ясно видела фотографию трупа в мешке и улыбающуюся девушку-солдата, хотя на дворе была глубокая ночь. И она не знала, что ей делать: продолжать смотреть на фотографии или уже хватит. Ответа не было. Это и был ответ. Она жила в такую историческую эпоху, когда не возбранялось так вот улыбаться, стоя рядом с человеком, погибшим мучительной смертью. Сама Ева взяла годовой отпуск от своих историй. Как-то она шла по улице в Лондоне и вдруг увидела в витрине студенческого турагентства большой рекламный плакат. А: ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ? Ева шла на пресс-конференцию

на тему «Семьи Против Использования Светлой Памяти Погибших». Ей уже рисовались газетные заголовки. СПИСПП взывает к Богу. СПИСПП добьется справедливости. Родственнички, видите ли, объединились с целью выкачать денежки из «Джупитер-Пресс» и из Евы. В голове у нее роились фразы, которые она составляла всю ночь. *Кто решает, что есть память? Кто решает, что дозволено воображению? Кто решил, что мои истории, выдуманные мною посмертные судьбы этих людей не имеют права на существование?* Она намеревалась отвечать на каждый их вопрос вопросом. Это придаст ее ответам искренность, покажет ее понимание корня проблемы и в то же время позволит оставаться в беседе хитроумным сфинксом. Она прошла мимо турагентства, вдруг остановилась и вернулась, чтобы еще раз прочесть слова на плакате. Б: ИЩЕШЬ СВОЙ ПУТЬ? ВОЗЬМИ АКАДЕМ. ЖИВИ НАСТОЯЩИМ. Прочитав это, она вошла внутрь и нажала кнопку на аппарате, выдающем талончики с номером очереди. На нем значилась цифра 6. Сейчас так мало людей едут куда-то просто так, что они подумывают продать свой аппарат, поделилась с ней женщина-менеджер. А неважно, что я не студентка? — спросила ее Ева. Вам это обойдется

дороже, но в смысле вашего внутреннего решения — конечно нет. Любой может взять годовой отпуск. Где бы вы хотели побывать?

И вот вместо пресс-конференции Ева отправилась к своему терапевту и записалась на прививки. На данный момент ей приходилось снимать деньги в банкоматах HSBC по всему свету. Ей предлагали сексуальные услуги-в основном мужчины, но не только — с одинаковой регулярностью почти во всех городах, где она снимала деньги. Она пила «колу» в номере отеля в Риме. Она пила «колу» в баре с видом на дворец в Гранаде. Она пила «колу» в баре-шале высоко в горах Швейцарии. Она пила «колу» в баре отеля в Ницце на Английском бульваре, через дорогу от компании наркоманов, расположившихся на каменной скамье. Она пила «колу» в прохладном вентилируемом ресторане в богатом районре Коломбо, смотря в окно на ребятишек — обитателей полуразвалившейся башни, где отверстия на месте выбитых окон были заткнуты тряпками. Она пила «колу» в тошнотворно дорогом баре в Кейп-тауне. Она очутилась в какой-то грязной дыре в Эфиопии, где не было буквально ничего, только колючки да мухи и ни грамма еды, никакого скота, лишь

единственный раздолбанный грузовик без шин, несколько шалашиков да тощие славные люди, с неизменной улыбкой, предложившие ей свое гостеприимство, разделившие с ней все, что у них было, то есть почти ничего, а потом они всем гуртом повели ее, словно циркового медведя, в местный бар и продемонстрировали автомат с кока-колой, у которого небольшая группа людей спорила, кивала и суетилась, потом позвали еще несколько приятелей, пока наконец не собрали нужную сумму и монетку за монеткой опустили в прорезь автомат, который выплюнул — таки из заросшего пылью чрева вожделенную баночку. *Посылаю вам эту открытку из аэропорта,* написала она, *чтобы сообщить: сегодня я выпила последнюю «колу» в своей жизни.*

Две недели назад она опустила монетки уже в игральный автомат, в Лас-Вегасе. А потом бросила все, что выиграла, с обрыва Большого Каньона: жалкая мелочишка, брошенная в самый колоссальный монетоприемник мира. Что за выигрыш ее ждет? Что брызнет на нее из чрева этого грандиозного чуда природы? На всякий случай вслед за монетками она бросила туда же и свой телефон. Он был недешевый. Все-таки — с международным роумингом. На экранчике теле-

фона злобная красная иконка в виде телефонной трубки требовательно мигала уже который день. *У вас новые сообщения.* Прежде чем выбросить мобильный, Ева оставила следующее сообщение на домашнем телефоне.

Привет, мои милые, привет Астрид, Магнус, Майкл, это я. Кстати, я сейчас рядом с Большим Каньоном. Даже не знаю, как его описать. В общем, теперь мне кажется, что никаких плоских тротуаров и тем более дорог не существует вовсе. Мне кажется, я теперь до конца жизни буду страдать головокружением. Сейчас я сижу на самом обрыве. Я нахожусь на южной стороне. Северная все еще скрыта тьмой. Между прочим, от южной до северной десять миль. Служитель на обзорной площадке рассказал мне, что раньше с одной из площадок можно было *увидеть* закругление Земли, ну, с помощью специального телескопа, но сейчас ее уже не видно. В том месте, где я сижу, вдоль обрыва идет невысокая ограда. Но ее легко перелезть и посмотреть прямо вниз — так я и сделала и увидела там, на дне, лишь тоненькую зеленую ленточку. Как вы понимаете, это Колорадо-ривер. Передо мной стоит какой-то японец. Решил сделать классный снимок. Для этого он встал на камень у обрыва. По-моему, это

несколько безрассудно. В том смысле, что я еле сдерживаюсь, чтобы не вскочить, подбежать к нему и столкнуть вниз. Сколько птиц! В основном вороны, кажется. Еще я вижу коз, да, Астрид, тут меж скал бродят козы. Я словно попала на другую планету — если не считать туристов. Словно я нахожусь на Земле до появления человека — если не считать туристов. Конечно, я и сама туристка. На самом деле все это непостижимо. Немного сносит крышу. Невероятная красота. Цвета в Каньоне меняются в зависимости от освещения. Какая громадина. Кстати, я собираюсь сейчас бросить туда свой телефон. Мне так хочется бросить что-нибудь в пропасть — но я не стану прыгать сама и не стану толкать этого славного японца. Просто перед этим мне хотелось с вами поболтать. Я вас люблю.

Не вся Евина речь записалась на автоответчик; он пропищал об окончании времени, отпущенного на сообщение, еще на словах: и увидела там, на дне.

На противоположной стороне Каньона, еще не различимой невооруженным глазом, на каменном уступе лежит ее давно умершая мать, накачанная морфием, и поет псалмы и разные песни, путая слова. *Поет моя душа любовь Гос-*

подь к тебе. Пришла медсестра и прикрыла дверь. *На остров детства моего хочу попасть я снова.* Ее матери было всего сорок четыре; конец. Она больше не могла держать голову; голова покоилась на ее груди, словно у мамы была сломана шея. Шея просто больше *не работала.* Мама тогда взяла Еву за руку и сжала ее с такой силой, что Еве стало больно, а когда отпустила, на пальцах Евы остались отпечатки ее колец. Она заговорила, то есть произнесла, вроде бы что-то сказала, но это были не слова. Поэтому Ева так и не узнала, каковы было предсмертное напутствие ее матери.

— Думаю, ты была уже достаточно взрослая, чтобы справиться, — сказал Майкл в первый же день их знакомства. — Ты уже перестала быть ребенком. Ты миновала стадию, на которой, по мнению психологов, дети, слишком маленькие, чтобы осмыслить потерю, ощущают, что их покинули все и навсегда.

— Ее последние слова были бессмыслицей, — сказала Ева.

— Нет, ты не права, — заметил Майкл. — В них был смысл — потому что она произнесла их. И хотя не знаешь, что она хотела сказать, они имеют смысл, потому что она сказала их тебе, как мать дочери.

— Да, — сказала Ева.

— Понимаешь, если конкретный смысл произнесенных слов неясен, — продолжал Майкл, — это не значит, что он отсутствует.

Этот разговор стал одной из главных причин, почему она вышла замуж за Майкла. Он показался ей человеком, с которым возможно вести беседы на особом уровне.

Бедный Майкл. Девушка по имени Эмма Саквил в конце концов устроила ему веселую жизнь. Правда, притаилась на автоответчике и лишь ждала, пока они вернутся из Норфолка. Но в их последний разговор ей показалось, что Майкл приходит в норму. Небольшое издательство решило напечатать сборник его стихотворений. Два появятся, кажется, в «Литературном приложении «Тайме». Майкл был по-детски счастлив по этому поводу. Но Астрид и на этот раз не пожелала с ней говорить, а Магнус был в библиотеке со своим другом, они готовились к экзаменам.

Ева: Священником? Почему — священником?

Майкл: Да я говорил ему, что сначала необходимо принять веру, что нельзя просто так взять и стать священником, но он посмотрел на меня как на кретина, — впрочем, он всегда смотрит на меня как на кретина. Ты не волнуйся, с ним все

нормально, он очень огорчится, что не поговорил с тобой, вообще у нас все хорошо.

Ева: А как Астрид?

Майкл: Нормально, у нас все нормально.

Ева: Она продолжает одеваться во все красное?

Майкл: Послушай, у нее все хорошо. Ты не переживай. С ней полный порядок. У нее появились друзья. Она теперь делает альтернативную школьную газету, так, кажется. Сейчас она у себя, пишет очередной манифест. Яблочко от яблони.

Ева: Манифест? Ну неправда, я никогда не писала манифестов! О чем речь-то?

Майкл: Откуда мне знать? Так она мне и рассказала. Но зато она продемонстрировала мне значок — она сама делает их для своих друзей. И великодушно заявила, что может сделать и мне.

Ева: Да ты что? Майкл, ты счастливчик, живешь праведной жизнью.

Майкл: Правда, у меня был выбор: взять со словом «Воображение» или «Страх».

Ева: Воображение и страх?

Майкл: Да, именно так.

Ева: И что же ты выбрал?

Майкл: Нет, это секрет.

Ева: Тогда понятно, трусишка.

Майкл: Ха-ха.

Ева: Майкл, передай им обоим, что я их ужасно люблю. Что я думаю о них, сразу как только проснусь и перед тем как засыпаю. Я вижу их так ясно, словно они здесь, со мной.

Майкл: Ну, это уж слишком. Я точно знаю, что они здесь, со мной.

Ева: Знаю, знаю.

Майкл: Это я сужу по счетам из магазинов. Кстати, а как же я? Обо мне ты тоже думаешь?

Ева: Да, конечно. Ну да, я иногда вспоминаю о тебе. Как решил назвать-то?

Майкл: Что назвать?

Ева: Твой сборник стихов. Ты придумал название?

Майкл: А-а. Ну да. Я как-то забыл об этом. Надо бы нам почаще созваниваться. Он называется «Леди исчезает».

Ева: «Леди исчезает». А хорошо.

Майкл: Тебе нравится?

Ева: Кстати, тебе много заплатят?

Майкл: Хорошая шутка.

Ева: Нет, я серьезно, как у вас с деньгами?

Майкл: Ну, как сказать, пока мы держим оборону, но апачи явно готовят атаку, и я не думаю, что сборник сонетов надолго сдержит из ярость.

Ева: …То есть?

Майкл: То есть. Я не знаю, что будет дальше. Просто стараюсь не думать об этом.

Ева: Знаешь, я тоже поиздержалась.

Майкл: О! Это значит, что скоро ты вернешься домой?

На той стороне Каньона Ева снова увидела свою мать. На этот раз она уже не лежала в больничной койке, куда там! Она была молода, беззаботна и как будто стояла, опершись локтями на кухонную стойку, глубоко задумавшись. Она помахала Еве, и Ева разглядела, что та опирается на тонкую пластиковую панель, повиснув в прозрачном воздухе, а под ее ногами, болтающимися в пустоте, носятся крикливые вороны. На той стороне Большого Каньона стоял и тот, кто был ее отцом. Он картинно висел в воздухе над пропастью, над общей могилой длиной в 250 миль, шириной десять и глубиной в одну милю. Он казался старше, как-то грузнее, облысел. На нем был элегантный костюм; он открыл объятья ей навстречу. И тоже помахал ей рукой. А потом — и матери. И та помахала ему в ответ. А они оба, наконец воссоединившись, улыбнулись и вместе помахали ей на прощанье, словно находились на отдыхе в чудном месте, искренне наслаждаясь жизнью, и это было их долгожданное обращение

к ней, которое наконец-то осуществилось.

Нет-нет. Она созерцала северный обрыв Большого Каньона, по-прежнему недоступный из-за погоды. Сезон еще не открылся, хотя на дворе стоял май. Но предлагались экскурсии на вертолете, было бы желание. Господи, да стоит купить билет — и лети на здоровье.

Потом она подумала: пожалуй, я поеду на север и хотя бы найду его дом. Надо же посмотреть на места, где я могла вырасти.

Она купила карту автодорог за наличные. А машину взяла по кредитке в Лас-Вегасе. Я не уверена, что карточка действительна, сказала она продавцу в салоне подержанных машин. Кажется, крепкий мужик в рубашке с короткими рукавами, на нее запал. Он подмигнул ей и достал переносное устройство для операций с кредитками. Ох, не верю я вам, девушка, сказал он. Но я ничем не рискую. Все застраховано.

И вот Ева сидит на крыльце брошенного дома с газетой под мышкой. Крыльцо жалобно поскрипывает. Наверное, подгнило. Интересно, это его дом? Она не знала. Да какая разница? Она посмотрела на горы. Там в ночной тьме на фоне хребта, четко выписанные в лунном свете, возникли все Евы, в которых она могла превратиться на

протяжении жизни. Они все взялись за руки и закружились в шотландском танце, высоко подкидывая ноги. Одна была Ева-американка. У нее была идеальная кожа, она удачно вышла замуж. Жила она в доме, на крыльце которого сейчас сидела Ева, со своими детьми, все — мальчишки, и мужем, владельцем конюшни; это их прекрасные лошади паслись на сказочных полях. Рядом с ней выплясывала другая Ева — американка, истинная ковбойша, она так и не вышла замуж и была сама себе хозяйка. Загорелая, пышущая здоровьем, словно золоченая статуэтка, он работала на ферме и разводила красавцев-чистокровок. Руки у нее были рабочие, сильные. Она знала, как содержать лошадей и как их объезжать. Следующая была Ева почти как настоящая, с одной разницей: ее мама не умерла в сорок лет. Эта Ева была счастлива. Она словно излучала свет. Рядом была Ева, которая так и жила с Адамом Беренски. Лицо-маска. Рядом Ева, которая не встретила в своей жизни Адама Беренски. Это было непостижимо. Ева не могла представить, какова эта Ева. Дальше пошло легче — Ева, ставшая стюардессой, о чем она мечтала лет с восьми. Такая стильная, четкая. Ее пиджак а-ля шестидесятые был застегнут на все пуговицы.

Рядом с ней — снова Ева почти как реальная, но с той разницей, что эта Ева заботливо застегнула на все пуговицы курточку Астрид, прежде чем отпустить ее в большой мир, в дождь и снег, и ощутила простую, истинную любовь, такую, от которой испытываешь не страх, а огромное счастье.

Шеренга «Ев» растянулась вдоль всего чернеющего хребта. Они помахали Еве в той же манере, что и ее умершие родители, и продолжали беззаботно потрясывать каблуками и танцевать, словно человек мог в любой момент своей жизни взять, передумать и поменять свою судьбу.

Ева потрясла головой. Ей снова вспомнился мужчина в черном мешке, лицо которого было воспроизведено с помощью мельчайших чернильных точек, отпечатано в миллионах копий и разослано по всему миру, одна из них торчит сейчас у нее под мышкой, уже макулатура. Она подумала об ухмыляющейся девушке — рядовой. Вспомнила ее глаза-щелочки, омерзительный жест, палец, торчащий вверх. Ведь ее глаза были изображены теми же самыми чернилами с помощью таких же малюсеньких точек, что и глаза мертвеца. От мертвых не жди неприятностей. Мертвые, как ни крути, в шоколаде. Ева начинала

больше скорбеть о живых.

Так что же, был ли смысл сидеть вот так на пороге брошенного дома, на шесте перед которым гордо болтается оборванный флажок? Может, это даже не дом ее отца. Ну допустим; а вздумай она проникнуть внутрь, интересно, нашлось бы там что-то ценное для нее или хоть для одного человека в мире? Конечно, она имеет в виду нечто более значимое, чем старый замызганный кофейник, который поленились отмыть, или оставленная в раковине чашка с темным ободком от кофе, из которой уехавший неизвестно куда человек пил перед дорогой.

Чего она вообще ожидала от своего путешествия? Может, она представляла себе сцену из незатейливого «семейного» романа — когда она приблизится к дому своего отца, он вдруг весь засияет огнями, словно гигантская настольная лампа, прорвав темноту ночи и осветив всю округу, дверь его распахнется словно сама по себе, а пока она будет идти вдоль дорожки, розовые кусты будут кланяться ей и протягивать ей ветви с лучшими цветками? Что есть счастье, что есть конец? Что есть хэппи-энд? Она отказывала себе в настоящем счастье и не желала видеть истинного завершения, страшно сказать, годами, до

того самого момента, когда открыла дверь своего опустошенного дома, где не осталось ни шкафчика, ни картинки на стене, сплошь голые комнаты — ни следа ее пребывания, ни единого повода для Евы Смарт удостовериться в том, что она здесь жила, что она вообще живет на этом свете.

Она ясно видела своих детей, словно глядела на них с огромной высоты, превратившись в одного из этих черных воронов Большого Каньона и летая прямо над ними. С высоты она видела, что они как будто движутся по разным дорогам разных карт, а карты эти представляют собой графические схемы, схожие со схемами в указателе «Хайуэй коуд»,[75] на которых показаны точки пересечения всех автодорог. Сотни таких перекрестков и всевозможные пути к другим перекресткам стелились перед обоими словно гигантская сеть ярко светящихся хромосом. И как только Майкл или Астрид подходили к очередному перекрестку и выбирали новый вектор движения, целые матричные поля под их ногами погружались во тьму. Но что плохо — эти «карты» были из бумаги. Причем бумаги тонкой, газетной, словно прикрывающей первобытную

[75] Примечания: 75
Справочник-указатель всех автодорог Великобритании.

охотничью ловушку, ямой в милю глубиной. И в любую секунду, стоило ее мальчику или девочке не рассчитать силу прыжка или просто оступиться, карта могла порваться или смяться, или сорваться и улететь прочь…

Прямо перед Евой через залитую лунным светом дорогу перед пустым домом мощным прыжком выпрыгнула на траву огромная дикая кошка. В зубах она держала кролика или какое-то другое мелкое животное, мертвое. Вот кошка заметила Еву, сидящую на крыльце. Она замерла в нескольких метрах от Евы и стала глядеть.

А потом отвернулась, с величественным безразличием проделала свой путь по траве к проселочной дороге позади домов и скрылось в лесу.

— Ох. еть, — произнесла Ева еле слышно.

Она сошла с крыльца и посмотрела в ту сторону, куда скрылась кошка. Никаких следов. И хотя она ничем не могла доказать, что эта встреча действительно произошла, главное, что она *испытала* это, и ее сердце колотилось от возбуждения. Она ведь никогда — ну разве что в зоопарке, на фотографиях или по телику — не видела кошку больше домашней. Это была рысь или пума, а может, неизвестное ей животное, ростом с крупную

собаку, с характерными кисточками на ушах. А сколько достоинства, уверенности! Вся сцена длилась ровно пять секунд.

Ева направилась по траве от дома к своей машине. Забралась внутрь. Бросила газету на пассажирское сиденье и уже потянулась вперед, чтобы завести машину и поехать обратно в Нью-Йорк по шоссе, вдыхая вонь скунсов и паленых покрышек.

Но вместо этого Ева опустила голову на руль. Она подумала об Астрид, своей девочке, и Магнусе, своем мальчике. Представила, что они сейчас с ней, в этой машине; Астрид на заднем сиденье ворчит на весь свет, доводя ее до белого каления. Магнус впереди, крутит переключатель радиостанций или глядит в ночное небо через лобовое стекло. Она едет на низкой скорости по какой-то проселочной дороге, и вдруг прямо перед машиной дорогу перебегает дикая кошка, пружиня на больших мягких лапах.

Астрид задохнулась бы от счастья.

Магнус тут же сообщил бы им название вида.

Она уснула на водительском сиденье, а когда проснулась, был свет.

— Здрасьте, — сказала Ева.

Женщина, стоящая перед ней, была само спо-

койствие, но зла, как ведьма. Она держала за ошейник старого пса. Эта со вкусом одетая стройная блондинка излучала такую враждебность, что Ева невольно сделала шаг назад к спасительной машине.

— Вы опоздали, — сказала женщина.

— Серьезно? — спросила Ева.

— Я ожидала вас ровно в восемь, — сказала женщина. — И впредь заходите через задний вход. Это — парадный. Ребекка! — взвизгнула она. — Быстро сюда, возьми собаку.

Маленькая светловолосая девочка в джинсах и футболке спустилась по лестнице позади женщины и проскользнула наружу, намеренно не касаясь матери.

— Привет, — сказала Ева.

Девочка взяла собаку и пошла с ней мимо Евы за угол громадного особняка. Женщина повернулась спиной к Еве, направилась в глубь дома, остановилась. Потом нетерпеливо вздохнула. Ева проследовала за ней в дом.

— Я хочу сразу расставить все точки над «I» и сказать, что считаю часовое опоздание совершенно неприемлемым, — продолжала женщина, по-прежнему идя впереди Евы по прихожей мимо лестницы, которая расширялась кверху, словно в

старых голливудских фильмах. — Вообще я человек лояльный, ноу меня есть принципы, которые я прошу вас соблюдать.

В голове Евы зароились фразочки. Начинались они примерно так: *А кого вы, собственно,* или *Простите, но я не.* Но, к собственному удивлению, у нее вдруг вырвались слова:

— А если я скажу вам, что у меня сломалась машина?

— Заморочки вашей машины меня не касаются, вот и все, — сказала женщина.

Они дошли до гигантских размеров кухни. Цельный кухонный модуль занимал всю стену. Барная стойка и раковина были доверху заполнены грязными тарелками. Женщина продолжала говорить, не глядя на Еву. Она обращалась к точке в пространстве где-то в полуметре от головы Евы.

— Посудомоечная машина. Моющие средства. Щетки-губки. Детергенты для пола и поверхностей. Средства, перечисленные в списке агентства, — наверху, в прачечной. Все остальное, необходимое для работы, как мне сказали, у вас с собой. Боб из агентства должен был выдать вам схему дома. Давайте обсудим детали по вашей копии.

— Боюсь, я не имею ни малейшего представления о схеме, — сказала Ева.

— Как это, не имеете представления?

Лицо женщины выразило изумление, затем гнев, а затем такое непритворное огорчение, что Еве стало ее искренне жаль.

— Что ж, — вздохнула хозяйка. — В таком случае мне придется переговорить с Бобом. Ваше имя?

— Я Ева, — сказала Ева.

— Встречайте домашнюю прислугу! — раздался звонкий детский голос откуда-то из недр дома.

— Мы уже встретились, спасибо огромное, Ребекка, — крикнула женщина в ответ. — А какой кофе вы пьете, Яэва? — спросила она.

— О, большое спасибо, — сказала она. — Как это мило. Замечательно. Черный без сахара, пожалуйста.

Женщина налила немного кофе из кофеварки в чистую чашку. Перелила его в другую чашку. Потом поставила первую, пустую, еще дымящуюся чашку перед Евой и указала на посудомоечную машину.

— Правильный ответ на мой вопрос таков: вы вообще не пьете кофе. Во всяком случае, в рабочее время, — сказала она.

И покинула кухню, гордо неся чашку с кофе перед собой, словно военный трофей.

Ева расхохоталась. Она стала засовывать тарелки в первую из распахнутых посудомоечных машин, и вскоре хозяйка снова появилась на кухне. В отличие от тщательно напудренного лица ее шея была ярко-красного цвета. За ней на кухню вошла молоденькая латиноамериканка и двое светловолосых детей — та девочка, которая выгуливала собаку, и мальчик года на два младше, страшно похожий на гнома-тормоза из диснеевского мультика про Белоснежку.

Женщина шагнула к Еве и взяла ее за обе руки.

— Яэва, — сказала она. — Мне перед вами ужасно стыдно. Но вы должны простить меня. Мне так неловко, так неловко перед вами. Как я могла, боже мой.

— Я уже загрузила машину, — обратилась Ева к девушке-латиноамериканке. — Кажется, я все сделала правильно, ведь, как говорится, посудомойка она и в Африке посудомойка?

Девушка промолчала. Она смотрела в пол, само безучастие. Ей и так здорово влетит за опоздание.

— Будь добра, проведи нашу гостью в главную гостиную, Ребекка, — сказала хозяйка.

— А почему ее зовут Яэва? — спросил мальчик. — Она что, иностранка?

— Нейтан, солнышко, иди в другую комнату, посмотри телевизор, — сказала мать.

Ева пошла вслед за девочкой обратно в прихожую.

— Это фойе, — сказала девочка. — А это парадная лестница. Вот здесь главная гостиная. У нас на первом этаже есть еще три. Если хотите, можете посмотреть.

— Главная гостиная меня вполне устроит, благодарю, — сказала Ева.

— Можете сесть сюда, — сказал девочка, махнув рукой в сторону дивана, на котором могли свободно устроиться человек шесть.

— Спасибо, — сказала Ева. И сбросила ботинки на пол. — Скажи мне вот что, Ребекка.

Девочка устроилась на братце-близнеце дивана, на котором сидела Ева, в другом конце гигантской гостиной. Она взглянула на ботинки Евы. На ноги Евы. И только потом на саму Еву — как на забавного уродца в цирке.

— Я путешествовала, — сказала Ева. — Я проделала долгий путь. И прошу тебя ответить мне на один вопрос. Кто живет в том доме поменьше, таком обшарпанном, дальше по дороге?

Девочка как будто не слышала. Она раскрыла книжку и сделал вид, что читает.

— О, «Маленькие женщины», — сказала Ева. — Какая из них ты, интересно? Замужняя, хулиганка, кокетка или покойница?

Девочка не сдержалась и прыснула, и тут же снова заледенела.

— Так ты знаешь, кто жил в том доме? — спросила Ева. — Или кто там живет теперь?

Девочка смерила ее взглядом. И дернула плечом.

— Что ж, спасибо за ответ, — сказала Ева.

С дивана, на котором она сидела, сидящий смотрел на стеклянную стену, за которой шла деревянная терраса со стильной деревянной мебелью, с видом на гигантскую лужайку размером с небольшой лондонский парк, а еще дальше, за лужайкой, простирались поля, на которых паслись сказочно-прекрасные лошади.

— Твоя мать разводит лошадей? — спросила Ева.

— Лошадьми занимаются специальные люди, — ответила девочка, не поднимая глаз от книги. — Моя мама архитектор. Она спроектировала этот дом.

— Твоя мать — сука и самая жуткая тварь на

свете, — сказала Ева.

Девочка резко подняла голову, забыв про книгу. Она смотрела на Еву, разинув рот.

— Ага, подействовало, — сказала Ева. — Но это правда. Сама знаешь.

— Что правда и кто знает? — произнесла хозяйка.

Она вошла в гостиную с подносом, на котором стояли чашки и блюдца с разными вкусностями — хрустящими хлебцами, печеньем, сыром, тонко нарезанной ветчиной. В другой руке она держала все тот же кофейник.

— Ничего и никто, — сказала девочка.

Она была явно испугана.

— Ну что, кофе? — спросила женщина.

— Я даже не знаю, можно ли мне пить кофе в рабочее время, — сказала Ева.

Женщина одарила ее очаровательно-смущенной улыбкой.

— Мама, можно я погуляю с Сонни в лесу? — спросила девочка.

— Только держитесь подальше от гусей Данлопов, Ребекка, — сказала женщина. — А когда вернешься, будь добра, приведи себя в порядок.

Девочка ушла.

— А мы похожи, — сказала хозяйка. — Я тоже

пью черный без сахара.

— О, вы запомнили, — сказала Ева.

— К сожалению, Джерри вернется поздно, ближе к вечеру, — сказала хозяйка. — Он забирает старшего сына из колледжа. Да, прошлой осенью мы отмечали здесь совершеннолетие Ричарда, но я что-то не помню, чтобы вы были на нашем приеме.

— Нет-нет, — сказала Ева. — В то время я была в Европе.

Краем глаза она заметила, что снаружи из-за угла дома за ними наблюдает Ребекка. Поняв, что ее засекли, девочка тут же скрылась.

— Все дело в том, что вы приехали совсем, совсем рано, — сказала женщина. — Честно говоря, мы ждали первых гостей только к вечеру, а большинство приглашенных вообще приедет завтра после обеда.

— Не везет мне, дурочке, — сказала Ева. — То поздно, то рано.

— Это извиняет мою *faux pas,*[76] — заметила женщина. — Надеюсь, вы меня простите.

— Нет, — ответила Ева. — Ваше поведение непростительно. И не только со мной.

---

[76] Примечания: 76
Ошибка, неловкость (фр.).

Женщина ждала, что Ева рассмеется. Не дождавшись, она засмеялась сама.

— Что же, Яэва, — сказала она, — я очень рада видеть вас в нашем доме. Прошу прощения, но у меня сегодня очень напряженный день, а вы можете пока отдохнуть в вашей комнате или развлечься, например, покататься по… — господи, кажется, вы говорили, что у вас что-то с машиной?

— Она стоит там, у дороги, — ответила Ева. — Я оставила ее на обочине у первого дома, у болота.

— У вас потрясающий акцент, — заметила женщина.

— Спасибо, — сказала Ева.

— Такой… типичный, — сказала женщина. — Так говорят… так обычно говорят — не могу сказать, где конкретно, но…

— Наверное, на Би-би-си? — подсказала Ева.

— Точно. На Би-би-си, — сказала женщина.

Когда она удалилась, Ева до отказа набила карманы джинсов и куртки едой с блюдец, потом в гостиную вошла еще одна латиноамериканка, постарше, с огромной охапкой свежевыстиранных белых полотенец, чтобы проводить ее по главной лестнице, потом по стеклянной галерее в стиле модерн, потом по более-менее «человеческому»

коридору в приготовленную комнату. Полотенца она оставила на стуле в сияющей чистотой прихожей.

— Спасибо, — сказала Ева.

— Что вы, рада помочь, мадам, — сказала женщина.

Она закрыла за собой дверь. При этом дверь издала мелодичный звук.

Стоя посреди комнаты, Ева соорудила сандвич из кусочков печенья и сыра, которые напихала себе в карманы. С удовольствием съела. Потом сделала еще один. Тоже съела. Потом сложила остатки еды на прикроватный столик.

Комната была удобной и просторной. На потолке красовался большой вентилятор. Стены были отделаны деревянными панелями; да и по всему дому стоял такой же сладковатый запах древесины. Окна одной из стен выходили на бассейн, солидный комплекс хозяйственных построек и поле нереально ярко-зеленого цвета. На противоположной стене висели фотографии разных людей рядом с лошадьми или верхом. На трех снимках Ева опознала хозяйку-блондинку. Рядом с ней стоял красавец-мужчина, без улыбки.

Джерри.

Девочка была лишь на одном снимке — гораздо

младше и почти неузнаваемо жизнерадостная.

На остальных снимках был тот умственно-отсталый мальчик в ковбойском костюме, с ружьями, с ковбойским поясом и в шляпе-стетсоне верхом на белогривом пони, великоватом для малыша.

На стене не было ни одной фотографии упомянутого юноши, Ричарда (18 лет), которого папаша должен привезти вечером из колледжа. Сын от первого брака Джерри, — решила Ева.

Она сделала еще один сандвич с хрустящим хлебцем и съела его. Потом села на краешек безупречно застеленной постели.

И решила, что, пожалуй, поспит в машине.

Я родилась. И все такое. Мои мать и мой отец. И так далее.

Да неважно. Представьте себе прекраснейший дворец. Самый прекрасный дворец в мире. Теперь представьте много-много таких дворцов вместе. Дворец из дворцов. Подобные медовым сотам из камня и света. С двориками и арками, галереями и покоями, сотворенными из созвездий, ибо искусники-строители сотни лет назад вырезали в камне звезды, и солнце по-прежнему расплескивало их по полу и стенам всего дворца. Там есть изумительный фонтан. Он покоится

на спинах каменных львов. Стены издали кажутся сотканными из хитросплетений кружева. Подойдя ближе, вы видите, что эти кружева — каменные. В арке с воротами вырезана каменная рука, рядом — ключ. На стенах дворца вырезана надпись: *Нет победителя, кроме Аллаха.*

Он существует на самом деле! В Испании. Бронируйте билеты заранее, вход строго по расписанию. Каждый час его могут осмотреть триста пятьдесят человек. Некоторым его фрагментам более тысячи лет. Режиссер Рей Гарринаузен[77] снимал там большую часть натуры «Седьмого путешествия Синдбада», потому что он очень напоминает «древний Багдад». Он принадлежал мавританцам. Арабам. Берберам. Мусульманам. Был разрушен. Потом восстановлен. Совсем недолго принадлежал иудеям. Потом — снова недолго — цыганам. Христиане выгнали из него мусульман. Он принадлежал католикам, и они соорудили на крыше мечети церковь. Его обожали поэты. И писатели. И художники. Его обожали путешественники девятнадцатого века. Они отбивали от стен кусочки и увозили домой на память. Писатель Джон Раскин считал, что дво-

[77] Примечания: 77
Знаменитый американский кинорежиссер (род. 1920 г.).

рец явно «антихристианский», а посему не есть произведение искусства. Его изучал дизайнер и архитектор Оуэн Джонс и построил по его подобию свой Хрустальный дворец[78]. Знаменитый цирковой антрепренер Пи Ти Барнум[79] построил по его подобию свой особняк. Но долго он не простоял. Сгорел дотла. Многим кинотеатрам владельцы давали название в его честь. Как тот, где я была зачата. Вот мы и вернулись в начало.

Рай на земле. Альгамбра.

Первоклассное, однако вполне доступное пятидверное семиместное транспортное средство с объемом двигателя 2,8 литра, разгоняется до скорости 62 мили в час за 9,9 секунды.[80]

Это дворец из солнца.

Старомодный дряхлый кинотеатр с несгораемой фильмотекой. Есть огонек? Видишь теперь? Ты поосторожней. Я — воплощение твоей мечты.

---

[78] Примечания: 78

Хрустальный дворец — революционный для середины XIX века павильон из стекла, металла и бетона, построенный английским архитектором О. Джонсоном (1809–1894) для Всемирной выставки 1851 года в Гайд-парке Лондона. В 1852–1854 годах Хрустальный дворец был перенесен в Сиденхем-Хилл и перестроен, но в 1936 году сгорел.

[79] Примечания: 79

Разговорное прозвище Финеаса Тейлора Барнума, одного из основателей в 1881 г. знаменитого «шоу уродов», «Цирка Барнума и Бейли».

[80] Примечания: 80

Намек на модель автомобиля марки Seat.